

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

10

1963

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

ОКТАБРЬ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

МОСКВА 1963

СОДЕРЖАНИЕ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Указы Святейшего Патриарха Алексия архиепископу Кассиану и епископу Антонию	3
О пребывании митрополита Никодима в Риме	3
Наблюдатели Русской Православной Церкви на второй сессии II Ватиканского Собора	5
К участию представителей Русской Православной Церкви в сессии постоянных органов Всемирного Совета Церквей	5
О визите делегации Русской Православной Церкви к Церкви Дании	5
К православно-евангелическому собеседованию в Московской духовной академии	6
На правительственном приеме	6

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Речь Святейшего Патриарха Алексия при вручении жезла новопоставленному епископу Виленскому и Литовскому Антонию	7
Наречение и хиротония архимандрита Антония во епископа Виленского и Литовского	8
Епископ Варфоломей. Представители Русской Православной Церкви на свято-горских торжествах	11
Прот. М. Стаднюк. Зарубежные гости в московском храме свв. Петра и Павла	14
Прот. Н. Никольский. Посещение греческими церковными деятелями Успенского храма в б. Новодевичьем монастыре	15
Архиепископ Иоанн. Антиохийская церковная делегация во Пскове	16
Прот. А. Скобей. Представители Александрийской Церкви в Ярославле	17
Свящ. П. Мороз. Начало учебного года в московских духовных школах	19
А. Кравченко. Начало учебного года в Одесской духовной семинарии	20
Проф.-прот. П. В. Гнедич (Некролог)	21

ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Свящ. И. Никитенко. Поучение в Неделю 21-ю по Пятидесятнице	25
---	----

В ЗАЩИТУ МИРА

Прот. П. Соколовский. В общине «Агапэ»	28
--	----

ИЗ ЖИЗНИ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

Архимандрит Стефан. Незабываемый визит	32
--	----

ВОПРОСЫ ХРИСТИАНСКОГО ЕДИНСТВА

Объединенное коммюнике о визите делегации Русской Православной Церкви к Церкви Братьев в США	35
А. Казем-Бек. Визит протестантов Франции	37
Г. Скобей. Гость из Индии	40
Свящ. Л. Кузьминов. Об основах общехристианского единения	42

СТАТЬИ

Митрополит Никодим. К 1000-летию монашеского устройства Святой Горы Афон	50
А. Ведерников. Светильник веры и любви	54
Н. Иванов. Православный Символ веры	63

БИБЛИОГРАФИЯ

В. Владимиров. «Богословские исследования», 1962, №№ 5—6 и 7—8 (Журнал богословских институтов Румынской Патриархии)	76
--	----

Ответственный редактор — председатель Издательского отдела Московской Патриархии епископ Волоколамский ПИТИРИМ

Секретарь редакции Е. А. КАРМАНОВ

Адрес редакции «Журнала Московской Патриархии»: Москва, Г-435, Новодевичий пр., 1
Подписано в печать 14/XI 1963 г. Сдано в набор 14/XI 1963 г. Зак. 789

По оригинал-макету

Московская типография № 8

Управления полиграфической промышленности Мосгорсовнархоза
Москва, 1-й Рижский пер., 2

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

УКАЗ

**Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ**

**АРХИЕПИСКОПУ НОВОСИБИРСКОМУ И БАРНАУЛЬСКОМУ
КАССИАНУ**

Во внимание к исполнившемуся сорокалетию беспорочного служения Вашего Церкви Божией Вашему Преосвященству предоставляется право ношения креста на клобуке.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Одесса, Успенский монастырь,
23 августа 1963 года

УКАЗ

**Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ**

**ЕПИСКОПУ ВИЛЕНСКОМУ И ЛИТОВСКОМУ
АНТОНИЮ**

Ввиду высокого положения Виленской епархии среди епархий Русской Православной Церкви и во внимание к многолетней Вашей усердной службе Церкви Божией в священном сане я нахожу справедливым удостоить Ваше Преосвященство возведения в сан архиепископа, с правом ношения креста на клобуке.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Одесса, Успенский монастырь,
25 августа 1963 года

О ПРЕБЫВАНИИ МИТРОПОЛИТА НИКОДИМА В РИМЕ

Высокопреосвященный Никодим, митрополит Минский и Белорусский, член Священного Синода Русской Православной Церкви, находясь проездом в Риме, 15 сентября 1963 года нанес визит вежливости Его Святейшеству Папе Павлу VI, который принял его в частной аудиенции.

Митрополит Никодим посетил церковь св. Климента и молился на гробе св. Кирилла — первоучителя славянского. Он возложил цветы на могилу Папы Иоанна XXIII и совершил литию об упокоении его души. Он посетил также некоторые святыни Рима.

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ БЛАГОСЛОВЛЯЕТ ВЕРУЮЩИХ ВО ВРЕМЯ
БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ
ЛАВРЫ 18 июля 1963 года

НАБЛЮДАТЕЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ВТОРОЙ СЕССИИ II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА

На имя Святейшего Патриарха Алексия поступило от имени Его Святейшества Папы Павла VI приглашение о направлении на вторую сессию II Ватиканского Собора наблюдателей от Русской Православной Церкви.

Священный Синод Русской Православной Церкви в заседании своем от 23 сентября 1963 года рассмотрел приглашение и вынес решение назначить наблюдателями Русской Православной Церкви на вторую сессию II Ватиканского Собора проф.-прот. Виталия Борового, заместителя председателя Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии, и прот. Иакова Ильича, священника Преображенского собора г. Ленинграда.

К УЧАСТИЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СЕССИИ ПОСТОЯННЫХ ОРГАНОВ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ

С 17 по 24 августа 1963 года в Рочестере (США) проходили заседания очередной сессии постоянных органов Всемирного Совета Церквей, в работе которых приняли участие их члены от Русской Православной Церкви: архимандрит Ювеналий (Поярков), начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, — Молодежный департамент; А. С. Бувевский, секретарь Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии, — Департамент мирян; Л. К. Попандопуло, сотрудница канцелярии Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси, — Департамент сотрудничества мужчин и женщин в церкви, семье и обществе; протоиерей Е. В. Амбарцумов, настоятель Троицкого собора г. Ленинграда, — Отдел экуменической деятельности; А. Ф. Шишкин, доцент Ленинградской духовной академии, — Секретариат для изучения религиозной свободы; митрополит Нью-Йоркский и Алеутский Иоанн и А. Ф. Шишкин — Комиссия Церквей по международным делам; епископ Звенигородский Владимир — Отдел всемирной миссии и евангелизации; протоиерей И. М. Зуземиль, настоятель русского храма в г. Мюнхене — Департамент информации.

С 24 по 26 августа 1963 года в Рочестере проходили заседания Исполнительного Комитета Всемирного Совета Церквей, в которых участвовал член Исполнительного Комитета от Русской Православной Церкви митрополит Минский и Белорусский Никодим, председатель Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии.

С 26 августа по 2 сентября в Рочестере состоялась сессия Центрального Комитета Всемирного Совета Церквей. От Русской Православной Церкви в ней участвовали: члены Центрального Комитета митрополит Минский и Белорусский Никодим, митрополит Нью-Йоркский и Алеутский Иоанн, епископ Таллинский и Эстонский Алексей, проф.-прот. В. М. Боровой, заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии, и доцент Ленинградской духовной академии А. Ф. Шишкин.

О ВИЗИТЕ ДЕЛЕГАЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К ЦЕРКВИ ДАНИИ

Примас Евангелическо-Лютеранской Церкви Дании епископ Копенгагенский В. Вестергард Мадсен прислал Святейшему Патриарху Алексию приглашение о направлении делегации Русской Православной Церкви с ответным визитом Церкви Дании.

В соответствии с договоренностью между двумя сторонами в октябре 1963 года Церковь Дании посетит делегация Русской Православной Церкви в следующем составе: член Священного Синода, председатель Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии митрополит Минский и Белорусский Никодим (глава делегации), епископ Рижский и Латвийский Никон, секретарь Ярославского епархиального управления прот. Павел Красноцветов, член Отдела внешних церковных сношений Б. С. Кудинкин.

К ПРАВОСЛАВНО-ЕВАНГЕЛИЧЕСКОМУ СОБЕСЕДОВАНИЮ В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Как известно, в 1959 году в Арнольдсхейме (ФРГ) имело место богословское собеседование между представителями духовных школ Русской Православной Церкви и богословских факультетов евангелических церквей в ФРГ (см. «ЖМП» № 12, 1959, стр. 21—24).

В октябре сего года в Московской духовной академии состоится второе богословское собеседование. В нем примут участие представители богословской науки евангелических церквей в ФРГ и Русской Православной Церкви. В ходе собеседования будут подвергнуты обсуждению четыре богословских проблемы, по каждой из которых с содокладами выступят представители обеих сторон. Профессор Геттингенского университета д-р Г. Харбсмайер и профессор Ленинградской духовной академии Н. Д. Успенский зачитают содоклады по основной теме собеседования «Спасающие и освящающие деяния Божии посредством Святого Духа во время богослужения и в таинствах». Профессор Геттингенского университета д-р Э. Вольф и доцент Московской духовной академии епископ Волоколамский Питирим предложат участникам собеседования содоклады на тему «Основные проблемы современного богословского исследования в их развитии с конца XIX века». Профессор Гамбургского университета д-р Г. Кречмар и преподаватель Ленинградской духовной академии Н. А. Заболотский предложат содоклады на тему «Богословское и экклесиологическое значение Вселенских и Поместных Соборов Древней Церкви», ассистент Гейдельбергского университета д-р Р. Сленчке и доцент Московской духовной академии В. Д. Сарычев — содоклады «К критике и продолжению важнейших позиций евангелическо-православных переговоров».

НА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ ПРИЕМЕ

На приеме, устроенном Правительством Союза ССР 5 августа 1963 года в Большом Кремлевском дворце по случаю подписания в Москве Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, среди приглашенных были член Священного Синода Русской Православной Церкви митрополит Минский и Белорусский Никодим, член Священного Синода митрополит Ленинградский и Ладожский Пимен и член Священного Синода архиепископ Дмитровский Киприан.

РЕЧЬ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ при вручении архиерейского жезла новопоставленному епископу Виленскому и Литовскому АНТОНИЮ

в Успенском кафедральном соборе г. Одессы
25 августа 1963 года

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ЕПИСКОП АНТОНИЙ!

Совершилась о тебе благая и промыслительная воля Божия.

Неожиданно для тебя, когда уже к вечеру стал преклоняться день твоей жизни, пал на тебя от Господа жребий высшего служения в Церкви Христовой в сане епископа.

Многолетний опыт пастырского служения, умудрившего тебя «во спасение верою, яже о Христе Иисусе» (2 Тим. 3, 15), дает нам доброе знамение, что ты вступаешь в подлежащий тебе путь в совершенной преданности воле Отца Небесного и приемлешь призвание к архиерейскому служению не как только высший сан или высшую честь, но как зов благодати Божией, призывающей тебя к высшему духовному совершенствованию, к высшим трудам и подвигам, с искренним желанием явиться на ниве Божией «делателем непостыдным, право правящим слово истины» (2 Тим. 2, 15).

Но прежде чем отпустить тебя в этот путь после того, как Божественная благодать осенила душу твою через таинственное рукоположение сопастырей, чин церковный велит напутствовать тебя словом назидания, и хотя ты и сам разумеешь, какой высокий долг налагает на тебя твое новое служение, мне надлежит и известное тебе напомнить, по апостольскому примеру и слову: «мне убо неленостно, тебе же твердо» (Филипп. 3, 1).

Тебе, возлюбленный брат, предлежит стать на свещнице Церкви и быть светильником горящим и светящим; на тебя возлагается долг путем правым вести людей ко граду Бога Живаго, к Иерусалиму небесному; тебе надлежит являть в себе образ «Архиерея великого, прошедшего небеса» (Евр. 4, 14), и «с дерзновением приступать к престолу благодати» (Евр. 4, 16) и действием могущественной силы благодати творить и умножать живые порождения духа Божия и сосуды благодати и всегда, всеми действиями своими, служить Богу «в правде и преподобии истины» (Ефес, 4, 24).

Вот как высоко предстоящее тебе служение и как велик и труден этот подвиг в сравнении с немощными естественными силами человека.

Но мы знаем, что «сила Божия в немощи совершается» (2 Кор. 12, 9), и мы веруем, что всемогущая благодать Божия немощная врачует и оскудевающая восполняет, и с благодарением Богу исповедуем, что судьбы Церкви Он Сам строит и исправляет и зрит угодные Ему орудия

Своей благодати и, промышляя о людях Своих, печется о тех, кого избирает.

С этими ободряющими и утешительными чувствами бодро вступи в путь твоего нового послушания, и утешением и подкреплением для тебя да послужит то, что вступление твое на новый для тебя путь началось с пострижения в иночество в Лавре Преподобного Сергия, при несомненном благоволении и благословении Преподобного, а также и то, что отныне ты вступаешь под благодатное осенение великих угодников Виленских — святых мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, чей благодатный покров с древних времен простирается на паству литовскую, на ее пастырей и ее предстоятеля.

Итак, возлюбленный брат и сослужитель, с упованием на помощь Всемогущего Бога вступи на твое новое служение в мире душевном и сей архипастырский жезл прими как знамение силы и крепости, в охранение твоей паствы от искушений и бед и в необходимую опору тебе в твоём подвиге служения Церкви Божией.

НАРЕЧЕНИЕ И ХИРОТОНИЯ АРХИМАНДРИТА АНТОНИЯ (ВАРЖАНСКОГО) ВО ЕПИСКОПА ВИЛЕНСКОГО И ЛИТОВСКОГО

Постановлением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и Священного Синода от 3 августа 1963 года ректору Одесской духовной семинарии протоиерею Михаилу Варжанскому, по пострижении в монашество и возведении в сан архимандрита, определено быть епископом Виленским и Литовским.

По благословию Святейшего Патриарха пострижение протоиерея Михаила Варжанского в монашество было совершено в Троице-Сергиевой Лавре с наречением ему имени Антоний, в память св. мученика Антония Виленского. Возведение в сан архимандрита совершил Высокопреосвященный митрополит Борис в Успенском монастыре г. Одессы. Здесь же в субботу 24 августа, перед началом всеобщего бдения, было совершено наречение архимандрита Антония во епископа Виленского и Литовского. Чин наречения совершали Святейший Патриарх Алексий, митрополит Херсонский и Одесский Борис, митрополит Кишиневский и Молдавский Нектарий, епископ Тульский и Белевский Алексий, епископ Онисифор, епископ Подольский Леонтий.

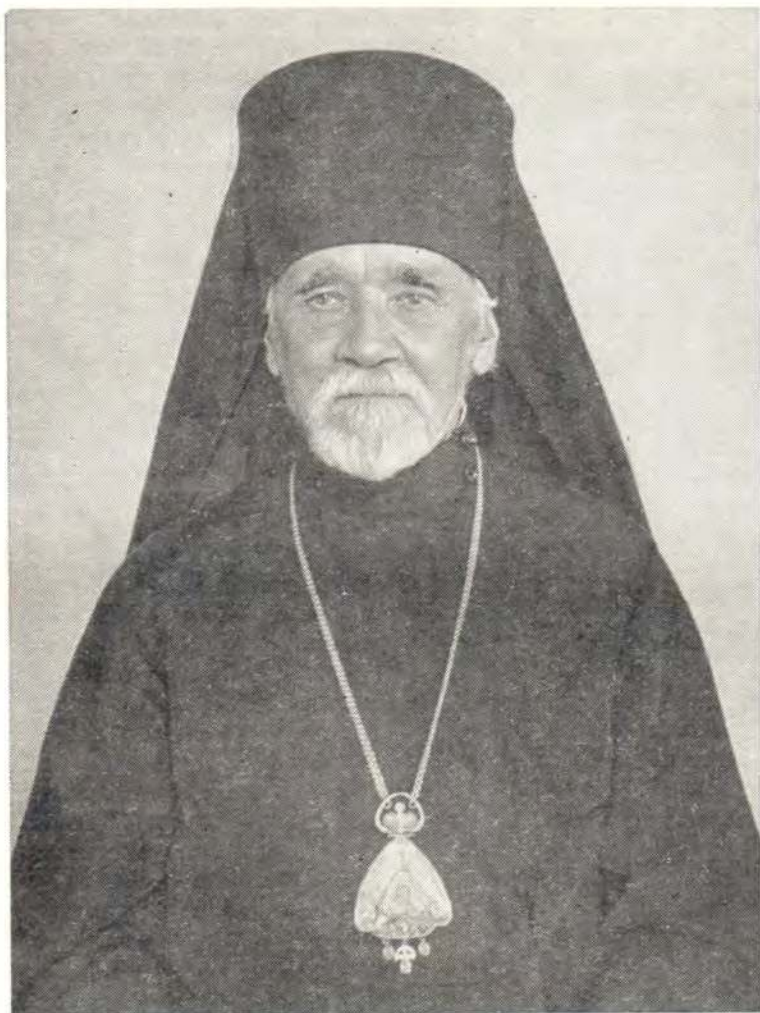
При наречении во епископа архимандрит Антоний произнес следующую речь: «Ваше Святейшество, богомудрые архипастыри и отцы! Ныне, на склоне лет моих, волею Божией, постановлением Святейшего Патриарха и Священного Синода, я призываюсь к высшему служению Церкви Христовой, служению епископскому. В речи при наречении говорят о недостойнстве, о немощности, о страхе. И справедливо, ибо кто, будучи правдивым, решился бы сказать, что чувствует в себе достаточно уверенности и сил, чтобы без смятения вступить на этот путь, вознестись на эту высоту?

Скажу кратко, что этого у меня имеется с избытком — и недостойнства и немощности; видит Бог, недостойнства мои превзыдоша главу мою, и потому тем смиреннее покоряюсь воле Божией в уповании, что она, направлявшая мою жизнь, совершая в ней все во благо, не оставит меня и ныне беспомощным и даст силы для этого служения. Эту волю Божию, то направляющую, то наказующую, то исправляющую, я испытывал на себе всю жизнь мою, от лет юных, ибо, рожденный в духовной семье, воспитанный в духовной школе, я полвека назад восхотел искать чести и славы на светском поприще, а это, как оказалось, было для меня ложной целью и она, при всех моих стараниях, не удавалась. В преполовление дней моих я принял священство и в зва-

нии сельского священника с благоговением и отрадой усматривал и конец моего жизненного пути, не помышляя о званиях высших.

Но вот цепь последующих событий, частью горестных и грозных, привела меня на это место, где стою я в трепете.

В 1941 году, на третий день войны убита была моя супруга, война разметала моих детей по свету. Одинокого перевели меня на городской приход, поручили преподавательскую работу в семинарии, затем командировали на церковную работу за границу и, наконец, доверили мне руководство духовной семинарией. С умилением я обзираю этот жизненный путь мой с благодарением Господу, что на мне, недостойном, Он явил милость Свою столь очевидным, как бы осязаемым, образом. Ныне со св. апостолом говорю: Я знаю, что и это предстоящее служение будет мне во спасение по Вашей молитве, Святейший Отец мой и архипастыри, и содействием Духа Иисуса Христа, при уверенности и надежде моей, что я ни в чем посрамлен не буду, но при всяком дерзновении, и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью, ибо давно уже для меня жизнь — Христос, а смерть, как у апостола, — когда она придет, — пусть будет приобретением (Филипп. I, 19—21).

АНТОНИЙ,
АРХИЕПИСКОП ВИЛЕНСКИЙ И ЛИТОВСКИЙ

Может быть, в немощности моей я и не вижу всей тяжести предстоящего мне подвига; единственная надежда моя на милость Божию, на благодать, «немощная врачующую и оскудевающая восполняющую», в особенности на это восполнение оскудеваемого, по причине ветхости дней моих. Господь мой и Бог мой призывает меня в единонадесятый час, дабы остающееся время поработать мне в винограднике, Им насажденном, и воздать мне, недостойному, наравне с теми, кто перенес тяжесть дня и зной (Мф. 20, 12).

Смиренно благодарю за это высокое избрание, приемлю и ничтоже вопреки глаголю. Да будет воля Божия на мне, недостойном. Аминь».

*
* *

В воскресенье 25 августа за Божественной литургией в Успенском кафедральном соборе г. Одессы архимандрит Антоний был хиротонисан во епископа Виленского и Литовского. Хиротонию его во главе со Святейшим Патриархом Алексием совершали те же архипастыри, которые участвовали в наречении.

При вручении новопоставленному епископу Антонию архипастырского жезла Святейший Патриарх Алексей обратился к нему с речью, которая напечатана выше.

Приняв архиерейский жезл, Преосвященный Антоний преподал архипастырское благословение верующим. Затем в Успенском монастыре состоялась братская трапеза, в которой приняли участие архипастыри, совершавшие хиротонию, насельники обители и корпорация семинарии. После трапезы Святейший Патриарх Алексей принял у себя Преосвященных архипастырей. Прот. Алексей Остапов во время приема прочитал указ Патриарха Московского и всея Руси Алексия от 25 августа 1963 года о возведении в сан архиепископа епископа Виленского и Литовского Антония. Преосвященный Антоний взволнованно благодарил Святейшего Патриарха Алексия за высокую честь.

*
* *

Архиепископ Антоний (в мире Михаил Антонович Варжанский) родился 16 января 1890 года, в семье псаломщика, в с. Лопатичи, Житомирской губ. После обучения в местной церковно-приходской школе Михаил Варжанский учился в духовном училище, а затем в духовной семинарии в Житомире, которую окончил в 1909 году.

В 1911 году Михаил Антонович поступил в Неврологический институт в Петербурге, в 1915 году — в Юрьевский университет, в котором закончил в январе 1917 года восемь семестров историко-филологического факультета.

С января 1917 года по январь 1918 года Михаил Антонович служил в рядах русской армии. После демобилизации он работает инспектором высшего начального училища в с. Терновка (на Волыни). Польская оккупация Западной Волыни в 1920 году застала Михаила Антоновича в должности инспектора высшего начального училища в м. Варковичи. Отсутствие права польского гражданства лишило его возможности заниматься педагогической работой. С 1922 года, осуществляя свою давнюю мечту о служении Церкви Божией, Михаил Варжанский состоит псаломщиком в разных приходах Воынской епархии. С 1 сентября 1937 года он служит приходским священником в той же епархии.

Во время немецкой оккупации Воыни о. Михаил был отстранен от служения на приходах за отказ подчиниться администратору «Автокефальной украинской церкви» епископу Поликарпу (Сикорскому).

В самом начале войны о. Михаил потерял жену, убитую немцами 24 июня 1941 года.

В 1944 году, после изгнания захватчиков, о. Михаил был восстановлен на приходе в с. Бодячево, а в 1946 году перемещен в г. Луцк настоятелем Покровской церкви и преподавателем Волынской духовной семинарии, в которой работал до 1958 года.

В 1958 году он был направлен в Германию, где состоял в должности настоятеля русского православного храма в г. Дрездене, затем благочинного приходов Русской Православной Церкви в ГДР и, в течение года, секретарем при епископе Берлинском и Германском.

В августе 1961 года о. Михаил был отозван на Родину и в январе 1962 года назначен ректором Одесской духовной семинарии, в каковой должности и состоял до призвания к епископскому служению.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА СВЯТОГОРСКИХ ТОРЖЕСТВАХ

В мае текущего, 1963, года Святейший Патриарх Константинопольский Афинагор направил Святейшему Патриарху Алексию приглашение Русской Православной Церкви принять участие в торжествах по случаю тысячелетия древнейшей обители Святой Горы — Великой Лавры преподобного Афанасия.

Русская Православная Церковь, в течение веков находившаяся в духовном общении с прославленной твердыней Православия — Святой Горой Афонской, приняла это предложение, и по благословению Святейшего Патриарха Алексия 19 июня 1963 года на Афон отбыла для участия в торжествах делегация Русской Православной Церкви. В состав делегации входили: член Священного Синода Русской Православной Церкви архиепископ Ярославский и Ростовский (ныне митрополит Минский и Белорусский) Никодим (глава делегации), и. о. Патриаршего Экзарха в Западной Европе архиепископ Сурожский Антоний, епископ Саратовский и Волгоградский Варфоломей, профессор Ленинградской духовной академии протоиерей Виталий Боровой и протоиерей Фериз Берки, благочинный-администратор венгерских православных приходов в Венгрии.

20 июня делегация прибыла в Афины, где была встречена епископом Ахейским Пантелеимоном; с аэродрома представители Русской Церкви направились в отель «Сесиль», в котором были размещены и все остальные делегаты, приехавшие на афонские торжества. На другой день, 21 июня, посланцы Русской Православной Церкви вместе с делегациями других церквей поплыли паромом на Афон и на рассвете 22 июня были у подножия Святой Горы.

Афон! Святая Гора! Земной жребий Божией Матери, где под Ее благодатным покровом в течение стольких веков спасались и спасаются сонмы угодников Божиих и подвижников благочестия. Какое верующее православное сердце не умиляется при упоминании Святой Горы Афонской! Это истинный светоч Православия, немеркнущие лучи которого вот уже тысячу лет осиявают Православный Восток. Сколь многие примеры иноческого подвижничества и святой жизни явил миру Афон! Какие драгоценные поучения и наставления оставили нам насельники Святой Горы!.. Все здесь дышит благочестием и миром. Сама здешняя земля должна достойно почитаться священной, ибо по ней ходили и на ней молились тысячи и тысячи подвижников... Для православного мира Афон — это вторая, после Палестины, Святая Земля...

Русской православной душе Афон особенно дорог. Святую Гору Афонскую можно, не обинуясь, назвать матерью русского иночества. Ведь именно здесь, на Святой Горе, подвизался вначале первый русский подвижник преподобный Антоний Печерский, который, возвратившись на Русь, стал основоположником русского монашества. Сколь

много подвижников явилось потом в среде русского иночества! Какие дивные светильники засияли в русских обителях! Православная Русь поддерживала непрестанную связь с источником своего иночества. Хождение на Афон русских паломников и пребывание там русских иноков началось еще с XI века и продолжалось все последующие века. На Афон совершил паломничество в XIV веке ученик Преподобного Сергия — Епифаний. Рукописные сказания русских паломников, посещавших Святую Гору, существуют уже в XV веке, например, хождение иеродиакона Троице-Сергиева монастыря Зосимы (1420 г.). И афонские иноки посещали Русь и с XVI века составляли специально для русских сказания об обителях Святой Горы. С Афона прибыл на Русь знаменитый Максим Грек, с Афона же получена столь чтимая православными русскими людьми Иверская икона Божией Матери.

Многими духовными благами обязаны Святой Горе Афонской и соседние с ней балканские православные страны — Болгария, Сербия, а также Румыния.

*
* *

И вот на священную землю Святой Горы Афонской 22 июня ступили посланцы Русской Православной Церкви вместе с многочисленными представителями других христианских церквей.

Одним из великих подвижников Святой Горы был преподобный Афанасий Афонский, основатель Великой Лавры, на празднество тысячелетия которой и собрались христиане из разных стран.

Святогорские торжества возглавлял Святейший Патриарх Афинагор. В них участвовали: Блаженнейший Патриарх Иерусалимский Венедикт, Святейший Патриарх Сербский Герман, Блаженнейший Патриарх Румынский Юстиниан, Святейший Патриарх Болгарский Кирилл; глава Элладской Церкви архиепископ Афинский Хризостом, глава автономной Православной Церкви Финляндии Архиепископ Павел, высокие иерархи Александрийской и Антиохийской Церквей. Главы и представители православных церквей прибыли в сопровождении иерархов и духовенства. На торжествах были также представители Римско-Католической, Армянской, Англиканской и ряда протестантских церквей, генеральный секретарь Всемирного Совета Церквей д-р Виссерт-Хуфт. Кроме того, присутствовали греческий король Павел I, представители греческого правительства, дипломаты и другие официальные лица.

Празднование началось торжественным богослужением в храме административного центра Афона — Кареи. Божественную литургию совершал Святейший Патриарх Афинагор в сослужении патриархов и представителей церковных делегаций. После литургии состоялся официальный прием.

23 июня в русском скиту святого апостола Андрея вечернее богослужение совершал архиепископ Никодим; присутствовали патриархи и представители церквей, король Греции и другие лица. После богослужения все отправились парохомом в Лавру преп. Афанасия.

24 июня, в самый день праздничных торжеств, в соборе Великой Лавры Божественную литургию совершал Патриарх Афинагор в сослужении с другими представителями церквей. После литургии был прием, которым и закончились праздничные торжества.

*
* *

На следующий день, 25 июня, участники торжеств, члены различных церковных делегаций посещали монастыри Святой Горы. Делегация Русской Православной Церкви, вместе с Болгарским и Сербским па-

триархами и сопровождавшими их лицами, посетила монастыри Ватопед и Хиландар. Патриарх Сербский остался в Хиландаре, а делегация Русской Церкви вместе с Патриархом Болгарским Кириллом и его свитой направились в болгарский монастырь Зограф. Отсюда члены нашей делегации направились в русский монастырь святого великомученика Пантелеимона, куда и прибыли во второй половине дня, радушно встреченные настоятелем и братией. В соборном храме обители был отслужен благодарственный молебен, по окончании которого настоятель схиархимандрит Илиан обратился к архиепископу Никодиму с приветственным словом, выражая благодарение Господу за радость по случаю прибытия русских братьев. Архиепископ Никодим передал настоятелю и братии благословение Святейшего Патриарха Алексия и приветствие от верующих Русской Церкви. Члены делегации пробыли в монастыре три с половиной дня, совершая богослужения и молясь вместе с братией.

Из монастыря св. Пантелеимона они совершили паломничество в греческий монастырь Дохиар, где находится великая святыня — чтимая православными русскими людьми чудотворная икона Божией Матери, именуемая Скоропослушница. Посетили они и греческий монастырь Ксеноф, монастырь Сорока мучеников и русский скит Старый Русик.

В субботу 29 июня в русский Пантелеимоновский монастырь прибыл Святейший Патриарх Афинагор. После совершенного по этому случаю молебна Патриарх Афинагор, отвечая на приветствие настоятеля, поблагодарил за сердечный прием и выразил свою любовь к Русской Православной Церкви и к Святейшему Патриарху Алексию и радость по поводу встречи в русском монастыре с архиепископом Никодимом и другими прибывшими сюда представителями Русской Православной Церкви. Святейший Патриарх Афинагор заверил братию монастыря в своем стремлении содействовать дальнейшему процветанию обители.

Архиепископ Никодим обратился к Святейшему Патриарху с приветствием и просьбой вручить от имени Святейшего Патриарха Алексия настоятелю схиархимандриту Илиану и эконому обители иеродиакону Давиду ордена св. князя Владимира. Патриарх с любовью вручил эти ордена и, преподав благословение, отбыл из монастыря.

Пребывание представителей Русской Православной Церкви в древнем русском святогорском монастыре (монастырь св. Пантелеимона был утвержден за русскими иноками в XII веке), проезд сюда Константинопольского Патриарха — опять какие добрые знаки церковного единения и братской любви во Христе...

В воскресенье 30 июня в соборе монастыря Божественную литургию совершал архиепископ Никодим в сослужении епископа Варфоломея, настоятеля схиархимандрита Илиана, иеросхимонаха Гавриила и протоиерея Фериза Берки. После литургии и братской трапезы гости простились с этой русской обителью и со Святой Горой и на пароходе отправились в Афины.

По пути, в Салониках, они посетили митрополита Фессалоникийского Пантелеимона, молились в местных храмах святой Софии и св. великомученика Димитрия, поклонились мощам св. Григория Паламы и преп. Феодоры.

Вечером представители Русской Церкви были с визитом у министра Северной Греции, который в беседе высказал мысль о необходимости улучшения взаимоотношений между Грецией и СССР, чему призваны содействовать Элладская и Русская Православные церкви, возобновив свои прежние братские и дружественные отношения.

На другой день русская церковная делегация прибыла в Афины. Архиепископ Никодим и сопровождавшие его лица отправились с визитом к Главе Элладской Церкви архиепископу Хризостому и вручили ему орден св. князя Владимира. Затем представители Русской

Церкви были приглашены на обед, за которым присутствовали Вселенский Патриарх Афинагор и члены греческого Синода. Патриарх вручил всем присутствовавшим памятные юбилейные кресты.

Архиепископ Никодим и сопровождавшие его лица были затем с визитом у Блаженнейшего Патриарха Александрийского Христофора и у архиепископа Иакова, бывшего Афинского и председателя Аттикского, а вечером имели встречу с Блаженнейшим Патриархом Иерусалимским Венедиктом.

2 июля делегация Русской Православной Церкви отбыла на Родину.

*
* *

Представители Русской Православной Церкви, участвовавшие в святогорских торжествах, за все время пребывания их в Греции и на Святой Горе видели самые теплые к ним отношения со стороны Святейшего Патриарха Вселенского Афинагора и всех вообще представителей православных церквей. Видели они и их искреннюю любовь и симпатии к Русской Православной Церкви.

Церковные торжества на Святой Горе послужили братскому общению представителей Русской Церкви и других православных и инославных церквей и церковной общественности Греции, которое, несомненно, является благотворным для единения и взаимопонимания между всеми христианами. Такое общение, такие встречи следует приветствовать, умножать и развивать во имя мира и Христовой любви. Ведь воскресший из мертвых Господь наш Иисус Христос перед Своим вознесением заповедал Своим ученикам идти с благовестием ко всем народам. А сущность благовестия Христова есть любовь и мир.

Варфоломей,
епископ Саратовский

ЗАРУБЕЖНЫЕ ГОСТИ В МОСКОВСКОМ ХРАМЕ СВВ. ПЕТРА И ПАВЛА

12 июля сего года община московского Петропавловского храма, что в Лефортове, отмечала 350-летие со дня основания храма. Торжество храмового праздника усугубило присутствие зарубежных церковных деятелей, прибывших в Москву по случаю полувекового юбилея епископского служения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия.

Всенощное бдение накануне праздника и Божественную литургию совершали архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим, епископ Дмитровский Киприан и епископ Венский Филарет в сослужении 14 священников, среди которых были члены делегации Патриаршего Экзархата в Америке — прот. Иосиф Дзвончик, прот. Феодор Ковальчук, прот. Василий Кречик.

За Божественной литургией присутствовали члены делегации Константинопольской Церкви во главе с митрополитом Верийским Каллиником. Во время запричастного стиха епископ Киприан обратился к верующим со словом о великих подвигах свв. первоверховных апостолов Петра и Павла.

После праздничного молебна архиепископ Никодим тепло приветствовал верующих с юбилейным праздником, пожелал им милости и благодатной помощи Божией в трудах их и от лица всех поблагодарил прибывших из-за рубежа гостей за их совместные молитвы.

14 июля в этом храме Божественную литургию совершали член делегации Элладской Церкви митрополит Закинфский Алексий, архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим и исполняющий обязанности Патриаршего Экзарха в Западной Европе архиепископ Сурожский Антоний.

За литургией присутствовали члены делегации Элладской Церкви: митрополит Аргонидский Хризостом, митрополит Параметийско-Филиатский Тит, архимандрит Феоклит, члены делегации Католической Церкви — епископ Женевский, Лозаннский и Фрибургский Франсуа Шаррьер и архимандрит Христофор Дюмон, а также помощник генерального секретаря Всемирного Совета Церквей д-р Лесли Кук, президент Христианской Мирной Конференции д-р Иосиф Громадка и реформатский епископ Тибор Барта — вице-президент Христианской Мирной Конференции.

После Божественной литургии архиепископ Никодим в приветственном слове прихожанам храма выразил радость по случаю совершения Божественной литургии совместно с представителями Элладской Церкви, а также по поводу присутствия за литургией представителей Католической Церкви и выразил надежду, что это общение послужит дальнейшему сближению и единству христиан всего мира.

Прот. М. Стаднюк

ПОСЕЩЕНИЕ ГРЕЧЕСКИМИ ЦЕРКОВНЫМИ ДЕЯТЕЛЯМИ УСПЕНСКОГО ХРАМА В б. НОВОДЕВИЧЬЕМ МОНАСТЫРЕ

13 июля сего года, в субботу, делегация Элладской Церкви, прибывшая на торжества 50-летия архиерейского служения Святейшего Патриарха Алексея, в составе митрополита Аргонидского Хризостома, митрополита Закинфского Алексия, митрополита Параметийско-Филиатского Тита и архимандрита Феоклита, секретаря Священного Синода Элладской Церкви, посетила Успенский храм в б. Новодевичьем монастыре. Делегацию сопровождали Преосвященный епископ Саратовский и Волгоградский Варфоломей и протоиерей Иаков Ильич.

Члены делегации прибыли в храм ко всенощному бдению. У входа в храм их встретили настоятель храма прот. Н. Никольский и прот. В. Свиденюк. В храме делегацию встретил Преосвященный епископ Таллинский и Эстонский Алексий, после чего гости проследовали в алтарь. Началось всенощное бдение. Ектении и возгласы произносились на греческом языке. Некоторые песнопения, например «Святый Боже...», после великого славословия также исполнялись на греческом языке. По заявлению высоких гостей, пение в русском храме на родном для них языке произвело на них большое впечатление. Полиелей был совершен соборно духовенством храма. Гости пожелали преподать верующим благословение и обратиться к ним с словом приветствия, что и сделали во время канона.

Первым приветствовал прихожан глава делегации митрополит Хризостом. Он сообщил, что делегация прибыла на юбилейные торжества 50-летия епископского служения Святейшего Патриарха Алексия и с радостью и любовью выполнит возложенную на нее высокую миссию приветствия от имени Элладской Церкви маститого юбиляра. Высокие гости выразили удовлетворение по случаю молитвенного общения с верующими Русской Православной Церкви, похвалили усердие прихожан к богослужению и храму и пожелали им всегда сохранять любовь к своему храму и быть верными исполнителями святых заветов Христа Спасителя.

Митрополит Алексий отметил, что греческая делегация прибыла

от древнего Афинского Акрополя, где почти две тысячи лет тому назад великий апостол языков — святой Павел впервые возвестил язычникам-грекам Имя Христа Спасителя — Сына Божия, но, заявил высокий гость, «мы прибыли не поучать вас, а сами готовы поучиться у вас, видя ваше молитвенное благоговение. Со своей стороны выражаем пожелание клиру церкви и прихожанам храма преуспевания в делах веры и добродетели».

Митрополит Тит в своем приветственном слове говорил о радости молитвенного общения с чадами Русской Православной Церкви и призвал Божие благословение на клир и прихожан Успенской церкви.

По окончании всенощного бдения настоятель храма поблагодарил высоких гостей за посещение храма и выразил от лица клира и прихожан духовную радость, доставленную общением с представителями Элладской Церкви.

Прот. Н. Никольский

АНТИОХИЙСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ ВО ПСКОВЕ

24—25 июля с. г. древний Псков посетила делегация Антиохийской Православной Церкви во главе с Блаженнейшим Патриархом Антиохийским и всего Востока Феодосием VI, прибывшая в нашу страну на юбилейные торжества 50-летия архиерейского служения Святейшего Патриарха Алексия.

Делегацию встречали на аэродроме архиепископ Псковский и Порховский Иоанн и представители духовенства кафедрального собора и Псково-Печерского монастыря, а также уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по г. Пскову и Псковской области К. П. Филиппов.

При встрече архиепископ Иоанн приветствовал дорогих гостей.

После взаимных приветствий гости и сопровождавшие их лица направились в город.

Русская Православная Церковь 24 июля совершала память св. равноапостольной великой княгини Ольги, которая, по преданию, основала в X веке псковский Троицкий собор. Во Пскове в этот день было совершено торжественное праздничное богослужение. Гости сразу направились в собор. Верующие с любовью приветствовали гостей. В конце литургии Высокопреосвященный митрополит Эмесский Александр в сослужении многочисленного духовенства совершил молебное пение св. равноапостольной княгине Ольге. После молебна на солею вышел облаченный в мантию Блаженнейший Патриарх Феодосий и другие члены делегации. Архиепископ Иоанн обратился со словом приветствия к высокому гостю. В своем приветствии он отметил, что братские, дружественные связи между Русской и Антиохийской православными церквями имеют свою историю, которая свидетельствует, что на протяжении веков наши церкви жили во взаимной любви, не престающей и ныне, свидетельством чего является и сегодняшнее посещение Предстоятеля Антиохийской Церкви, в известном отношении повторяющее памятное пребывание в нашей стране его славного предшественника Блаженнейшего Патриарха Григория IV в 1913 году. В заключение своей речи архиепископ Иоанн преподнес в дар Блаженнейшему Патриарху Феодосию Казанскую икону Божией Матери.

В ответной речи Блаженнейший Патриарх Феодосий сказал, что считает долгом преподать клиру и верующим благословение Апостольской Антиохийской Церкви, где впервые верующие стали называться христианами, и в память своего визита и во свидетельство братских отношений наших церквей и любви к архиепископу Иоанну вручить ему

орден Антиохийской Церкви свв. апостолов Петра и Павла. Архиепископ Иоанн благодарил Первосвященителя Антиохийской Церкви за честь, оказанную ему и его пастве.

В этот же день после непродолжительного отдыха гости на машинах отправились в Псково-Печерский монастырь. Как настоятель Псково-Печерского монастыря, архиепископ Иоанн приветствовал гостей в Михайловском соборе обители и рассказал им об истории этого древнего монастыря, основанного пустынножителями преподобными Марком и Ионою в 1392 году и являвшегося оплотом Православия в западных пределах древней Руси. В память посещения обители архиепископ Иоанн преподнес Блаженнейшему Патриарху Феодосию святую икону. Наместник монастыря архимандрит Алипий от братии обители преподнес высокому гостю просфору как знамение молитвы о Его Блаженстве. Первосвященитель Антиохийской Церкви ответил, что эта святая просфора — хлеб любви — напоминает ему тот хлеб, который приносился некогда на христианских вечерах любви. «В древней Церкви, — сказал он, — все были едины, все христиане молились друг за друга, и хлеб любви свидетельствовал об этом».

Затем Блаженнейший Патриарх Феодосий произнес ответное слово, в котором говорил о благодатной помощи Божией, проявившейся в славной истории обители, и в заключение, обращаясь к архиепископу Иоанну, сказал: «Благодарю Вас, наш дорогой брат, за добрый прием! Молю Всевышнего, чтобы Он сохранил русский народ, чтобы помогал ему в его благих усилиях. Преподаю всем — мужчинам и женщинам, юным и старым — апостольское благословение Антиохийской Церкви. Пусть всегда будет дружба между нашими народами!»

После этого высокие гости осмотрели Успенский храм обители, где Блаженнейший Патриарх Феодосий помолился у местно чтимой чудотворной иконы. С большим интересом гости осмотрели пещеры, пещерный храм Воскресения Христова, места вечного упокоения некоторых иерархов и поклонились останкам печерских подвижников, а затем приняли участие в братской трапезе. При этом хор обители исполнял церковные песнопения. После трапезы архиепископ Иоанн пригласил гостей в свои покои, где им были поднесены памятные подарки, и они оставили запись о своих впечатлениях в Книге почетных посетителей обители. Поздно вечером гости возвратились во Псков.

На следующий день, 25 июля, во время завтрака в честь гостей, Высокопреосвященный митрополит Илия Карам вручил архиепископу Иоанну орден Неопалимой Купины I степени. Орденами Антиохийской Церкви были награждены также настоятель Псковского кафедрального собора, наместник Псково-Печерского монастыря и другие.

В 12 часов дня специальным самолетом делегация Антиохийской Церкви вылетела в Москву. Гости сердечно благодарили провожавших за радужный прием, увозя с собой теплые воспоминания о Псковской земле и ее святынях.

Иоанн,
архиепископ Псковский и Порховский

ПРЕДСТАВИТЕЛИ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ЦЕРКВИ В ЯРОСЛАВЕ

23 июля 1963 года в Ярославль прибыли находившиеся в Москве в связи с празднованием 50-летия епископского служения Святейшего Патриарха представители Александрийской Православной Церкви, митрополит Карфагенский Парфений и архимандрит Дионисий, а также президент Христианской Мирной Конференции д-р Иосиф Громадка с

супругой. Гости прибыли из Москвы вместе с архиепископом Ярославским и Ростовским Никодимом и сопровождавшими их лицами. После встречи и краткого отдыха в архиерейском доме гости и сопровождавшие их лица отправились на автомашинах в г. Тутаев, где посетили памятник архитектуры XVII века — Воскресенский собор. У входа в собор гости были встречены по древнему русскому обычаю с хлебом и солью.

У чтимого образа Спасителя настоятелем храма был отслужен молебен. После отпуска и многолетий архиепископ Никодим приветствовал дорогих гостей. В ответном слове митрополит Парфений выразил радость по случаю возможности посетить храм и встретиться с верующими русскими людьми. Осмотрев замечательно сохранившиеся фрески храма и прилегающих к нему галерей верхнего этажа, а также храм нижнего этажа, гости направились в обратный путь — в г. Ярославль.

Утром 24 июля гости и сопровождавшие их лица участвовали в служении Божественной литургии в Ярославском кафедральном соборе. Прибывших под трезвон колоколов гостей у входа в храм встретили с хлебом-солью и букетами цветов члены исполнительного органа собора во главе со старостой М. Ф. Русаковым и многочисленные верующие ярославцы.

Литургию совершали митрополит Карфагенский Парфений, архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим, епископ Костромской и Галичский Никодим. Сослужащих пресвитеров возглавил гость — архимандрит Дионисий. За литургией присутствовал д-р Иосиф Громадка с супругой. После Херувимской песни архиепископ Никодим рукоположил во иерея диакона Угличской церкви Михаила Красноцветова. После отпуска архиепископ Никодим обратился к гостям с приветствием, выразив радость по поводу посещения Ярославля представителями древней Александрии, где веру Христову проповедовал св. апостол и евангелист Марк. В лице митрополита Парфения архиепископ Никодим приветствовал преемника по кафедре св. священномученика Киприана Карфагенского. В кратком ответном слове митрополит Парфений благодарил за теплый прием.

На молитвенную память о посещении Ярославля митрополиту Парфению была преподнесена чтимая в Ярославском крае Толгская икона Божией Матери.

Архиепископ Никодим приветствовал также присутствовавших за литургией д-ра И. Громадку и его супругу.

После многолетий в честь Блаженнейшего Патриарха Александрийского Христофора, Первоиерарха Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Алексия и служивших литургию иерархов архиепископ Никодим пригласил прихожан храма приветствовать дорогих гостей, в ответ на что своды храма огласились возгласами «Спаси их, Господи» и мощным пением «Многая лета».

После обеда гости посетили Ярославский краеведческий музей, где их особенно заинтересовал отдел древних икон. Гости посетили также выставку, посвященную первой в мире женщине-космонавту В. Терешковой.

Затем гости на автомашинах проехали по некоторым улицам древнего Ярославля. На «стрелке», где в Волгу впадает река Которосль, они вышли из машин и любовались Волгой и украшенной роскошными цветниками и вековыми липами набережной. К вечеру гости посетили пригородный древний Кресто-Богородский храм в с. Крест, где после молебна Животворящему Кресту Господню осмотрели зимний и летний приделы, а утром 25 июля отбыли в Москву.

Прот. А. Скобей

НАЧАЛО УЧЕБНОГО ГОДА В МОСКОВСКИХ ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ

10 сентября начался новый учебный год возрожденных московских духовных школ.

В этот день в академическом храме была совершена Божественная литургия. Перед началом молебна ректор проф.-прот. К. Ружицкий обратился к учащимся с поучением. В том пастырском служении, которое предстоит всем вам совершать, сказал он, должны быть в наличии такие духовные добродетели, как глубокая и жизненная вера в Бога, неослабная любовь к богословским знаниям и благочестивая ваша личная жизнь. Без наличия искренней веры не могло бы быть и самое ваше намерение обучаться в духовной школе. Без сердечной веры невозможно и должное восприятие и усвоение богословских истин. Без сознательной личной веры можно ли быть достойным проповедником веры? Вера образуется «от слышания» (Римл. 10, 17). Поэтому необходимо все свое старание, всю силу воли направить к тому, чтобы с великой ревностью и любовью слушать преподаваемое учение умом и сердцем. Это взаимодействие веры и богословских знаний следует соединять с доброй, благочестивой своей жизнью, которую нужно засвидетельствовать еще в школе с тем, чтобы по ее окончании быть готовым показать своим пасомым «образец добрых дел» (Тит. 2, 7). Еще здесь, в стенах св. Лавры, каждый питомец может наилучшим образом приучить себя ко всякому благочестию и нравственной чистоте.

В конце своего поучения о. ректор сказал: «Пусть же эти три основные силы — вера, любовь к богословским знаниям и добрая жизнь в своем неразрывном сочетании и действии будут верным залогом вашего лучшего преуспеяния в учебном деле и предстоящей пастырской деятельности во славу нашей Русской Православной Церкви и во благо нашему Отечеству».

По окончании молебна все вышли к мемориальной могиле почивших наставников Московской духовной школы. Здесь была совершена лития.

Затем в Троицком соборе Лавры все усердно молились у раки мощей Преподобного Сергия о ниспослании небесного благословения на предстоящий учебный год.

По окончании молебна архимандрит Тихон, преподаватель Московской духовной академии, обратился к присутствовавшим с кратким назидательным словом, в котором сказал, что Преподобный Сергей служит для всех православных христиан истинным образцом служения Церкви и своей Родине.

По возвращении из собора все собрались в актовом зале академии. Здесь был оглашен текст телеграммы Святейшему Патриарху Алексию, который постоянно окружает своей отеческой заботой жизнь академии и семинарии. В телеграмме администрация академии испрашивала благословение Святейшего Патриарха на предстоящие труды и сообщала об успешном окончании приемных испытаний, о количестве вновь принятых учащихся в академию и семинарию и о начале учебных занятий.

После этого инспектор Московской духовной академии и семинарии игумен Филарет ознакомил учащихся с правилами внутреннего распорядка духовной школы.

На акте присутствовал вице-ректор Малабарской богословской семинарии в Каттаяме, Керала (в Индии) о. Филипос Кораи, которого приветствовал ректор прот. К. Ружицкий, а от лица учащихся с краткой речью обратился студент II курса иеродиакон Серапион (Фадеев).

В ответном слове о. Филипос выразил искреннюю благодарность за теплый прием и рассказал о жизни и деятельности богословской школы в Индии. Он сказал, что ему очень приятно присутствовать на от-

крытии нового учебного года в Московской духовной академии и семинарии, потому что ему близко дело богословского образования — он сам является вице-ректором духовной семинарии Малабарской Церкви. Он торопится возвратиться на родину, потому что 17 сентября начинается учебный год в его семинарии. Его студентам будет очень интересно услышать рассказ о московских богословских школах. В заключение он пожелал учащим и учащимся больших успехов.

После официальной части в аудиториях и классах наставники провели беседы с учащимися.

Вечером того же дня от Святейшего Патриарха Алексия была получена ответная телеграмма: «Божие благословение учащим и учащимся на новый учебный год. Патриарх Алексий».

С благословения Святейшего Патриарха Алексия московские духовные школы вступили в новый год своей деятельности.

Свящ. П. Мороз,
преподаватель Моск. дух. академии

НАЧАЛО УЧЕБНОГО ГОДА В ОДЕССКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

По окончании экзаменов в Одесской духовной семинарии большинство воспитанников семинарии разъехалось на летние каникулы, часть же осталась в Успенском мужском монастыре, расположенном в непосредственной близости от семинарии. Семинаристы несли клиросное послушание и принимали участие в работах при монастыре.

По плану, принятому на заседании педагогического собрания, к 3 сентября были вызваны желавшие поступить в 1-й класс семинарии. 4 сентября были проведены медицинский осмотр и индивидуальная беседа с каждым из вновь поступающих. 5 и 6 сентября, согласно программе, состоялись вступительные экзамены. К 7 сентября приехали все учащиеся семинарии после каникулярного отпуска.

8 сентября было отслужено торжественное всенощное бдение, а 9 сентября — Божественная литургия, которую совершил Преосвященный Алексий, епископ Тульский и Белевский, в сослужении преподавателей и воспитанников семинарии в священном сане. По запричастном стихе хор воспитанников исполнил «В молитвах неусыпающую Богородицу», а преподаватель гомилетики прот. Н. Семенюк произнес проповедь на тему, связанную с началом нового учебного года. После заамвонной молитвы преподаватель семинарии пом. инспектора иеромонах Владимир (Сабодан) прочитал обращение митрополита Херсонского и Одесского Бориса к воспитанникам семинарии, в котором архипастырь призвал учащихся к глубокой самопроверке и поздравил с началом нового учебного года.

Затем Преосвященный Алексий в сослужении семинарского духовенства отслужил торжественный молебен перед началом учения и поздравил учащихся и учащихся с началом нового учебного года, а иеромонах Владимир окропил святой водой все помещения семинарии.

После трапезы воспитанники получили в библиотеке семинарии учебные пособия, а затем собрались в классах, где классные наставники провели с ними назидательные беседы.

В связи с началом нового учебного года была послана телеграмма Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию.

10 сентября начались регулярные занятия.

А. Кравченко,
инспектор Одесской дух. семинарии

ПРОФ.-ПРОТ. П. В. ГНЕДИЧ

(НЕКРОЛОГ)

Православная духовная школа и «Журнал Московской Патриархии» понесли тяжелую утрату: 19 августа сего года в Ленинграде скончался профессор Московской духовной академии, магистр богословия протоиерей Петр Викторович Гнедич — эрудированный богослов и талантливый духовный писатель.

О. Петр родился в 1906 году в семье юриста и происходил из фамилии Гнедичей, давшей русской литературе поэта Н. М. Гнедича (переводчик «Илиады») и писателя П. П. Гнедича (автор «Истории искусств»).

ПРОФ.-ПРОТ. П. В. ГНЕДИЧ

Петр Викторович по получении высшего гуманитарного образования некоторое время работал в научных библиотеках, а впоследствии перешел на экономическую работу.

В 1946 году Петр Викторович поступает в Московскую духовную академию, которую успешно оканчивает в 1949 году со степенью кандидата богословия. Его сочинение, посвященное обзору русской богословской литературы о догмате искупления, получило высокую оценку профессора догматического богословия прот. С. Савинского.

В том же, 1949, году Петр Викторович был посвящен архиепископом Ташкентским и Среднеазиатским Гурнем в сан пресвитера и некоторое время служил в Ташкентском кафедральном соборе.

С 1950 по 1955 год по приглашению митрополита Ленинградского и Новгородского Григория о. Петр работал в Ленинградской духовной академии, вначале в должности пом. библиотекаря, а затем доцентом по кафедрам догматического богословия и гомилетики. В эти годы он работал над своей диссертацией «Догмат искупления в русской богословской науке последнего пятидесятилетия (1893—1944 гг.)». Одновременно с работой в духовной академии о. Петр служил в Троицкой (именуемой «Кулич и Пасха») церкви в г. Ленинграде, а с 1955 года перешел полностью на приходскую работу.

Помимо учебной и пастырской деятельности, о. Петр интенсивно занимается литературно-богословскими трудами. За эти годы он написал и поместил в «Журнале Московской Патриархии» ряд статей: «Мысли об искуплении в проповедях митрополита Филарета» (1954, № 4); «Святые, в земле Российской просиявшие» (1954, № 6); «Преподобный Сергей Радонежский» (1954, № 7); «Начало христианской проповеди» (1954, № 7); «О святоотеческом богословствовании» (1955, № 3); «Усвоение догматических истин человеческим сознанием» (1956, № 6); «О православном понимании догмата» (1956, № 8); «Известия очевидцев» (1956, № 11); «Сокровищница богословия» (1956, № 12) (статьи, опубликованные в 1956—1959 гг., подписаны псевдонимом «Свящ. П. Викторов»); «Памяти великого богослова (митрополита Московского Филарета)» (1957, № 12); «Святитель и подвижник (епископ Игнатий Брянчанинов)» (1958, № 1); «Преподобный Серафим Саровский» (1958, № 5); «Святитель Димитрий Ростовский» (1959, № 2); «Тайна Боговоплощения» (1959, № 4); «Путь жизни» (1962, № 3); «О православном понимании Церкви и единства церковной жизни» (1962, № 8); «Русская богословская литература о догмате искупления» (1962, № 8); «О православном понимании предания» (1963, № 3).

Кроме статей, им опубликованы в «Журнале Московской Патриархии» проповеди: «Свидетельство» (Слово на пассии) (1961, № 2); «Об отвержении очей сердца» (1961, № 8); «Слово в день Рождества Христова» (1962, № 1); «Слово в день св. вмч. Пантелеимона» (1962, № 7); «Поучение в день Святителя и Чудотворца Николая» (1962, № 12); «Поучение в Неделю святых жен-мироносиц» (1963, № 4); «Вознесение Господне» (1963, № 5); «Поучение в Неделю 12-ю по Пятидесятнице» (1963, № 8). Несколько проповедей он поместил в зарубежных журналах Русской Православной Церкви.

Им написана также рецензия на книгу Фр. Боссю «Феофан Затворник. Его учение о молитве» («ЖМП», 1960, № 7).

11 июня 1962 года о. Петр защитил в Московской духовной академии свою диссертацию, а 17 июля был утвержден Святейшим Патриархом Алексием в степени магистра богословия. В этом же году он был приглашен в Московскую духовную академию и читал курс лекций по патрологии и византологии, получив звание профессора.

Перед началом нового учебного года о. Петр приехал в Ленинград, чтобы перевезти свою библиотеку в Загорск, где он намеревался по-

стоянно жить при Московской духовной академии. Здесь у него повторился инфаркт миокарда. О. Петр стал готовиться к отходу в вечную жизнь и причастился Св. Таин. Чтение молитв и канонов не прекращалось у его постели. В полном сознании прощался он с посещавшими его, несмотря на физические страдания и запрет врачей. В день праздника Преображения Господня, в 4 часа дня, о. Петр мирно почил.

21 августа тело почившего, облаченное в священнические одежды, было перенесено в величественный Троицкий собор Александро-Невской Лавры. Парастас и отпевание на следующий день совершал митрополит Ленинградский и Ладужский Пимен. На погребение собралось многочисленное духовенство г. Ленинграда и Ленинградской духовной академии, профессора и учащиеся, друзья почившего. От Московской духовной академии прибыл инспектор игумен Филарет, по поручению редакции «Журнала Московской Патриархии» — священник Л. Кузьминов. Епископ Пензенский и Саранский Феодосий совершил заупокойную литургию в день отпевания, 22 августа, и после нее произнес слово о христианском погребении и своем почившем друге.

На отпевании по 6-й песни инспектор Московской духовной академии игумен Филарет сказал в прощальном слове, что Святейший Патриарх Алексей, узнав о постигшей академию утрате, прислал свое соболезнование. «Наша духовная школа с твоей кончиной, — сказал о. инспектор — лишилась талантливого профессора, благоговейного совершителя богослужения, вдохновенного проповедника. Учащиеся любили тебя за искренность и доброжелательность, за простоту в обращении с ними, за труды на пользу Церкви. Скорбят твои коллеги, скорбят твои питомцы. Они прислали тебе свой земной поклон и молитвы. Прими горсть земли из Лавры Преподобного Сергия, где ты окончил свой духовный подвиг».

На Охтенском кладбище после литии над гробом прощальное слово от Ленинградской духовной академии произнес доктор церковной истории профессор Н. Д. Успенский. С большой сердечностью и любовью он говорил о годах совместной преподавательской деятельности, о скорби его друзей и о том вкладе, который внес в богословскую науку почивший о. Петр.

Над свежей могилой, покрытой цветами, водружен белый крест с надписью: «Профессор-протоиерей Петр Викторович Гнедич. 1905—1963».

*
* *

Ушел от нас добрый и сердечный человек с глубокой, чистой, наделенной тонким юмором, душой, незаурядный богослов, искренне верующий христианин, нелицемерно стремившийся в своей личной жизни следовать евангельским идеалам, вдохновенным проповедником которых он был.

Он жил, как аскет, довольствуясь самыми минимальными жизненными благами, никогда не приобретал каких-либо ценных вещей, кроме необходимой одежды и множества книг. После его кончины осталась библиотека — все его достояние, завещанная им еще при жизни его друзьям.

О. Петр любил проповедовать и много проповедовал, особенно в годы служения на приходе. Он говорил просто, сердечно и понятно для всех, стремясь открыть своим слушателям новое даже в том, что казалось всем известным.

Почивший проявил незаурядные дарования на педагогическом поприще, будучи доцентом и профессором наших духовных академий.

В русскую богословскую науку о. Петр внес большой и полезный вклад своей магистерской диссертацией «Догмат искупления», в которой проделал большую работу по систематизации и критическому исследованию главных трудов русских богословов в период с 1893 по 1944 год. В своей диссертации он убедительно показывает, что русское богословие последовательно шло по пути преодоления школьного, несовершенного и поверхностного, «юридического» понимания этого главного догмата нашей веры и возврата к чистому и глубокому учению свв. отцов. Работу над этой кардинальной темой он начал еще будучи студентом. Она способствовала глубокому изучению свв. отцов, определяя направление богословской мысли и аскетического уклада жизни о. Петра. Его более всего привлекало учение свв. отцов Восточной Церкви о духовном опыте, как основе религиозной гносеологии. Под этим влиянием им написаны опубликованные в «Журнале Московской Патриархии» статьи, главы из курса лекций по догматике, читанных в Ленинградской духовной академии. Творения отцов были основой богословских суждений покойного профессора, как «известия очевидцев».

Любимым его чтением были творения преп. Макария Египетского, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова и Григория Паламы. С книжкой творений преп. Исаака он не расставался никогда, перечитывая излюбленные места по несколько раз.

Любовь к свв. отцам отразилась и на отношении о. Петра к «сокровищнице богословия» — богослужебным книгам, в которых он видел неисчерпаемо глубокий, чистый и святой источник богословской мысли и которые должны лежать в основе системы православного богословия, быть ее мерилom и руководством.

Трудно сказать, к чему больше влеклась душа почившего, — к пастырству или к богословию. Но все, что он делал, он делал от души, с большой любовью, вниманием и самоотвержением, забывая о своей, постоянно разрушавшей его силы, болезни сердца. Все, что он делал, имело только одну цель — быть полезным Христовой Церкви. Он мог бы с чистой совестью повторить слова св. ап. Павла: «Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его» (1 Кор. 9, 22—23). В этом он полагал смысл своей жизни.

За две недели до смерти о. Петр говорил о задуманном курсе византологии, который ему предстояло продолжать в новом учебном году, о проповедях, об актовой речи, которую ему поручено прочесть, о докладах для Московской Патриархии и о будущей своей докторской диссертации, материалы для которой он готовил. Он горел желанием трудиться, хотя состояние его здоровья было угрожающим, и он сознавал возможность внезапной смерти.

Тогда же он сказал: «Я не боюсь умереть. Но ведь будет суд и отчет. Страшно!..» И в этих словах прозвучало как бы предчувствие близкой смерти. В его словах был слышен страх, — страх Божий, страх человека, сознающего свои грехи и недостатки, совершенные по немощи, по неведению, по слабости воли. В них было сознание своего недостойнства и боязнь оскорбить любовь Божию несовершенством своей, человеческой любви.

О. Петр был нелицемерным служителем Христовым. Дружья и духовные чада в усердной молитве просят Бога о упокоении в небесных обителях его души по слову Христа: «Где Я, там и слуга Мой будет» (Иоан. 12, 26).

Вечная твоя память, достоуважаемый и приснопамятный брате наш!

ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ

ПОУЧЕНИЕ В НЕДЕЛЮ 21-ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Образно и просто возвещал людям глаголы жизни вечной Господь наш Иисус Христос. Сегодня в евангельском чтении слышали мы, братие, притчу Господа — первую из изложенных в Евангелии. Это притча о сеятеле, объясняющая одну из тайн духовной жизни — неодинаковое восприятие Божественной истины и отсюда — разные плоды сеяния Христова.

Слово Божие есть «дух и жизнь» (Иоан. 6, 63), оно всегда «живо и действенно» (Евр. 4, 12), но не каждый слушающий его «приносит плод», потому что различна почва, на которую падают семена Евангелия.

Почва эта — сердца наши. «Они-то, — говорит блаженный Феофилакт, — и оказываются или доро́гой, или камнем, или тернием, или же землею доброю».

С тех пор, как грех вошел в мир, сердце человеческое сделалось непостоянным в добре и удобопреклонным ко греху. Слово Божие, падая в такое непостоянное сердце, в котором из-за всегдашней рассеянности гуляет, как по дороге, ветер суетных помыслов, не может укорениться в нем, и его постигает участь зерна, упавшего при пути и склеванного птицами.

Иной раз сердце наше, на которое падает семя слова Божия, может быть подобно камню, на котором ничто не может вырасти. Когда сердце человека долго пребывает в плену грубых и низменных страстей, оно становится черствым и равнодушным к тому, что возвещает слово Божие. Если человек с очерствевшим сердцем и слышит слово Божие, то оно касается лишь слуха его, а не сердца, и потому не приносит духовных плодов в жизни его.

Слово Божие не приносит плода в душах наших, если сердце наше подобно полю, заросшему терниями, сорняками. Если в сердце нашем укоренится забвение о душе и ее нуждах, если все внимание наше сосредоточено лишь вокруг нашего «я», если все мысли наши носят эгоистический, корыстный характер, то все это, подобно сорнякам, буйно подымается в нем и заглушает все доброе и спасительное, чему учит слово Божие.

Так из-за неготовованности сердца нашего мы не приносим тех духовных плодов, которых ждет от нас Господь наш Иисус Христос. Чтобы слово Божие приносило в нас «плод сторичный» (Лк. 8, 8), необходимо уготовить Богу свое сердце.

В притче Господней, как слышали сейчас мы, плод принесло лишь то семя, которое упало на добрую землю.

А что означает добрая земля?

Сам Господь изъяснил это ученикам Своим, говоря: «упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении» (Лк. 8, 15).

Итак, первое условие плодоношения — добрая земля. Если же

земля непригодна, то и хорошие семена пропадут напрасно и не принесут плода. Поэтому земледелец, прежде чем засеять ниву, разрыхляет почву, удобряет ее, очищает от сорняков и тогда только высевает семена. Подобно земледельцу и христианин должен так же трудиться, уготовляя Богу сердце свое.

Св. апостол Павел внушает нам заботиться о том, чтобы слово Христово всегда вселялось в нас обильно (Колос. 3, 16), а для этого нужно очищать себя «от всякой скверны плоти и духа, совершая святую в страхе Божиим» (2 Кор. 7, 1).

Но как земледельцу для получения урожая мало только засеять ниву, а необходимо еще терпеливо трудиться, выращивая посеянное, так и христианину для духовного возрастания в «мужа совершенна» мало услышать слово Божие и сохранить его в добром и чистом сердце, а необходимо еще «приносить плод в терпении», т. е. всегда пребывать в деле духовного самосовершенствования.

«Царство Небесное силою берется,— говорит Господь,— и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12).

Следовательно, главным условием успешного духовного возрастания христианина является постоянство и верность тому пути богоугодной жизни, на который вступил он в таинстве св. крещения. На этом пути, несомненно, встретятся препятствия и соблазны, отклоняющие в другую сторону, идущие как сны, так и возбуждаемые наклонностями самого человека, преодоление которых потребует терпения от христианина. Поэтому и призывает нас Господь «приносить плод в терпении», а свв. отцы называют терпение «корнем всех благ» и «матерью благочестия». Христианское терпение, по учению свв. отцов, — это не пассивность или малодушие при встречающихся соблазнах и испытаниях, а стойкость и крепость человеческого духа, противостоящего всем препятствиям, встречающимся на пути богоугождения. «В терпении вашем стяжите души ваша» (Лк. 21, 19).

Земледелец, ожидая драгоценного плода от земли, терпит долго (Иак. 5, 7). Тем более терпение необходимо христианину, чтобы достигнуть духовного совершенства «во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак. 1, 4).

«Терпение,— говорит Феофан Затворник,— необходимо и в начале, и в продолжении, и в конце каждого дела, так и всей жизни. Везде требуется напряжение сил, всегда упасть готовых, преодоление препятствий как внутри, так и вовне, придумывание средств и приведение их в дело. Все же сие без терпения выдержано быть не может...»

Изясняя смысл христианского терпения, этот же святитель говорит, что оно имеет две стороны: будучи обращено внутрь, терпение есть постоянство в добре и в этом отношении не обусловливается ничем внешним, являясь постоянной чертой доброго настроения. Будучи же обращено ко внешнему, оно есть выносливость, способность переносить все трудности, встречаемые на добром пути или при исполнении созревающих внутри добрых начинаний... Но очевидно, что черта терпения — выносливость — необходимо предполагает присутствие первой черты — постоянства в добре, или верности тому внутреннему строю, который создается в сердце под действием веры, примиряющей душу с Богом и дающей ей ощутить воссоединение с Богом, которого она всегда жаждет и ищет. А что терпеливое следование путем Богоугождения приводит душу к воссоединению с Господом, об этом поучает нас св. ап. Павел в сегодняшнем апостольском чтении, говоря о себе: «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 19—20).

Св. Иоанн Златоуст так изясняет эту тайну жизни во Христе: «Когда грех возобладает человеком, то уже и живет в нем, и управляет душою его по своему произволу. Также, когда по умерщвлении его человек делает благоугодное Христу, такая жизнь его уже не есть жизнь

человека, но живущего в нем, то есть действующего и управляющего им Христа».

Такое единение со Христом является целью и плодом всего подвига христианского Богоугождения. Но чтобы совлечься «ветхого человека с делами его» (Колос. 3, 9) и облечься во Христа для вечного пребывания с Ним, христианину необходимо понести тот духовный подвиг, который апостол назвал «сораспятием Христу». Этими словами св. апостол указал как на то, какого напряжения воли потребовал этот подвиг от него самого, так и на то, что и каждый христианин может возрастать духовно и достигнуть единения со Христом лишь через подвиг терпеливого духовного самосовершенствования.

Нельзя стать причастником спасительной жизни во Христе Иисусе во всей ее силе иначе, как через сопострадание Ему, пишет еп. Феофан. «В крещении спогребаяемся Ему таинственно, а в жизни потом прививаемся к крестному живоносному древу страданий и смерти Его чрез невольные страдания и произвольные лишения или разного рода подвиги самоотвержения».

Итак, братие христиане, когда мы терпеливым подвигом самосовершенствования уготовим себя в «жилище Божие» (Ефес. 2, 22), тогда слово Божие будет вселяться в нас обильно и приносить в жизни нашей плод истинно христианской добродетели, а души наши соделает храмами «Бога живаго» (2 Кор. 6, 16) и Сам Господь будет производить в нас «и хотение и действие по Своему благоволению» (Филипп. 2, 13). Аминь.

Свящ. И. Никитенко

В ОБЩИНЕ «АГАПЭ»

В семидесяти километрах от древнего Турина, в Альпах, на высоте более полутора тысяч метров, находится один из экуменических центров, известный под названием община «Агапэ». Это несколько корпусов-общежитий. В главном здании оборудован зал для заседаний. Он же служит столовой, местом молитвенных собраний, а также для развлечений в часы досуга.

Первые камни будущей «Агапэ» были заложены в 1947 году. В годы борьбы с немецко-итальянским фашизмом пределы, где ныне находится «Агапэ», были средоточием движения Сопротивления. В числе первых строителей общины были и участники партизанского движения. С начала и до сего времени община создается исключительно на добровольных началах.

Идея построения общины родилась в местной Вальденской Церкви*. Само наименование «Агапэ» (греческое слово, означающее самоотверженную христианскую любовь), по замыслу строителей, должно было определять программу и задачи будущей работы общины: служение людям и миру делами братства и любви. Теперь здесь, так сказать, экуменический центр в духовном, конфессиональном и общечеловеческом плане. Указанная программа является в наше время уже традиционной для «Агапэ».

Еще несколько лет тому назад об «Агапэ» мало кто знал, а ныне это место встреч, бесед и труда поистине межцерковного и международного характера.

В руководящий комитет «Агапэ» теперь входят представители Вальденской Церкви и других реформатских церквей Европы, а также Всемирного Совета Церквей. Пастор — руководитель «Агапэ» избирается сроком на семь лет. Избранный на этот пост в 1961 году пастор Джоржио Джирарде является также представителем регионального комитета Христианской Мирной Конференции в Италии и членом редколлегии журнала «Христианская Мирная Конференция».

* Вальденская Церковь названа так по имени ее основателя — Пьера Вальдена. Первые молитвенные собрания вальденских христиан стали собираться около 1555 г., но только последние сто лет эта деноминация пользуется правами признанного вероисповедания. В первом статуте Вальденской Церкви говорится, что главная задача вальденсов состоит в проповеди Евангелия среди итальянского народа. В настоящее время эта Церковь представляет собой духовную организацию с укладом жизни в соответствии с доктриной реформатских церквей. Общины вальденсов имеются во всех областях Италии. Церковь насчитывает около 35 000 верующих. Это самое большое христианское объединение в Италии после Римско-Католической Церкви. Традиционным центром Церкви является г. Торопеличи, около Турина, но фактически все руководство ее находится в Риме, где функционирует и ее богословский факультет. Вальденские общины имеются также во Франции, Швейцарии, США, Уругвае и Аргентине. Церковь принимает активное участие в Экуменическом движении.

Почти круглый год в «Агапэ» проходят различные встречи. В зимний период это различные семинары и встречи местного характера, а летом — большие международные «лагери». Ежегодно бывает по пяти и более таких «лагерей». Каждый из них имеет свою тему. В этих «лагерях» принимают участие представители многих стран и церквей из всего мира. Так, например, в августе 1962 года состоялся «лагерь», который носил название «Африка — Азия — Европа» и в котором были широко представлены христиане названных континентов.

*
* *
*

В августе—сентябре 1963 года по приглашению руководителя «Агапэ» пастора Д. Джирарде в двух международных «лагерях» в «Агапэ» принимали участие представители Русской Православной Церкви. Это были член Международного секретариата ХМК прот. П. С. Соколовский и секретарь представительства Русской Православной Церкви при Всемирном Совете Церквей в Женеве Н. П. Анфиногенов. С 19 по 29 августа проходил «лагерь» на тему «Миряне в Церкви», а с 1 по 9 сентября — на тему «Международный мир и атомное разоружение».

Работа этих двух «лагерей» была построена по следующему, уже традиционному, плану: выступление докладчиков и дискуссии по докладам в группах и на пленарных заседаниях, а также ежедневное изучение Библии. Всему этому отведено было много времени. Каждый день начинался и заканчивался общей молитвой. Представители протестантских, Англиканской и Православной церквей поочередно руководили молитвенными собраниями и проповедовали на тему евангельского чтения дня.

В «лагерях» принимали участие священнослужители, церковные работники, профессора и эксперты по различным областям знания и вопросам международной проблематики, но значительную часть участников составляла молодежь. Необходимо отметить, что в последнее время среди католических кругов также все более возрастает интерес к «Агапэ», и в указанных двух «лагерях» участвовали и католики. В «лагере», посвященном теме «Миряне в Церкви», принимал участие католический священник Шарль Молер из Бельгии, а в «лагере» по вопросу атомного разоружения в качестве наблюдателя присутствовала Ирина Нобис — член экуменического секретариата при Парижском архиепископе.

*
* *

Руководителями «лагеря» «Миряне в Церкви» были пастор Джоржио Джирарде и пастор Маркус Кольбинг (Швейцария). В «лагере» приняли участие около 120 человек из 12 стран Европы, Африки и Америки. С докладами и сообщениями, в которых говорилось о положении мирян в Церкви, выступали представители протестантского, англиканского, католического и православного исповеданий. Докладчиками были проф. Георг Кресси (Франция), Василий Провидас (грек, обучающийся в Париже) и другие. При обсуждении темы выявились различные взгляды на значение простых верующих людей в церковной жизни, но вместе с тем было отмечено, что задача служения верующих делу мира и братства между всеми людьми должна стать общехристианской и постоянной.

Участники «лагеря» проявили живой интерес к жизни и устройству Русской Православной Церкви вообще и к положению мирян в частности. По просьбе участников прот. П. С. Соколовский и Н. П. Анфи-

ногенов выступили с сообщениями о Русской Православной Церкви, ее экуменических связях и усилиях, направленных на дело защиты мира. Многочисленные вопросы, которые были заданы участниками представителям Русской Православной Церкви, свидетельствовали, с одной стороны, о недостаточной осведомленности в этих вопросах и влиянии проводимой еще на Западе пропаганды и, с другой, о желании участников знать правду о настоящем положении вещей.

*
* *
*

Международный «лагерь», посвященный вопросам мира и атомного разоружения, проводился в сотрудничестве с Христианской Мирной Конференцией. Руководителями «лагеря» были пастор Д. Джирарде и пастор Евгений Ривуар из Швейцарии. В «лагере» участвовали представители из 11 стран, в том числе из ГДР, Польши, ЧССР, СССР. В числе 70 участников были и нехристиане.

Изучались конкретные вопросы и задачи дела защиты мира и атомного разоружения. Вниманию участников были предложены следующие доклады:

«От Хиросимы до «поларисов» на подводных лодках. Атомное разоружение и международная политика от 1945 года до настоящего времени» — члена Методистской Церкви Италии, корреспондента Итальянского радио и телевидения г-на Рокко;

«Современная ситуация: является ли возможным атомное разоружение?» — д-ра Айланда Янга, члена палаты лордов английского парламента, известного ученого, члена Пагуошской конференции;

«Политическая ситуация в Италии в вопросе разоружения» — г-на Рокко;

«Христианская Мирная Конференция и ее работа для дела мира» — координаторного секретаря ХМК пастора Ярослава Чихака;

«Надежды и огорчения Мирного движения» — пастора Евгения Ривуара.

Уже сами темы докладов свидетельствуют, какие конкретные ставились вопросы. Если в историческом обозрении развития атомного оружия было дано изображение возможных опасных последствий накопления средств массового уничтожения, то в докладе д-ра Янга содержался анализ важнейших предложений ядерных держав по вопросу прекращения ядерных испытаний и ликвидации ядерного оружия. В докладе отмечена была позиция Советского Союза, в силу которой СССР настаивал на запрещении ядерного оружия уже тогда, когда только США обладали атомной монополией, и которую он продолжает отстаивать теперь, став обладателем ядерной мощи; в вопросе разоружения Советский Союз настаивает на ликвидации запасов атомного оружия и полном разоружении.

В докладе г-на Рокко о политической ситуации в Италии в вопросе разоружения отмечалось, что если еще несколько лет назад усилия в пользу дела мира объявлялись символом «причастности к коммунизму», то теперь все новые и новые силы вливаются в движение за мир и разоружение. В этой связи докладчик отметил особое значение почившего Папы Иоанна XXIII и его энциклики «Мир на земле». Пастор Евгений Ривуар в своем выступлении богословски обосновал важность не пацифистски пассивного, но активного участия христиан в деле защиты мира.

При ежедневном изучении Библии в группах и на пленарных заседаниях раскрывались задачи, стоящие перед христианами и христианскими церквами в настоящее время. Изучалась Нагорная проповедь (Мф. гл. 5) и Первое Послание Петра (3, 1—16). В результате этого

участники пришли к убеждению, что христиане призваны заботиться о своем духовном совершенствовании и вместе с тем как можно больше служить развитию доверия и взаимопонимания между народами. Те, кто стремится подражать Христу, должны служить миру, людям и братству так, как это делает Сам Господь.

Выступления докладчиков, изучение Библии, беседы и дискуссии в группах и на пленарных заседаниях показали, как важно для христиан, богословов, представителей церквей собираться вместе и обсуждать не только общность и различие богословских, дисциплинарных и обрядовых основ, но на основе Евангелия глубже анализировать и вскрывать причины, которые все еще тормозят приближение торжества идей мира и братства между всеми людьми, мешают скорейшему прекращению гонки ядерного оружия и достижению международного соглашения о разоружении.

Согласно традиции «Агапэ», участники этого «лагеря» не принимали каких-либо официальных заявлений или коммюнике. Задача «Агапэ» — практическое служение делу воспитания людей для экуменической и мирной работы, имеющей целью достижение братства всех христиан. И нужно сказать, что данный «лагерь» послужил этому благому делу. Люди, до этого не осознавшие своих христианских обязанностей в деле борьбы за разоружение и мир, теперь начали понимать свою ответственность в этом отношении. Хотя и были попытки со стороны некоторых участников «лагеря» из ФРГ отвлечь внимание от практического обсуждения стоящих перед христианами задач в современной международной обстановке выступлениями в духе «холодной войны», с псевдохристианским лозунгом антикоммунизма, — это не смогло нарушить царившего между христианами Запада и Востока единодушия. Наоборот, наличие таких тенденций, когда христианство и Евангелие используются как идеология, а не как реальность и жизнь, еще больше возбуждало у последователей учения Христова сознание христианской ответственности, стремление активнее служить примирению человечества.

Как и во время «лагеря», посвященного теме «Миряне в Церкви», участники данного «лагеря» проявили большой интерес к жизни Русской Православной Церкви. Один из вечеров «лагеря» был посвящен специально нашей Церкви. Автор этих строк выступал с сообщением и говорил, в частности, о служении Русской Православной Церкви в деле борьбы за мир и разоружение. После выступления присутствовавшие обратились к докладчику с многочисленными вопросами и просили рассказать об экуменических связях Русской Православной Церкви, о положении женщины в наших приходах, об отношении Русской Церкви к вопросу о прекращении ядерных испытаний и т. д.

«Лагерь», посвященный вопросам атомного разоружения, закончился в воскресенье 8 сентября молитвенным собранием его участников в местном сельском храме.

Об «Агапэ» можно сказать, что само название этого экуменического центра действительно соответствует той работе, которая там проводится поныне; в этом экуменическом центре христиане научаются действенному служению миру и человечеству. Пусть же Господь поможет руководителям «Агапэ» и всем участникам его «лагерей» и впредь еще активнее служить тому, чтобы у христиан и церквей крепло сознание их ответственности и важности усилий, направленных на служение примирению человечества.

Прот. П. Соколовский

ИЗ ЖИЗНИ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ВИЗИТ

18 июля 1963 года навсегда останется памятной датой в жизни Православной Церкви. Под величественными сводами Успенского собора в великой Троице-Сергиевой Лавре, в городе Загорске, в этот день изрядно и всепразднственно чествовался золотой юбилей Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия — пятидесятилетие его архиерейского служения.

По этому случаю в Москве собрались представители всего христианского мира. Прибыла 15 июля в Москву и делегация Болгарской Православной Церкви во главе со Святейшим Патриархом Кириллом. В составе делегации были митрополит Ловчанский Максим, епископ Левкийский Парфений и протоиерей Василий Велянов.

Болгарская церковная делегация приняла участие во всех богослужениях и в торжественном акте, посвященных пятидесятилетию архиерейского служения Святейшего Патриарха Алексия, устроенных по специальной программе.

Делегация также нанесла визит вежливости в Болгарское Посольство в Москве и председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР В. А. Куроедову.

На торжественном акте, состоявшемся в храме Московской духовной академии, Святейший Патриарх Кирилл огласил специальное приветственное послание Святейшему Патриарху Алексию от имени Болгарской Православной Церкви, ее Священного Синода и от себя лично. В этом послании прозвучали подлинная любовь и глубокое уважение к Святейшему юбиляру со стороны Святейшего Патриарха Кирилла, Болгарского Священного Синода и всего болгарского народа, который испокон веков считает себя родным братом великого русского народа, два раза освободившего его от иноземного рабства и притеснений.

В Москве, как реальное выражение любовных и сестринских отношений между Русской и Болгарской Православными Церквями, существует Болгарское церковное подворье. 20 июля с. г. Святейший Патриарх Кирилл вновь посетил подворье и этим посещением превратил совершавшееся в храме подворья всенощное бдение в особенно радостный праздник для молящихся.

В притворе храма Святейшего Патриарха Кирилла встретило духовенство подворья во главе с настоятелем архимандритом Стефаном, который от имени клира и верующих приветствовал Святейшего Патриарха. «Ваш приезд, — говорил он, — для всех нас превратился в большой и светлый праздник. Пастыри и пасомые при храме Болгарского подворья в Москве любят и глубоко уважают Ваше Святейшество и неустанно всегда возносят молитвы о здравии, долголетьи и благопоспешении Вашем, Церкви Болгарской и всего народа болгарского.

Юбилейные торжества по случаю пятидесятилетия архиерейского служения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия вновь привели Ваше Святейшество в столицу великой Советской стра-

ны вместе с представителями всего христианского мира. Эти торжества особенно дороги нам, болгарам, и прежде всего Вашему Святейшеству, чья любовь и братская преданность Святейшему юбилару давно известны всей Русской Церкви. С своей стороны Вы, Ваше Святейшество, еще и еще раз убедились, как любят здесь и уважают Ваше Святейшество, нашу Святую Церковь и наш народ.

Мы все вместе с Вами, Ваше Святейшество, будем всегда усердно молиться Богу, да сохранит Он на долгие годы Святейшего Патриарха Алексия, Ваше Святейшество, наши Святые Церкви и наши братские народы в братской дружбе и единомыслии на пользу мира во всем мире».

На молитвенную память о славном юбилее и Святейшем юбиларе архимандрит Стефан преподнес в дар Святейшему Патриарху Кириллу икону Святителя Московского и всея Руси Алексия.

Выслушав приветствие, Святейший Патриарх Кирилл в ответном слове сказал: «Ваше Высокопреподобие, дорогие христиане! Мы счастливы, что по Божию благословению и по благоизволению Его Святейшества Святейшего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси, смогли снова посетить вашу великую страну как гости Святой Русской Православной Церкви по случаю пятидесятилетнего юбилея архиерейского служения Святейшего Предстоятеля, вашего духовного отца и молитвенника Патриарха Алексия.

Великим праздником является этот золотой архиерейский юбилей как для Русской Православной Церкви, так и для всех других Православных Церквей, которые также глубоко уважают и любят Святейшего Алексия за его прекрасные личные качества, за его крепкую веру и молитвенность, за его отеческую и братскую любовь ко всем людям и сослужителям на ниве Божией, за его неутомимые труды о сохранении мира во всем мире.

Святейший Патриарх является большим ревнителем мира, и это делает его любимым отцом и братом всех людей мира, так как все они мечтают о мире между народами и благоволении между людьми.

Я переживаю большую радость, находясь здесь, в этом Божием храме, в вашей среде, среди людей христолюбивых и богомольных, носителей православного русского благочестия, поклонников живой святости в вашей Церкви.

Божией милостью для меня и для моих спутников является эта возможность поклониться вашим святыням и святой чудотворной иконе Божией Матери, находящейся в этом храме.

Всем вам, возлюбленным о Господе братьям и сестрам, молитвенную Божию благословение».

После этого слова, наполнившего сердца присутствовавших в храме радостью, Святейший Патриарх Кирилл прошествовал через весь храм по дорожке, устланной цветами, и, сопровождаемый молитвенными пожеланиями прихожан, вошел во святой алтарь.

Торжественное праздничное бдение совершали Высокопреосвященный митрополит Максим, архимандрит Стефан и служащие при храме подворья священники Димитрий Акинфиев и Иоанн Христов.

На литии Святейший Патриарх Кирилл благословил предложение хлебов, вина и елея, после чего снова вернулся в алтарь.

После отпуста Святейший Патриарх Кирилл вышел из алтаря и, став на амвоне, вновь обратился к богомольцам. «Ваш праздник был и нашим праздником,— сказал он,— ибо Болгарская Православная Церковь глубоко и искренне уважает и любит Святейшего Патриарха Алексия, вашего отца и молитвенника, а также нашего отца и покровителя, продолжающего светлые традиции Русской Церкви.

За последние 15 лет я посещаю Москву уже шестой раз (в 1948, 1951, 1954, 1958 и 1962 гг. и в текущем году) по разным общецерков-

ным и праздничным случаям. И всегда Святейший Патриарх встречал меня с той же бодростью духа, пронизательностью ума, добросердечной отзывчивостью и чистой христоролюбивой озабоченностью о мире во всем мире. Я всегда восхищался его светлой личностью, его высокими достоинствами, его молитвенным духом, его любовью ко всем Церквям и людям, его любовью к нам — болгарам.

Святейший Патриарх Алексей трижды посетил Болгарию — в 1946, 1958 и 1962 годах, и всегда он вспоминает с самыми теплыми чувствами о нашей стране, о нашей Церкви и нашем народе, несмотря на то, что наше гостеприимство было скромным. Он видел и правильно оценил искренность наших чувств уважения и любви, — чувств, которые наша Церковь тщательно хранит и лелеет, а весь народ добросердечно разделяет.

Мы были свидетелями исключительного духовного торжества, которыми Церковь и верующие чествовали Его Святейшество Патриарха Алексия в день пятидесятилетнего юбилея его архиерейского служения. Возглас всех сердец был одинаково восторженным «Аксиос!»

Мы и ныне созерцали лик и душу русского православного благочестия и зело радовались, утешенные о Господе, видя, как православные русские люди молятся Богу от всего сердца с удивительной мистической углубленностью, которая находит глубокий отклик в сердцах всех нас, боголюбно чтущих, по завету нашей истории, дорогую для нас Русь.

И в этот раз мы видим вашу страну и, в частности, славную и «самую любимую» Москву в еще большем подъеме и блеске. Ваша столица растет и хорошеет, благоустраивается и богатеет. Тот, кто, подобно мне, посещал ее несколько раз, может правдиво свидетельствовать об удивительных темпах этого грандиозного роста, этого очаровательного благоуукрашения и благоустройства.

С молитвой к Богу да благопожелаем Москве и всей Советской стране подъема и прогресса в том же и даже еще более ускоренном темпе, дабы всегда быть ей, как и до сих пор, светом мира в нашем волнуемом мире.

Всем, кто сделал наше пребывание в СССР полезным и приятным, я выражаю благодарность всей нашей церковной делегации».

Затем, благословляя молящихся, Святейший Патриарх Кирилл отбыл из храма, провожаемый настоятелем и клиром подворья и напутствуемый молитвенными благопожеланиями верующих.

Визит Святейшего Предстоятеля Болгарской Православной Церкви оставил добрые воспоминания в сердцах духовенства и верующих Болгарского церковного подворья в Москве.

**Архимандрит Стефан,
настоятель Болгарского церковного подворья
в Москве**

В О П Р О С Ы ХРИСТИАНСКОГО ЕДИНСТВА

ОБЪЕДИНЕННОЕ КОММЮНИКЕ

о визите делегации Русской Православной Церкви к Церкви Братьев в Соединенных Штатах Америки

Делегация Русской Православной Церкви находилась с официальным визитом у Церкви Братьев между 24 августа и 4 сентября 1963 года. Визит осуществлялся по приглашению Генерального Братского Совета Церкви Братьев.

Делегация состояла из архимандрита Ювеналия, начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (глава делегации); протоиерея Евгения Амбарцумова, настоятеля Троицкого собора г. Ленинграда; А. С. Буевского, секретаря Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии; А. А. Владимирова, сотрудника Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии; А. В. Чистякова, секретаря Патриаршего Экзарха Северной и Южной Америки; Л. К. Попадуполо, сотрудницы канцелярии Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси; Б. С. Нелюбина, переводчика Отдела внешних церковных сношений (переводчик делегации).

Настоящий визит явился результатом взаимного стремления обеих Церквей к братскому сотрудничеству в укреплении экуменического духа и служении благу человечества. Он осуществлен в результате предварительных переговоров между представителями обеих Церквей.

В октябре 1963 года официальная делегация Церкви Братьев нанесет ответный визит Русской Православной Церкви.

В течение своего пребывания у Церкви Братьев делегация Русской Православной Церкви посетила некоторые религиозные и образовательные центры, центры социального служения, общины и Генеральную резиденцию Церкви Братьев. Состоялось также посещение ферм, кооперативов, торговых центров, театра и исторических мест.

Среди мест Церкви Братьев были посещены: церкви Братских общин в Пенсильвании, в Ланкастере и в Елизабеттауне; колледж в Елизабеттауне, Пенсильвания; Центр Братского служения в Нью-Виндзоре, Мериленд; церкви Братских общин в Вирджинии, в Бриджвотере, Вейерс Кейв, Броудвей и Дейтоне; колледж в Бриджвотере, Вирджиния; церкви Братских общин в Индиане, в Плимуте, Элксхарт, Гошене, Юнион Центре и Норс Манчестере, Индиана; колледж в Норс Манчестере; церковь в Братском лагере Мак, Мильфорд, Индиана; Вифанская богословская семинария, Оук Брук, Иллинойс; церковь в Генеральной резиденции, Элжин, Иллинойс.

Делегация имела встречи и собеседования с пасторами и представителями общин, с руководителями учреждений, с членами преподавательского состава и их семьями и со студентами-богословами. Эти встречи и собеседования проходили в атмосфере взаимопонимания и христианской любви.

Во время посещения Генеральной резиденции Церкви Братьев в Элжине, Иллинойс, состоялся обмен мнениями между делегацией и руководителями Церкви Братьев по вопросам, представляющим взаимный интерес относительно веры и жизни обеих Церквей.

Вознося благодарение Богу за дарование радости братского общения, проходившего в единстве духа и союзе мира (Ефес. 4, 3), обе стороны свидетельствуют, что, оставаясь преданными вероучению и традициям своих Церквей, они стремились понять их, не для изменения их, но для укрепления взаимопонимания. В этом братском общении стороны ощутили жизненную силу и значение слов св. ап. Павла о равенстве всех людей перед Богом, перед Которым «нет ни еллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Колос. 3, 11).

Представители подчеркнули общность их взглядов при подходе к проблемам служения церквей христианскому миру и человечеству в целом. Было подчеркнуто, что важнейшей задачей обеих Церквей было и остается евангельское служение примирения, которое принадлежит Церквам (2 Кор. 5, 19).

Обе церковные стороны свидетельствуют о своей вере в проявления воли Божией в миротворческих устремлениях всех людей доброй воли, особенно в последователях Господа, которые находят во Христе мир, и Который рушит преграды вражды (Ефес. 2, 14).

Мы благодарим Бога и были ободрены тем, что к тому миру, которого Он желает всем людям, мы приближаемся через достижение первых шагов по пути ко всеобщему и полному разоружению и прочному миру на земле через недавнее соглашение правительств Союза Советских Социалистических Республик, Великобритании и Соединенных Штатов Америки о частичном запрещении испытаний ядерного оружия, подписанное ныне правительствами многих государств.

Участники заявили, что их Церкви посвятили себя созданию обстановки для дальнейших международных соглашений по избавлению человечества от угрозы термоядерной войны.

Обе стороны считают, что одним из важнейших факторов международного мира является дружба народов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, укрепление которой они рассматривают как возможность и обязанность своих Церквей.

Представители считают также, что успех христианского служения примирения во многом зависит от объединения усилий всех христианских Церквей и деноминаций мира в этом направлении.

Представители Русской Православной Церкви и Церкви Братьев провозглашают, что в настоящее время они не могут предсказать форму сотрудничества между их Церквами, которое сейчас началось. Однако они убеждены, что в этом сотрудничестве они следуют воле Божией о единстве Церквей в их свидетельстве и служении в мире. Они верят, что на этом пути они осуществят в новой мере послушание Владыке Мира, живя друг с другом в надежде о мире и молясь, чтобы Мир Христов озарил своим светом всю землю.

Мир братьям и любовь с верою от Бога Отца и Господа Иисуса Христа (Ефес. 6, 23).

Подписано от имени делегации
Русской Православной Церкви:

архимандрит Ювеналий,
начальник Русской Духовной Миссии
в Иерусалиме.

А. Бувевский,
секретарь ОБЦС
Московской Патриархии.

Подписано от имени Церкви
Братьев:

Норман Бокер,
генеральный секретарь
Генерального Братского Совета.

Гарольд Рау,
исполнительный секретарь
Комиссии Братского служения.

Генеральная резиденция Церкви Братьев,
Элжин, Иллинойс, США,
4 сентября 1963 года

ВИЗИТ ПРОТЕСТАНТОВ ФРАНЦИИ

Летом 1963 года (с 11 по 22 июня) Русская Православная Церковь принимала официальных представителей французского протестантизма, которые представляли различные оттенки протестантских исповеданий и протестантской мысли Франции.

За время пребывания у нас французских гостей многие клирики и миряне нашей Церкви установили с ними дружественные и сердечные отношения, а между нашими церквями в целом наметились перспективы развития дружественных отношений и полезных контактов.

Русские православные люди получили возможность на примере истового благочестия и просветленного смирения своих гостей увидеть, что у лучших представителей протестантизма практика личного опыта в богопознании, в свидетельстве Христа и в непосредственном молитвенном взыскании человеческой души продолжает и в наши дни приносить драгоценные духовные плоды. Гости, в свою очередь, присутствуя на богослужениях в православных храмах, могли наблюдать проявления сакраментальной жизни Православной Церкви.

Делегацию возглавлял новый президент Протестантской Федерации Франции известный экуменический деятель пастор Шарль Вестфаль, на которого в 1960 году была возложена ответственность за согласование действий объединенных французских протестантских исповеданий — кальвинистов и лютеран. Пастор Шарль Вестфаль заменил на посту председателя Протестантской Федерации Франции «патриарха Экуменизма» маститого пастора Марка Бегнера, признавшего необходимым передать при жизни свое наследие в руки более молодого руководителя.

В состав делегации входил также и пастор Пьер Бурге, председатель национального совета Французской Реформатской Церкви, — самого значительного протестантского исповедания Франции, охватывающего более половины всех французских протестантов. Пастор Бурге — талантливый, неутомимый и жизнерадостный представитель французского гугенотского Юга, превосходный оратор, много путешествует по свету в качестве председателя европейского сектора Всемирного Реформатского Альянса, каковую должность он совмещает с руководством делами своей Церкви.

Это признанный авторитетный христианский деятель, который возглавляет в Эльзасской Лютеранской Церкви церковно-административную единицу, соответствующую нашей епархии. Поездка в нашу страну раскрыла ему множество сторон православной жизни, о которых он с подъемом говорил в своих речах перед отъездом на родину и, по возвращении, писал в статьях, отображавших его светлые впечатления о русских христианах.

В делегации было и два мирянина. Д-р-Фредерик Тренц, видный врач из Страсбурга, столицы Эльзаса. У этого, поражавшего всех своей кипучей энергией, предупредительного и обязательного человека дружественная улыбка не сходила с лица за все время путешествия. Другим мирянином был представитель Французской Реформатской Церкви, член ученого совета Протестантского богословского факультета в Монпелье Эдмон Варнери, у которого гостил во время своего визита Протестантской Федерации Франции архиепископ Никодим. Посещение русского архипастыря пробудило у г-на Варнери большой интерес к Православной Церкви и желание ознакомиться с ее жизнью на месте.

В Москве гости побывали в ряде городских храмов, встречались с представителями духовенства и верующими, осматривали достопримечательности столицы. Сразу по приезде они присутствовали на приеме, данном в их честь архиепископом Ярославским и Ростовским Никодимом, возвратившимся из Праги с очередной сессии СовеЩательного

ДЕЛЕГАЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОТЕСТАНТОВ В НИКОЛО-КУЗНЕЦКОМ ХРАМЕ
ЗА БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИЕЙ 19 июня 1963 года

комитета Христианской Мирной Конференции. На приеме присутствовали многие из православных и инославных участников сессии, иерархи Русской Церкви, представители Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР и сотрудники Московской Патриархии.

Французская делегация посетила Ленинград, где была принята митрополитом Ленинградским и Ладужским Пименом. Гости побывали в Ленинградской духовной академии, осматривали ленинградские храмы, присутствовали на будничных богослужениях, за которыми неизменно приветствовали теплым словом молящихся, оказывавших им знаки радости и гостеприимства. Делегация совершила поездку в Петродворец и осмотрела достопримечательности Ленинграда, в частности в ночные часы, что позволило участникам ее оценить всю красоту и прелесть белых ночей.

Из Ленинграда гости направились в Таллин, где их принимал епископ Таллинский и Эстонский Алексей. Они осмотрели православные и лютеранские храмы города и баптистский храм св. Олая, побывали на Лесном кладбище и в живописных окрестностях эстонской столицы, присутствовали на двух торжественных приемах, устроенных епископом Алексием и евангелическо-лютеранским архиепископом Яном Кийвитом. Из Таллина члены делегации проследовали в Пюхтицкий Успенский женский монастырь, где их ожидал епископ Таллинский Алексей. Архиерейское служение в монастыре при пении хора монахинь и огромном стечении богомольцев (присутствовал также и архиепископ Ян Кийвит с несколькими пасторами, прибывшие из Таллина) произвело на наших друзей сильное впечатление. После Божественной литургии состоялась трапеза и затем осмотр монастыря и его лесистых окрестностей. В беседах с гостями было отмечено, что Пюхтицы постепенно превращаются в подобие православного Тэзэ (протестантский монастырь в Восточной Франции, который оказывает гостеприимство и помощь христианам всех исповеданий) из-за многочисленных уже экуменических встреч, имевших место под сенью этого монастыря.

По возвращении в Москву гости ездили поклониться святыням Троице-Сергиевой Лавры. Там они посетили Троицкий собор, где покоятся мощи Преподобного Сергия, и прочие храмы и достопримечательности обители, были приняты наместником Лавры архимандритом Пименом и имели беседу с административно-преподавательским составом Московской духовной академии.

Последней поездкой делегации было посещение Одессы и одесского Успенского монастыря. Гости имели аудиенцию у Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, который наградил их церковным орденом св. князя Владимира, а также участвовали в трапезе, данной Святейшим Патриархом в их честь. Как бы заключительным аккордом пребывания их на нашей земле было торжественное совершение епископом Таллинским Алексием акафиста перед чудотворной Касперовской иконой Божией Матери в Одесском кафедральном соборе. Всенародное пение в переполненном обширном храме и исполненные прекрасным одесским архиерейским хором песнопения были последним ярким впечатлением наших гостей перед их возвращением на родину.

Возвратившись в Москву, протестантская делегация отбыла 22 июня самолетом в Париж. «Все богослужения наших православных братьев излучают священный мир», — сказал пастор Вестфаль в интервью, данном им официозу Протестантской Федерации Франции. Пастор Бреш, в свою очередь, закончил свое изложение в эльзасском лютеранском еженедельнике словами: «Наш визит носил чисто религиозный характер и должен послужить экуменическому сближению. Быть может, Бог нис-

пошлет нам при этом и нечто, что послужит делу примирения и мира на земле».

Так завершился первый официальный визит представителей французского протестантизма Русской Православной Церкви. Он укрепит братские духовные связи между нами. Но он имеет и более широкое значение, как экуменическая встреча, и позволит нам развивать в дальнейшем совместные усилия как в деле единения христиан ради славы Божией, так и в нашем общем служении человечеству и делу примирения всех людей.

А. Казем-Бек

ГОСТЬ ИЗ ИНДИИ

Нас радует то обстоятельство, что в последнее время наблюдается искреннее стремление представителей некоторых древних христианских церквей установить взаимоотношение с Православной Церковью. К числу таких деятелей относятся многие видные представители Малабарской Церкви в Индии, члены которой называют свою Церковь «Сирийской Православной Церковью в Индии». Эта Церковь является составной частью Сиро-Яковитской Церкви и верховным своим главой признает ее Патриарха. Но она автономна и управляется Католиком. Малабарской эта Церковь называется потому, что она распространена на Малабарском побережье Индийского полуострова (на юго-западе Индии).

Представители Малабарской Церкви уже посещали Русскую Православную Церковь. В свою очередь, представители Русской Православной Церкви — архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим, архиепископ Пермский и Соликамский Сергей, епископ Сергиевский Антоний и ряд других лиц побывали осенью 1961 года с ответным визитом у братьев-христиан Малабарской Церкви. Среди многих ее деятелей, оказывавших теплый прием и радушие нашей делегации, был вице-принсипал Старой семинарии в Каттаяме священник Филипос Кораи.

Настоящие строки посвящаются пребыванию в Советском Союзе в качестве гостя Московской Патриархии о. Филипоса — этого видного деятеля на пути к христианскому единству. Он уже давно собирался посетить Советский Союз и ближе ознакомиться с жизнью Русской Православной Церкви, но занятость в семинарии и деятельное участие в экуменической работе не позволяли ему осуществить свое желание. После окончания работы Всемирной Конференции «Вера и церковное устройство» в Монреале (Канада) и Рочестере (США) он смог принять приглашение Московской Патриархии и прибыть в Советский Союз.

За время пребывания в Советском Союзе, с 6 по 14 сентября с. г., о. Филипос ознакомился с жизнью Русской Православной Церкви. Он посетил несколько православных храмов, где присутствовал за богослужениями, видел, как совершается таинство Святой Евхаристии, диаконская хиротония, таинство крещения, поминание живых и мертвых, слушал проповеди с церковных кафедр. Неизгладимое впечатление на о. Филипоса, по его словам, произвело стройное пение хора в храмах и пение Символа веры, молитвы Господней и других церковных песнопений всеми присутствовавшими в храме.

На приеме у Главы Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Алексия о. Филипос кратко рассказал о жизни Малабарской Церкви и о постановке обучения в духовной семинарии. Согласно преданию, эта Церковь древняя, ее основателем считается ап. Фома. В настоящее время она насчитывает около 1200 приходов с 850 священ-

никами. Из 400 миллионов населения Индии все христиане этой страны составляют лишь 2 проц. Последователей Малабарской Церкви около миллиона. В юрисдикции Церкви имеются мужские и женские монастыри. Для религиозного обучения подрастающего поколения организованы воскресные школы. Существуют миссионерские общества. Для подготовки служителей Церкви имеется духовная семинария, которую называют Старая семинария, где обучается 40 юношей. В ближайшее время планируют расширить ее и число учащихся увеличить до ста человек.

Святейший Патриарх Алексий, прощаясь с гостем, подарил о. Филипосу на молитвенную память о посещении Иверскую икону Божией Матери. О. Филипос сердечно поблагодарил Святейшего Патриарха за подарок и просил его святых молитв и благословения.

В начале пребывания в Москве гость из Индии был принят членом Священного Синода Русской Православной Церкви, председателем Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии митрополитом Минским и Белорусским Никодимом. Состоялась теплая беседа. О. Филипос рассказал митрополиту Никодиму о своем посещении православных храмов в Москве, где он видел глубокую веру и горячую молитву православных христиан. В числе затронутых в беседе тем имел место разговор о стремлении христиан к единству.

Во время посещения московских храмов о. Филипос встречался с управляющим делами Московской Патриархии архиепископом Дмитровским Киприаном и председателем Издательского отдела Московской Патриархии епископом Волоколамским Питиримом и имел с ними беседы.

10 сентября о. Филипос присутствовал на торжественном открытии нового учебного года в московских духовных школах. Он передал от воспитанников Малабарской семинарии и от себя лично горячий привет наставникам, студентам академии и воспитанникам семинарии и пожелал им успехов в преподавании и усвоении богословских наук.

Накануне отбытия в Индию о. Филипос посетил Отдел внешних церковных сношений Московской Патриархии, где был принят заместителем председателя Отдела епископом Таллинским Алексием. Во время беседы он просил передать искреннюю благодарность Московской Патриархии за приглашение посетить СССР и за оказанное ему внимание.

Кроме посещения Москвы, о. Филипос изъявил желание посетить Ереван и Эчмиадзин. Там он был принят Верховным Патриархом-Католикосом всех армян Святейшим Вазгеном I и имел с ним беседу. В Эчмиадзине он ознакомился с древними армянскими храмами и богословскими школами.

Кроме посещения храмов, учебных заведений и церковных учреждений, нашего гостя интересовали и многие стороны жизни советского народа. Он посетил Московский Кремль, Красную площадь, Государственную Третьяковскую галерею, метрополитен, ВДНХ, Московский университет, Большой театр и другие достопримечательности.

Все места, которые он посетил, по его словам, понравились ему, но особенно понравился ему сам советский народ, его гостеприимство, сердечность и скромность. Гость имел возможность убедиться, что советский народ питает искреннюю симпатию к индийскому народу и горячо желает ему прогресса и процветания.

Верим, что визит о. Филипоса к Русской Православной Церкви является большим вкладом в экуменические христианские связи на пути к заповеданному Господом Иисусом Христом единству, в деле лучшего взаимопонимания наших церквей и народов и служении миру.

Г. Скобей

ОБ ОСНОВАХ ОБЩЕХРИСТИАНСКОГО ЕДИНЕНИЯ

В наши дни христиане всех стран и всех вероисповеданий охвачены желанием найти то вожделенное единство, в котором пребывала древняя Церковь. Благодаря искренним стремлениям многих церковных деятелей, посвятивших себя этому делу, установлен тот «базис», на основе которого христиане могут в известной мере объединиться.

Надо сказать со всей откровенностью, что если еще нет полного единства в вере, надежде и любви, то несомненно, что и тот «базис», который сейчас служит основой экуменического общения, нельзя считать окончательным и совершенным. Очевидно, что это еще только первая ступень, с которой начинается путь к дальнейшему и уже более совершенному общению в учении, молитве и иерархии и, наконец, к общению в той Вечери Господней — Евхаристии, которую Господь заповедал нам совершать в Его воспоминание.

*
* * *

При решении всякого сложного вопроса, в особенности когда речь идет об основах христианского учения и христианского единства, естественно обратиться прежде всего к истокам бытия самой христианской Церкви, к тому периоду, когда еще не было нынешнего разделения. Что было несомненной основой христианского единства при самом возникновении Церкви? Каков был «базис» в то время, когда Церковью руководили сами апостолы?

В книге Деяний Апостольских сказано, что в день Пятидесятницы множество людей, пришедших в Иерусалим на этот праздник и сподобившихся видеть, как Дух Святой ниспослал Свои благодатные дары на апостолов в виде огненных языков, недоумевая спрашивали, что означает это дивное явление. Тогда апостол Петр от лица всех других апостолов изложил основные положения христианской веры. Начав с древних пророчеств и напомнив слова пророка Ионя «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется», он кратко сказал о силах, чудесах и знамениях Христовых, о Его крестной смерти и преславном воскресении и вознесении, чему многие были свидетелями, и закончил свою речь словами: «Итак, твердо знай, дом Израилев, что Бог создал Господом и Спасителем Сего Иисуса, Которого вы распяли». Слышавшие спросили Петра и прочих апостолов: что нам делать, мужи, братия? Петр же отвечал им: покайтесь и да креститесь каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов и получите дар Святого Духа... Итак, охотно принявшие слово его крестились, и присоединились в тот день душ около трех тысяч; и они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении, преломлении хлеба и молитвах» (Деяния, глава 2).

В восьмой главе Деяний говорится о проповеди апостола Филиппа в Самарии: «Когда поверили Филиппу, благовествующему о Царствии Божием и о имени Иисуса Христа, то крестились и мужчины и женщины», и затем повествуется, как апостол Филипп крестил некоего эфиопянина после того, как, изложив смысл пророческих писаний, «благовествовал ему об Иисусе». На вопрос новопросвещенного, можно ли ему креститься, апостол отвечал: «Если веруешь от всего сердца, то можно». Краткая формула, произнесенная в ответ: «Верую, что Иисус Христос есть Сын Божий», была вполне достаточной, чтобы апостол счел возможным совершить крещение (Деян. 8, 26—39).

Немного далее в книге Деяний говорится о проповеди апостола Петра в Кесарии. Первоверховный апостол напомнил все, происходившее во время земного служения Иисуса Христа, чему большинство слушателей были свидетелями, и затем сказал о воскресении Господа,

о Его явлении верующим и о повелении проповедовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых, о Котором все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его. И когда апостол Петр продолжал еще эту речь, Дух Святой сошел на всех, слушавших слово его (Деян. 10, 34—44).

В шестнадцатой главе мы находим краткое повествование о внезапном обращении тюремного стража апостолами Павлом и Силою. Когда страж, пораженный всем происшедшим, в трепете припал к ним и спросил: «что мне делать, чтобы спастись?», апостолы отвечали: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой» (Деян. 16, 29—31).

Итак, первым условием для вступления в Церковь, как это описывается в книге Деяний, является искреннее желание начать новую жизнь и искренняя вера в Иисуса Христа, как Господа и Спасителя.

Во всех этих кратких исповеданиях нет еще прямого требования о произнесении какой-либо формулы о веровании во Святую Троицу, однако исповедание Иисуса Христа Сыном Божиим уже свидетельствует о вере и в Бога Отца, а Дух Святой сходит на уверовавших. Следовательно вера во Святую Троицу несомненна. Какова же была крещальная формула? Хотя в этих случаях и говорится о крещении «во имя Господа Иисуса Христа», но это не было крещальной формулой. Это означает лишь то, что крещаемые принимали учение Господа Иисуса Христа и тем самым принимали имя христиан, то есть носили на себе Имя своего Господа и Спасителя (Деян. 11, 26). Сама же крещальная формула была заповедана Господом. Уверовавшие крестились во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Мф. 28, 19).

Во всех этих случаях, описанных в книге Деяний, все словесные формулы и исповедания, которые мы для краткости сейчас можем обозначить термином «логическое» или «формальное», только лишь отражают то содержание душевной жизни, все то богатство переживаний, всю ту веру, которая возгоралась в сердце человека, и которые сейчас для краткости мы можем обозначить также одним словом как «психологическое» или «сердечное». Апостол Филипп не спрашивает эфиоплянина, сможет ли он произнести исповедание веры, а говорит, что креститься можно, «если веруешь от всего сердца». И, чувствуя в себе эту веру, эфиоплянин произносит исповедание.

В православном сознании догматическое всегда должно быть неотделимо от «психологического». Господь говорил: «Сия есть жизнь вечная, да знают Тебя, Единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Иоан. 17, 3). Для христианина богопознание есть жизнь и жизнь есть богопознание. Богомыслие есть уже переживание. Когда мы говорим о «жизни во Христе», то можем ли мы как-то отделить здесь догматическое от «психологического»? Это жизнь именно во Христе, Сыне Божиим Единородном, как мы, христиане, Его исповедуем искони. Это именно жизнь, а не какое-либо рационалистическое познание. Здесь «логическое» должно лишь выражать «психологическое» и догматическое содержание веры.

Апостолы не ставили никаких гносеологических норм, как обязательных условий для вступления в Церковь. Условие было в сущности лишь одно — желание жить согласно Евангелию. Но разве это милосердие и простота апостольская означали, что вошедшие в Церковь должны и в дальнейшем знать только краткую крещальную формулу и уметь произносить лишь ее одну?

Человека спасают не слова, не произнесение формулы, человека спасает живая вера и жизнь согласно этой вере, исполненная подвигов любви по заповедям Христовым. Человека спасает не чтение Символа веры, а тот порыв души, благодаря которому «от всего сердца» вырывается это исповедание и начинается совершенно новая жизнь.

Войдя в ограду Церкви через таинство крещения, человек должен начать новый путь и совершенствоваться на этом пути, постепенно возрастая духовно, подобно тому, как человек, родившись в мир, возрастает физически. Человек не должен оставаться при том кратком исповедании, которое он мог произнести в день своего крещения, рождения к новой жизни.

В Деяниях апостольских мы читаем, что принявшие крещение в день Пятидесятницы согласно тому краткому катихизису, который возвестил им в тот знаменательный час апостол Петр, не оставались лишь при этой краткой крещальной формуле, но все крестившиеся «постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и молитвах» (Деян. 2, 42).

Что же такое «учение апостолов»? До нас дошли апостольские послания, представляющие собой несомненно лишь какую-то часть тех живых речей, которые и составляли «учение апостолов». Всякий, кто читал эти послания, знает, какую глубину мысли содержат эти небольшие по объему, но исключительно богатые по содержанию, богодухновенные произведения. Все эти послания были написаны в завершение апостольской проповеди приблизительно в середине первого века, когда уже росли и укреплялись христианские церкви и насчитывали множество уверовавших во Христа.

Апостол Иоанн написал свое четвертое евангельское повествование только в конце первого века, когда Церковь христианская распространилась по всей Малой Азии и упрочилась в Риме, Александрии, Антиохии и других центрах тогдашнего культурного мира. И если было уже достаточно того искреннего порыва души, о котором говорится в книге Деяний, если по словам пророка, которые повторил апостол Петр, уже всякий, призвавший имя Господне, мог спастись, то для чего нужно было писать это богословское евангельское повествование, для чего нужно было дать христианскому миру тот величественный пролог, который содержит такое исключительное и такое глубочайшее по своему содержанию учение о Логосе, Превечном Сыне Божием?

Если бы всем христианам было достаточно одной лишь краткой формулы, которую они произносили при крещении, то зачем же святые апостолы писали эти поучения, преисполненные исключительной мудрости?

Апостол Иоанн не внес чего-либо нового своим «духовным» Евангелием в ту веру, которую до этого имели христиане, в большинстве люди простые и неученые (1 Кор. 1, 26).

Евангельские повествования и послания апостольские, читавшиеся во всех церквях на молитвенных собраниях за богослужениями, были основой не только веры, как таковой, но основой ее разумного раскрытия и проповедания, основой богомыслия, основой такого богословия, которое расцвело, в особенности в первые века после прекращения гонений.

Откровение Божие обращено ко всем сторонам человеческой души, не только к чувству, но и к разуму. «Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе: Сей есть истинный Бог и жизнь вечная» (1 Иоан. 5, 20).

Вместе с ростом Церкви при неизменности догматического содержания веры естественно расширялся и тот логический вероисповедный «базис», который служил основой для принятия в Церковь. Развитие, усовершенствование логического элемента не влекло за собой какого-либо усложнения веры, ибо вера оставалась неизменной, а развивалось христианское богомыслие.

Христианское учение — это учение о совершенстве, о совершенствовании. Из этого основного положения вытекает и все остальное, как частность. Отсюда поэтому выводится и христианский взгляд на богопознание и на развитие богословия... Отсюда и известное отношение к формулам исповедания и символам. Ничего принципиально нового в веру никогда не вносилось, не было какого-либо количественного приращения истин веры, то есть новых догматов, но содержание их раскрывалось, излагалось языком своего времени.

Эта закономерность в соотношении «логического» и «психологического» характерна не только для совершения акта крещения и вступления в Церковь какого-либо отдельного уверовавшего человека, это характернейшая черта, которая проходит через все Евангелие.

Благоразумный разбойник произнес на кресте всего лишь несколько слов, но эти несколько простых слов выражали максимум того, что мог пережить этот человек в последние страшные минуты своей жизни. И Господь принял это покаяние и удостоил его спасения. Но можно ли заключать отсюда, что это краткое исповедание, которое мы сами часто повторяем, как-то исключает все остальные молитвы и исповедания?

Та молитва, которой научил нас Христос Спаситель, является минимальной по своему объему и вместе с тем максимальной по своему содержанию, ибо охватывает своими прошениями весь круг нашего земного бытия. Но разве тем самым она исключает собою все остальные молитвы? Кому пришло в голову ради благоговения перед молитвой, данной нам Самим Господом, упразднить все богатство богослужений, оставив навсегда лишь ее одну?

«Учение апостолов», как оно изложено в посланиях, не похоже на какой-либо учебник богословия. Истины христианского учения в этих посланиях не разложены по каким-либо параграфам, в которые укладывалось бы содержание вероисповедания. Сами послания апостольские писаны большей частью по тому или иному поводу и поэтому не представляют собой какой-либо системы. Сложить из этих посланий твердую богословскую систему выпало на долю отцов Церкви. До нас дошли творения первых христианских богословов — «мужей апостольских», а затем апологетов и отцов Церкви. В них раскрываются и поясняются те истины, которые уже даны в Евангелии и в посланиях апостольских.

С первых веков в каждой поместной, основанной апостолами, Церкви — Антиохийской, Иерусалимской, Римской и других — сложились уже обстоятельные символы веры, единые по своему духу и логическому содержанию и лишь немного разнящиеся между собой по букве. В IV веке они слились в один общий Символ веры. Этот общехристианский Символ веры имел одновременно и позитивное и негативное значение: он давал четкие формулы христианского вероисповедания на основе учения Господа и апостолов и одновременно отсекал всякую возможность каких-либо еретических искажений. За этим Символом вскоре последовали вероисповедания об образе соединения двух естеств в единой Личности Христа, Сына Божия, и о Его двух волях. Все дальнейшее учение отцов Церкви по-прежнему неизменно основывалось только лишь на Священном Писании и живом Апостольском Предании и не вносило ничего принципиально нового. Но труды отцов Церкви уже в первые века христианства по своему объему во много раз превышают послания апостольские. И если мы сравним между собой апостольские послания и труды отцов Церкви, то что будут представлять собою первые? Максимум или минимум? Многим такой вопрос

покажется даже излишним. Священное Писание, будучи минимальным по количественному объему, содержит в себе максимум христианских истин. Здесь в сжатой форме содержится все то, что впоследствии было разработано отцами Церкви. Но если здесь при минимальном объеме содержится максимум основных положений, то значит ли отсюда, что все последующие труды первых преемников апостольских и отцов Церкви, изъясняющие глубину апостольского учения, были излишни?

Символы веры довольно кратки, но они все же гораздо сложнее, нежели те простые исповедания, которые произносились при крещении во времена апостольские. Но с появлением этих символов и вероисповеданий разве отпали или стали уже недостаточными эти первоначальные крещальные исповедания, состоявшие всего лишь из нескольких слов: «Верую, что Иисус Христос есть Сын Божий»? Отпал ли тот «минимум», который выражался в той истине, что всякий, призвавший имя Господне, мог спастись?

Нет, этот «минимум» не отпал и остался как вполне возможная и даже достаточная в исключительных случаях формула для крещения, для спасения, если человек, просветившийся светом евангельского учения, не имел на момент крещения возможности подробно, слово в слово, по сложному символу, сформировать свою веру.

Христианские мученики первых веков не изучали школьного богословия, но их вера и по сей день служит для нас лучшим образцом.

Словесный минимум отнюдь не означает непременно минимума психологического. Мы уже приводили выше в пример этого покаяние разбойника благоразумного, получившего от Самого Господа уверение в спасении. И, может быть, множество грешников и после него в различные времена бытия христианской Церкви, также внезапно получив духовное прозрение, получали вместе с тем и спасение, не зная Никео-Цареградского Символа веры и лишь призвав от всей души одно лишь имя Господне. А может быть, некоторые и в наши дни не сумеют правильно изложить на словах содержание своей веры. Но ведь каждому ясно, что тюремный страж, прозревший в одну минуту, не должен был оставаться на том уровне, на котором оказался в момент обращения. Каждому ясно, что Церковь, следуя во всем учению Спасителя и не ставя непременно условием спасения исповедание сложных формул, если человек не в состоянии произнести их, всегда стремится просвещать каждого в меру возможности учением апостольским, как это делали сами апостолы.

*
* *

Древние символы и вероисповедания, дошедшие до нас от первых веков бытия Церкви, содержат в себе истины непреложные, исповедуемые фактически всеми главными христианскими исповеданиями. В силу тех или иных причин не все Поместные Церкви участвовали на Соборах, на которых были сформулированы эти символы, и, может быть, сейчас некоторые из них не считают для себя обязательным признание всех определений, принятых на этих Соборах. Но мы сейчас не касаемся Соборов, как таковых, и конфессиональных различий, возникших впоследствии в результате различных причин. Мы только хотим подчеркнуть, что истины, раскрытые в этих древних символах, являются, несомненно, общехристианскими и нынешние различия по существу не доходят до этих символов. Если сейчас христиане объединены на основе признания Иисуса Христа Господом и Спасителем и на основе веры во Святую Троицу, то они не могут отрицать этих символов, ибо при последовательном мышлении становится ясно, что и символ Григория Чудотворца, и Никео-Цареградский символ, и хал-

кидонский «Орос», и определение об образе соединения Божества и человечества Единого Христа Спасителя вытекают из этого «базиса» как естественное логическое его развитие. Отрицая эти символы, мы тем самым отрицали бы уже и самый базис. Признавая базис, мы тем самым признаем и эти символы.

Истины веры, изложенные в древних символах, настолько бесспорны, что их можно назвать сверхконфессиональными. Ни один христианин, если он действительно христианин по духу, а не по имени только, независимо от того, к какой бы конфессии он ни принадлежал, хотя бы даже к той, которая не считает обязательными определения Соборов древней Церкви, не может отрицать те истины, которые содержатся в этих символах. Здесь важно даже не формальное признание этих догматов — важно их содержание по существу, поскольку они дают христианину уверенность в истинности своего исповедания. Согласно православному пониманию, эти догматы воздействуют на душу человека. Воспринимая догматические истины, человек духовно преображается. Эти истины воспитывают дух человека, укрепляют, возвышают, ведут к совершенству и сообщают ему ощущение близости к Богу уже здесь, на земле. В силу этого Церковь всегда смотрела на истины веры, как на нечто драгоценное, чем все христиане, естественно, должны дорожить.

Всякий сознательный отказ от этого богатства Церкви, всякое его отрицание было бы не чем иным, как сознательным обеднением Церкви.

*
* *
*

Христиане апостольских времен, исповедуя Иисуса Христа своим Господом и Спасителем, все пребывали в крепкой взаимной любви. И эта любовь была той основой, на которой строилось здание Церкви. И если выше мы говорили о формулах, символах, соборных определениях, как о необходимом условии, без которого немислимо было христианское единство, то мы говорили это лишь как об одном из аспектов этого единства, как об условии необходимом, но не единственном. Подразумевающимся условием была взаимная любовь, так как основой Церкви является любовь. Мы говорили о формулах единства, как о подлежащих уяснению. Любовь же в бытии христианской Церкви не требует уяснения. Это постулат, данный Самим Основателем Церкви. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою». Эти слова Господа о любви, как о самом отличительном признаке христианского общения, являются сущностью христианской религии, и нельзя представить себе человека, который бы, вступив в Церковь, не знал об этой заповеди любви.

В наши дни, когда христиане всех конфессий ищут единства, ищут формулы, могущей объединить их всех, когда речь идет о том, каков должен быть базис, на котором это единство будет строиться, для всех христиан, независимо от их конфессиональной принадлежности, должно быть ясно, что главным и основным «базисом» их взаимообщения должна служить прежде всего их взаимная любовь друг к другу. Если не будет любви, то и единство вероисповедания будет бесполезным. Об этом хорошо сказано в 13-й главе Первого послания к Коринфянам. Но о любви вообще трудно рассуждать или спорить. Поэтому в деле христианского общения любовь подразумевается, как нечто само собой необходимое. Говорить о единстве вероисповедания, о единстве символа можно только тогда, когда мы, может быть даже молча, будем констатировать наличие любви между всеми христианами. И если этой любви не будет, то напрасны будут все усилия найти общий символ.

Когда мы говорим о вере христианской, то должны прежде всего иметь в виду не слова о вере и не словесное вероисповедание, а само содержание веры, как душевное состояние.

Единая вера, на основе которой должны объединиться все христиане, — это та вера, которую принес нам Христос Спаситель и которую проповедовали затем апостолы. Эта вера живая, спасающая, любовно споспешествуемая, вера, преодолевающая все и творящая великие дела, вера, победившая мир, которая должна вместе с любовью христианской служить основой христианского единства. Ее мы исповедуем и ею мы живем. Все символы, формулы и определения Церкви есть лишь словесное выражение этой веры. И если все христиане исповедуют эту веру, то они уже могут называть себя братьями по вере.

Символ веры есть лишь символ, а не сама вера. Всякий символ, всякое логическое определение составляется из человеческих слов, может быть, недостаточных, чтобы выразить сущность веры христианской. Недаром всегда, в особенности в эпоху Вселенских Соборов, было столько споров о формулах веры, недаром все эти формулы рождались на свет как бы в страшных муках, при колоссальном напряжении сил человеческого ума.

Если сейчас нет общехристианского единства, то мы должны надеяться, что обречем его, достигнем его. Христианская надежда есть великий стимул. Она неотделима от веры христианской и от христианской любви. Надежда окрыляет, дает силы, делает людей стойкими в их стремлениях. Если у нас не будет надежды на возможность достижения полного единства в молитве и вообще в жизни, то бессмысленно продолжать то дело, к которому мы приступили. Если у нас не будет надежды на достижение единства, то все наше внешнее общение и все наши труды будут лишь лицемерными акциями, недостойными христиан. Но мы искренне надеемся, ибо надежда входит в само существо христианской религии.

*
* *
*

Всемирный Совет Церквей представляет собой форум, где христиане различных конфессий могут говорить друг с другом. Цель этого форума — достижение в будущем реального единства, причем единства добровольного, без малейшей тени принуждения. За последние годы уже много сделано для того, чтобы уяснить, что же является для всех христиан общим и несомненным, что все христиане считают «своим», без различия конфессий. Таким всеобщим достоянием является вера во Святую Троицу, вера в Иисуса Христа, как Господа и Спасителя. Ни одно из христианских вероисповеданий не навязывало эту веру другому. Это общая вера всех христиан.

Этот словесный «базис», на котором сейчас строится здание экуменического сообщества, есть догматический минимум, ниже которого спускаться невозможно, ибо непризнание на словах хотя бы одного из элементов этого базиса означало бы, по сути дела, уже отрицание в душе человека того содержания, которое характерно для христианства, как религии вообще. С этой стороны современный базис есть минимум. Но в нем, как в зерне, потенциально содержатся все истины христианской веры, и это зерно ждет своего раскрытия, ждет дальнейшего прорастания. В зерне при его минимальном объеме всегда заключается потенциально максимум возможностей. В этом характерная сущность зерна, в этом его тайна. Зерно всегда воспринимается как нечто от будущего, и для будущего оно существует. Без дальнейшего прорастания это зерно теряет свой смысл.

Все значение нынешнего базиса в том, что он есть лишь та платформа, стоя на которой мы можем дружно строить дальнейшее здание христианского единства. Полагать, что этот базис есть предел, что он есть та статическая формула, от которой христиане не должны двигаться дальше, к взаимообщению, сказать, что он есть все, чему мы должны научить вновь приходящих в Церковь братьев, было бы страшным обеднением христианской религии.

Существующий базис мал, минимален, но он вполне достаточен, чтобы именно с него начать великое дело христианского взаимообщения. И мы верим, что христианская вера, христианская надежда и христианская любовь возрастят это зерно в великое древо единого христианского богопознания.

Христиане всех исповеданий, объединившись в единой вере в Господа Иисуса Христа, в единой вере во Святую Троицу, не должны оставаться лишь при этом минимальном крещальном исповедании, а пребывая «в учении апостолов», должны совершать «дело служения для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Ефес. 4, 12—13).

Древние символы веры, какие мы знаем и какие дошли до наших дней от первых веков бытия Церкви, и вероопределения о соотношении Божеской и человеческой природы, Божеской и человеческой воли во Едином Христе Спасителе являются общехристианскими бесспорными истинами. Эти символы есть лучшее богатство Церкви. Вождевленное единство всех христиан должно наступить не в условиях отказа от этого догматического богатства, не в условиях богословской бедности и скудности логических определений, а при полном расцвете богословской мысли, сохраняющей свое преемство от первых апостольских дней бытия Церкви, при полном богатстве внутреннего содержания и его логического выражения, которое осталось нам от древней Церкви.

Свящ. Л. Кузьминов

К 1000-ЛЕТИЮ МОНАШЕСКОГО УСТРОЙСТВА СВЯТОЙ ГОРЫ АФОН

Великое историческое общеправославное торжество, посвященное тысячелетию монашеского устройства Святой Горы Афон, празднует ныне все Вселенское Православие, и в эти дни мысленным взором мы переносимся к своей общей святыне — Святой Афонской Горе, где во вселенской полноте торжественно отмечалось первое тысячелетие существования этого центра всеправославного монашества.

Православный мир горячо благодарит Господа Спасителя нашего за Его великую к нему милость, которая проявилась в даровании Православной Церкви такого Святого Места, — места подвигов и благочестия. Да будет благословенно имя Господне отныне и до века!

Святая Гора Афон, земной удел Пресвятой Богородицы, всегда была известна как общеправославная святыня, как православный центр, где осуществлялась идея христианского братства и равенства. Здесь, на этом святом месте, могли проживать православные любого государства и любой национальности и, отрешившись от мира со страстями его, совершать аскетические подвиги, предаваться богомыслию и горячо молиться о благостоянии всего Православия и всего мира.

На протяжении тысячелетия Афон служил духовным центром, объединяющим все православные народы. Слава о великих афонских подвижниках разносилась среди всех христиан, и верующие всех православных народностей устремлялись к этому месту подвигов и истинного благочестия, чтобы устраивать здесь свои монастыри и оставаться в них на постоянное жительство во имя спасения своих душ. Поэтому каждый православный народ считал Святую Гору своей святыней.

Но Афон был не только «Святой Горой», возбуждавшей святое настроение. Он был еще и священной Горой, хранившей великое наследие древней Византии — духовное и материальное. Духовное наследие заключалось по преимуществу в духе Православия, который здесь сохранялся в особой чистоте. Истинный дух христианской веры, единомыслие, взаимная любовь и благожелательство, — вот что было определяющим в жизни Святой Горы. И это самое ценное, что привлекало к ней во все времена всех верующих людей, которые, восхищаясь высокохристианским духом Афона, называли его «вторым раем», «небесным царством» на земле, «домом Божиим», «вратами небесными», горой Божией.

А материальное наследие Афона заключалось в наличии той культуры, которая бережно хранилась со времен древней Византии. Многообразие различных православных монастырей, величественные древние храмы византийской архитектуры, богатейшие архивы, хранившие документы не только византийских, но славянских и русских правителей, драгоценные памятники византийской и славянской письменности, — все это делало Афон важнейшим центром православной культуры.

Наконец, Святая Гора являлась защитницей Православия и православного богословия, за что была названа «Сионом истинной веры».

Не раз Афон становился и ареной богословских споров, причем каждый раз здесь отстаивалось православное мировоззрение. Достаточно вспомнить движение исихастов и спор о Фаворском свете, который происходил главным образом на Святой Горе и закончился полной победой православных в результате принятия всем православным миром учения Григория Паламы.

Естественно, что имя Святой Афонской Горы, как места земного жребия Пресвятой Богородицы, Которая была ее Вратарницей и Защитницей, всегда вызывало в сердцах русских верующих людей теплое, умиленное чувство, и русские ревнители благочестия с древнейших времен совершали сюда паломничества, часто навсегда поселяясь в этом Святом Месте.

Более чем 900-летнюю давность имеют русские иноческие поселения на Афоне. И за этот многовековой период Святая Гора служила для Русской Православной Церкви и русского народа местом святых подвигов и высокого благочестия, рассадником просвещения и книжности.

Но если Святая Гора имела большое значение для Русской Церкви в духовном отношении, то последняя, в свою очередь, оказала в прошлом огромную помощь Афону в части материальной поддержки и правовой защиты.

Появление русских на Афоне относится ко времени крещения Руси при св. князе Владимире. Одновременно с принятием русским народом христианства на Руси появилось и монашество, обязанное своей организацией и духом Святой Афонской Горе. Преподобный Антоний, основатель русского монашества, прежде создания Киево-Печерской Лавры — первого русского монастыря — дважды посетил Афон, где длительное время подвизался в иночестве. Он заимствовал у Афона организацию общежительной монашеской жизни, которую и ввел в основанной им киевской обители.

Пример преп. Антония и слава подвигов св. Афанасия и других афонских подвижников привлекали на Афон все новых и новых благочестивых русских людей, жаждущих иноческих подвигов, из которых многие уже никогда больше не возвращались на Родину.

В половине XI века на Афоне был уже сооружен первый русский монастырь во имя Пресвятой Богородицы «Ксилургу», которым русские иноки владели до 1169 года. К этому времени количество русских насельников Афона настолько увеличилось, что они обратились через своего игумена Лаврентия к проту Святой Горы и всему освященному собору с просьбой предоставить им одну из больших афонских обителей.

Просьба русских иноков была удовлетворена, и им была передана древняя обитель св. Пантелеимона, известная затем под именем Старого Русика. Одновременно во владении русских был оставлен и монастырь Ксилургу, но в качестве приписного. Это показывает, насколько в XII веке русское монашество на Афоне играло значительную роль среди насельников других национальностей.

С передачей русским древнейшей обители, «имевшей некогда первенство между второстепенными монастырями Святой Горы как по обширности, так и по блеску», началась славная история русской обители св. Пантелеимона и русские иноки явились не только полноправными членами «великой пустыни Святого Афона», но по количеству братии и по имущественной ценности обитель стала одной из крупных.

Сами насельники монастыря св. Пантелеимона не могли, естественно, содержать две обители, а потому они искали поддержки у своих

братьев на Руси. Как видно из актов того времени, русский монастырь в течение XI—XIII веков получал достаточную помощь с Родины.

Не подлежит сомнению и просветительное значение для Руси указанных монастырей. В их стенах произошла передача книжных сокровищ от болгар только что крещеной Руси. Многочисленные русские паломники вывозили отсюда на Родину переводы на славянский язык творений святых отцов и другие памятники византийской письменности.

Но с наступлением татарского ига на Руси связь у монастыря со своей родной землей почти прекращается. В течение двух веков монастырь св. Пантелеимона испытал многие бедствия и разорения и только поддержка со стороны братьев-сербов, которые неизменно оказывали помощь русской обители, спасла последнюю от окончательной гибели. Первый пример этой братской помощи показал великий сербский святой Савва, который явился щедрым покровителем русского монастыря. Восприняв в русской обители духовное, он щедро одарил ее всем необходимым для жизни.

С конца XV века возобновилась связь русских иноков со своей Родиной. В русских летописях под 1497 годом находится известие о том, что к великому князю Иоанну III Васильевичу явилась депутация с афонского русского монастыря «милостыни ради и великий князь милостынею изволил». После этого из великой Руси, из Москвы беспрерывно идет помощь русскому монастырю на Афоне.

В первой половине XVIII века в результате сложившихся обстоятельств монастырь св. Пантелеимона пришел в упадок и его насельники были вынуждены оставить разрушающуюся нагорную обитель и переселиться в небольшой прибрежный монастырек, который и лег в основу Нового Русика — красы Афонской Горы, ныне существующего русского Пантелеимоновского монастыря.

В начале XIX века по Адрианопольскому миру (1829 г.) русским разрешался беспрепятственный доступ на Святую Гору и свободное поступление в число братии монастырей. В связи с этим начался настолько большой приток русских иноков в афонские монастыри, что это потребовало расширения владений. В 1849 году был открыт большой русский скит св. Андрея, а в 1857 году знаменитый старец Паисий Величковский основал другой большой скит — св. Илии. Кроме того, было основано большое владение Кромица, много келлий и отшельничеств.

Русские обители достигли ко второй половине XIX века такого цветущего состояния, что Константинопольский Патриарх Анфим нашел возможным предоставить вышеуказанным монастырям права, которыми пользовались главные монастыри Святой Горы.

Православный русский народ и Русская Церковь в течение последних веков были опорой святогорского монашества. Только в течение XVI, XVII и XVIII веков большие афонские монастыри более 50 раз посылали своих делегатов за сбором пожертвований в Россию. Здесь их принимали с исключительной любовью, и они через несколько лет возвращались на Афон с большой милостыней.

В XIX веке связи Афона с Россией еще больше укрепились. Можно сказать, что Святая Гора в то время пользовалась крепким и щедрым покровительством православной России.

Русские ученые богословы имели свободный доступ к культурным ценностям Афона для исследовательских работ, что можно видеть на примере выдающихся русских ориенталистов — епископа Порфирия Успенского, проф. А. Дмитриевского и многих других.

В течение столетий между Афоном и Русской Православной Церковью существовали исключительно прочные церковные связи. Православные русские люди всегда смотрели на Афон и продолжают смот-

реть и ныне, как на святыню, как на духовную колыбель, где протекала жизнь и подвижническая деятельность их великих просветителей и родоначальников православного монашества. С Афоном связано представление как о таком месте, где древнее монашеское предание господствует над всей жизнью, где православное богослужение совершается в течение всего церковного года во всем его богатстве и красоте, где учение великих аскетов и мистиков Православной Церкви является живым духовным преданием и претворяется в жизнь.

Святая Гора со своими обителями, принадлежащими всем православным народам, была вековым и связующим звеном между всеми православными церквями.

Но нельзя скрывать, что в нашем столетии истинный дух Православия, которым на Святой Горе определялись в течение веков отношения между монастырями и иноками разных национальностей, стал подменяться мирским духом национализма, национальной вражды и нетерпимости. Некогда дружная семья подвижников, объединенных, несмотря на национальное различие, единой целью — спасти свои души от бурь житейского моря, стала разрушаться внутренней борьбой, преследующей нецерковные цели.

Эта внутренняя борьба привела к сильному упадку многих обителей и к крайнему уменьшению числа их насельников. В трудных условиях оказались русские обители Святой Горы, лишившиеся регулярно пополнения иночествующими и утратившие свою былую связь с Русской Православной Церковью, которая на протяжении веков была их покровительницей и защитницей.

Такое положение не могло не волновать Русскую Православную Церковь, которая после второй мировой войны неоднократно поднимала свой голос в защиту русских иноков Святой Горы. Так, на Совещании Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в Москве в 1948 году с исключительным единодушием была принята резолюция Комиссии по докладам о положении Святой Горы, призывающая Поместные Церкви соединить усилия в достижении действительного улучшения положения на Афоне иноков всех национальностей и восстановления издревле существовавших отношений Поместных Церквей со своими монастырскими образованиями на полуострове.

Связанная глубокими историческими корнями со Святой Горой Афон, Русская Православная Церковь печется о ней, как о величайшей всеправославной святыне, в целях ее дальнейшего процветания во славу Православной Христовой Церкви. Она выражает твердую уверенность, что святогорская проблема будет успешно разрешена в духе евангельской любви и в согласии с исторически сложившимися традиционными порядками.

Торжественно празднуя тысячелетний юбилей устроения монашеской жизни на Святой Горе, мы приносим чувства нашей благодарности Святейшему Константинопольскому Престолу, который на протяжении веков является духовным главой афонских обителей. Русская Православная Церковь не забывает той помощи, которую в прошлом оказывали Вселенские Патриархи в делах устроения русских обителей на Афоне. Тем более сейчас, когда постоянно укрепляется православное единство, она надеется, что Вселенский Престол употребит весь свой духовный авторитет, чтобы вернуть Святой Афонской Горе ее общеправославное значение, какое она имела на протяжении исполнившегося тысячелетия.

Да процветает Святая Гора Афон до скончания века и да блистает она подвигами своих иноков под покровом Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и святых афонских угодников Божиих!

Митрополит Никодим

СВЕТИЛЬНИК ВЕРЫ И ЛЮБВИ

(К 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ АФОНСКОГО СХИМОНАХА СИЛУАНА)

11(24) сентября 1938 года, во втором часу ночи, в больнице русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне тихо скончался схимонах Силуан (в мире Симеон Иванович Антонов), приехавший из России и вступивший в число монастырской братии в 1892 году. Не имевший священного сана, он в течение своего, почти полувекового, пребывания в монастыре нес различные послушания, которые проходили «на мельнице, в Каламарейском метохе (владение монастыря вне Афона), в Старом Нагорном Русике и в Экономии». Вот все, что говорят о жизни старца Силуана монастырские документы.

К этому можно добавить только краткое описание похорон почившего, состоявшихся в день его кончины. После приготовления тела к погребению оно было перенесено в главный храм монастыря, где монастырское духовенство совершило заупокойную литургию, а за ней — чин монашеского отпевания. Затем тело старца Силуана вынесли на кладбище и, зашитое в рясу, без гроба (по афонскому обычаю), опустили в могилу при пении заключительной литии и «вечной памяти», завершившей конец его земного пути.

Казалось бы, что больше и нечего сказать о жизни простого монаха, ушедшего из мира в тихую обитель ради личного спасения. Монастырские власти, конечно, ценили послушание старца Силуана, весьма полезное для хозяйства монастыря, и уже в этом послушании можно было бы видеть оправдание его монашеской жизни. Но смысл жизненного подвига старца заключался не в одном послушании. Все, кто знал его и соприкасался с ним, чувствовали необычайную любвеобильность его сердца, которая ясно свидетельствовала о глубине духовной жизни этого человека, о высоте его богопознания. Недаром один сербский епископ, неоднократно бывавший на Афоне и знавший старца Силуана, напечатал после его кончины некролог, в котором назвал почившего «человеком великой любви», «сладостной душой» и «богачом в любви к Богу и ближнему». Епископ пишет, что многие монахи со всех сторон Святой Горы прибегали к старцу Силуану за советом, но особенно любили его сербские монахи из «Хилendarя» (название сербского монастыря) и «Постницы святого Саввы» (Сербского), которые видели в нем своего отца духовного, возрождавшего их своею любовью. «И мне, — пишет епископ, — о. Силуан очень много духовно помог. Я чувствовал, как молитва его укрепляла меня. Всякий раз, когда бывал на Святом Афоне, я спешил с ним увидеться».

Другой епископ, знавший старца Силуана только по переписке с ним, написал игумену Пантелеимоновского монастыря Иустину по поводу кончины старца следующие строки: «...совершенно искренне скажу, что в последние годы я не ощущал ни от кого такой силы благодати, как от него, о. Силуана. Трудно рассказать словами, в чем была эта сила. Как про Христа Господа говорили при жизни Его на земле, что говорил Он со властью, а не якоже книжницы... так и из писем о. Силуана совершенно явно ощущалась мною, грешным, такая сила, какой я не испытывал ни от кого. Небесный Божественный дух... Убедительный без всяких доказательств... Точно голос «оттуда», от Бога... И лучше сказать не умею. И потому я храню его письма ко мне. И если бы я не знал ничего об его жизни, подвигах, молитве, послушании, то одного духа писем довольно для меня, грешного, чтобы считать его преподобным...»

Среди афонских друзей старца Силуана, общавшихся с ним в течение целого ряда лет, было два русских ученых иеромонаха. В 1952 году один из них в своей статье («Афон в духовной жизни Православ-

ной Церкви»), напечатанной в «Вестнике русского Западно-Европейского Патриаршего экзархата» (№ 12), написал: «Вся его (старца Силуана) жизнь отмечена печатью святости, выразившейся в его глубоком смирении и любви к людям. Это был, пожалуй, единственный человек из всех, кого я знал, который никогда не осуждал ближнего своего. У него, несомненно, была богатая внутренняя жизнь. Он обладал даром непрестанной умной молитвы. Крестьянин по происхождению, без всякого светского образования, он стяжал исключительную духовную мудрость. Все, кто имел возможность общаться с ним, скоро убеждались в этом. Он был одним из тех духовных отцов, которые способны сказать каждому именно то, в чем он нуждается. После его кончины остались его записи, в которых мы находим его духовные размышления и опыт. Язык его писаний иногда, быть может, неискусен, но, несмотря на это, они производят глубочайшее впечатление своею подлинностью и совершенно особым характером. Нередко они достигают высоты древних мистических творений святых отцов. От личного общения с ним многие испытали на себе его сильное и благотворное влияние, изменившее коренным образом всю их дальнейшую жизнь...» Так свидетельствует о святости жизни блаженного старца Силуана о. Василий, в то время иеромонах Пантелеимоновского монастыря на Афоне, а ныне архиепископ Брюссельский и Бельгийский.

Другой русский иеромонах, впоследствии архимандрит Софроний (Сахаров), бывший самым близким старцу Силуану человеком в течение последних девяти лет его жизни, по настоятельным просьбам почитателей старца и по долгу свидетельства о святости его жизни, написал о нем целую книгу, в которую вошли и оставленные старцем Силуаном записки. Эта книга, изданная в 1948 году, затем в 1952 году на русском языке и в 1959 году — на английском языке, является благоговейной попыткой «дать образ старца и описание пройденного им духовного пути, который хотя и лежит всецело в русле аскетического предания Православной Церкви, но, как подлинно живое явление, носит на себе печать своеобразия и неповторимости».

Архимандрит Софроний прекрасно выполнил эту задачу. Своей книгой он, во-первых, открыл христианскому миру новый светильник веры в лице старца Силуана и, во-вторых, дал описание его монашеского подвига. Это описание дает нам образ мужа огромной силы духа и отличается глубокими прозрениями в тайны духовной жизни. А записки старца Силуана представляют собой убедительное свидетельство о стяжании им Святого Духа и о Его действии на весь состав человека. У старца «мало слов, — пишет о. Софроний, — но это и есть, быть может, показатель истины его; у него мало слов, но они способны проникнуть в сердце и возродить душу человеческую; у него мало слов, но о нем можно говорить весьма много, если поставить себе задачу раскрыть их содержание и сделать доступными хотя бы интеллектуальному пониманию более широких кругов...»

Для нас такая задача, конечно, не по силам, ибо истолкование писаний старца Силуана требует соответствующего духовного опыта и дара истолкования. Поэтому мы ставим перед собой более скромную цель: пользуясь книгой о. Софрония, кратко пересказать житие старца и затем рассмотреть некоторые его мысли и свидетельства, поражающие своей истинностью и глубиной.

История жизни старца Силуана начинается с детского впечатления от беседы его верующего отца с зашедшим в их дом книгоношей, который, отрицая бытие Божие, сказал: «Где Он, Бог-то?» Услышав эти слова, четырехлетний мальчик подумал: «Когда вырасту большой, то по всей земле пойду искать Бога». И эта мысль глубоко запала в

его сердце, в котором таилась многие годы. Когда, через пятнадцать лет Семен услышал рассказ о святой жизни Иоанна Сезеновского, то вдруг понял, что ему незачем ходить по земле в поисках Бога, потому что Бог всегда и везде с нами.

Веруя в Бога, Семен стал много и горячо молиться и в ответ на свои молитвы ощутил в себе внутреннюю перемену вместе с влечением к монашеству. Однако через некоторое время «шум молодой жизни» снова захватил его и стал заглушать услышанный им зов Божий. Поведение Семена приняло недобрый уклон. Тогда Господь снова коснулся его души, на этот раз более впечатляющим способом. «Однажды, — пишет о. Софроний, — после нецеломудренно проведенного времени он задремал и в состоянии легкого сна увидел, что змея через рот проникла внутрь его. Он ощутил сильнейшее омерзение и проснулся. В это время он слышал слова: «Ты проглотил змею во сне, и тебе противно: так Мне нехорошо смотреть на то, что ты делаешь». Эти слова, полные нежного укора и заботы, потрясли душу Семена и пробудили в нем покаянное чувство. С этого момента он в корне изменил свою жизнь, свое отношение к окружающему миру и твердо решил уйти в монастырь после того, как закончит отбывание воинской повинности.

На военной службе Семен был примерным солдатом и добрым товарищем для сослуживцев. Но и в условиях солдатской жизни он всегда помнил о Боге и неизбежной ответственности перед Ним за свою жизнь. Когда по вечерам окружавшие его товарищи развлекались, Семен думал о том, что в это время на Афоне совершается всемогущее бдение, и все более утверждался в своем решении стать монахом. В стремлении к истинной, достойной человека, жизни он приобрел способность проникать в тайны человеческих отношений. Для него было ясно, что необходимым условием мира между людьми является сознание каждым человеком своей вины, и в этом смысле его поведение и советы оказывали на окружающих самое благотворное влияние.

По окончании срока военной службы Семен вернулся в деревню к родным, но пробыл у них лишь неделю и уехал на Афон. Там, как было сказано выше, он поступил в число послушников русского Пантелеимоновского монастыря и, движимый стремлением к истинному бытию, стал готовиться к принятию монашеских обетов. Через четыре года он был пострижен в мантию с именем Силуана, а спустя еще пятнадцать лет — в схиму. Больше никаких перемен в его положении не происходило в течение всех сорока шести лет монастырской жизни. Однако эта самая жизнь явилась труднейшим подвигом стяжания благодати Божией, иначе говоря, подвигом титанической борьбы со злом за «ту реальность, которая, — по мысли о. Софрония, — сама в себе несет неопровержимое свидетельство нашему духу о вечном бытии, подобно тому, как неопровержимо непосредственное свидетельство нашего сознания о факте нашего земного существования».

Вступая в монастырскую жизнь, Семен должен был прежде всего исповедать старцу-духовнику все свои грехи от самой юности. Но радость прощения, которую он пережил после исповеди, была скоро омрачена сильным наплывом греховных помыслов. Сознание силы греха, угрожавшего гибелью духовной даже в монастыре, так потрясло душу Семена, что он решил «неотступно молиться, доколе Бог не помилует его». И с этого же момента он уже ни разу не позволил себе **принять в сердце ни «единого блудного помысла».**

В то же самое время послушник Симеон, отличавшийся исполнительностью и кротким характером, стал пользоваться расположением и даже похвалами со стороны монастырского начальства и братии.

Ему, конечно, было приятно такое отношение окружающих, но, по законам духовной жизни, эта «приятность» не замедлила перейти в помысл тщеславия и превозношения. «Теперь ты святой», — твердил ему внутри какой-то голос, и от этого искушения его молитва утратила дух покаяния.

Позднее из писаний святых отцов и своего личного опыта он поймет, что похвала даже для достигших совершенства редко проходит без вреда, но в данный момент ему это не было известно. Заметив, однако, что с ним происходит нечто недолжное, брат Симеон стал усиленно молиться, и что же? Искушение святостью сменилось вдруг мыслью о невозможности спасения. Заметил Симеон и эту опасность, но отразить ее не умел, и в его душе началась мучительная «смена демонических внушений, то возносящих на «небо» гордости, то низвергающих, в вечную гибель... доводя до отчаяния, и он молился с чрезвычайным напряжением...»

В этой внутренней борьбе помыслов проходили месяцы, и душа Симеона изнемогала от приступов безнадежности. Когда его внутренняя сопротивляемость искушению окончательно ослабела, он подумал: «Бога умолить невозможно», и «душа его погрузилась во мрак адского томления и тоски».

Но Бог не допустил, чтобы молодой послушник долго переживал невыносимое состояние оставленности и беспомощности. В тот же день, находясь в храме, брат Симеон во время вечерни вдруг увидел на месте иконы Спасителя живого Христа. При этом невыразимое состояние радости и блаженства овладело всем существом послушника, он как бы заново родился и ясно почувствовал в себе действие благодати Святого Духа.

С этого момента вера Симеона необычайно углубилась. И сердцем и умом он постиг безграничное смирение Господа и Его любовь к Своему созданию и в то же время как-то особенно остро осудил себя за грехи, которые отлучают нас от Бога, ввергая в муку богооставленности. По этому поводу о. Софроний пишет: «Сущность греха — не в нарушении этической нормы, а в отступлении от вечной Божественной жизни, для которой сотворен человек... Совершается грех прежде всего в таинственной глубине человеческого духа, но последствия его поражают всего человека. Грех совершенный отразится на душевном и физическом состоянии человека; он отразится на внешности его; он отразится на судьбе самого творящего грех; он неизбежно выйдет за пределы его индивидуальной жизни и отяготит злом жизнь всего человечества, а следовательно, отразится на судьбе всего мира».

Вот почему послушник Симеон снова и снова просит Бога не только о прощении за совершенные грехи, но более всего о том, чтобы Бог дал ему силу не повторять их никогда. Он теперь особенно ясно видит, что всякий грех огорчает любящего и кроткого Господа, и самая мысль об этом представляется ему невыносимой. Он видит, что грехом своим человек отдаляется, отходит от Бога и потому страшно боится потерять благодать Богообщения. «Отступление от любви Божией и мира Христова для него было страшнее всего», — пишет о. Софроний, а в записках самого старца Силуана непрерывно звучит тема «скучания» о Господе: «Скучает душа моя о Боге и слезно ищет Его... Я всегда Тебя оскорблял и печаливал. Ты же, Господи, за малое обращение дал мне познать Твою великую любовь и безмерную благость... Память о Тебе греет душу мою, и ни в чем она не находит покоя на земле, кроме Тебя, и потому ищу Тебя слезно, и снова теряю, и снова желает ум мой насладиться Тобою...»

Явление Христа брату Симеону произвело в душе его глубокие изменения. Он почувствовал радость прощения и «великий покой примирения с Богом». Его сердце исполнилось любви к Богу и людям. Вся жизнь стала представляться ему прекрасной и была полна молитвой и славословиями. Он переживал то состояние, в каком находились апостолы Христовы после Пятидесятницы.

Но с течением времени действие благодати в душе Симеона стало постепенно ослабевать, и он почувствовал приступы новых смущений и тоски. Сохраняя память о своем благодатном состоянии, послушник недоумевал: почему оно оставляет его, несмотря на то, что он и молится по-прежнему, и постится, и заповеди Божии хранит?

В поисках ответа на этот вопрос его душа продолжала бороться с новыми искушениями, стремясь «удержать Неудержимого, — как пишет о. Софроний, — но свет если и возвращается, то не надолго и не как прежде, и затем снова оставляет...» Очевидно, сердце Симеона еще не было свободно от страстей, и для стяжания благодати ему надлежало освободиться от них, потому что только при этом условии ум человека ограждается от помыслов, становится чистым.

Пятнадцать лет продолжалась борьба с дурными внушениями и помыслами в душе брата Симеона, уже ставшего монахом Силуаном, и все это долгое время благодать то приходила к нему, то отступала от него, сменяясь состоянием тоски и богооставленности. Наконец, в момент одного тяжелого искушения сознание монаха Силуана вдруг озарилось откровением, что те искушения и помыслы, которые мешают ему молиться чистым умом, происходят от гордости. Тогда Силуан сказал: «Господи, научи меня, что должен я делать, чтобы смирилась душа моя!» И услышал в сердце ответ от Бога: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся».

Это странное на первый взгляд указание явилось для брата Силуана действенным руководством на пути к чистой, ничем не смущаемой, молитве, когда между человеком и Богом не возникает никаких средостений. Но так как греховные помыслы постоянно вторгались в молитвы о. Силуана, то для отражения их ему надлежало «держатъ ум свой во аде», то есть постоянно помнить об адских мучениях, как неизбежном следствии своих грехов, «не отчаиваясь», однако, то есть не теряя надежды на безграничное милосердие Божие, поскольку «без этого упования смирение и самоосуждение может привести к состоянию безнадёжности и отчаяния».

И монах Силуан твердо пошел по пути, указанному Богом. «Отныне душе его открылось, — пишет о. Софроний, — не отвлеченно-интеллектуально, а бытийно, что корень всех грехов, семя смерти есть гордость, что Бог есть Смирение, и потому желающий стяжать Бога должен стяжать смирение. Он познал, что то несказанно сладкое великое смирение Христово, которое ему было дано пережить во время явления, есть неотъемлемое свойство Божественной любви, Божественного бытия. Отныне он воистину познал, что весь подвиг должен быть направлен на стяжание смирения».

О том, что «смирение есть неотъемлемое свойство Божественной любви», неопровержимо свидетельствует факт нисхождения в мир этой любви, в Лице Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, Который, ради спасения людей, «смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Филипп. 2, 8). Следовательно, любовь Христова есть не только ни с чем несравнимое блаженство, но и наибольшее из всех страданий, запечатленное Голгофским крестом. Добровольно жертвуя Собою за грехи людей, она включила каждого человека в Божественное бытие. И когда о. Силуан, «сходя умом в сердце свое», увидел, «что бытие всего человечества не есть для него нечто чуждое, постороннее, но неотделимо связано с его личным бытием», то стал

напряженно молиться за людей, не ведающих Бога, за умерших, томящихся во аде, за живых и грядущих, за весь мир.

«О, немощный мой дух! Он тухнет, как малая свеча от слабого ветра; а дух святых горел жарко, как терновый куст, и не боялся ветра», — пишет в своих записках старец Силуан. «Кто даст мне жар такой, чтобы не знал я покоя ни день, ни ночь от любви Божией? Горяча любовь Божия. Ради нее святые терпели все скорби и достигали силы чудотворения. Они исцеляли больных, воскрешали мертвых, они ходили по водам, подымались во время молитвы на воздух; молитвою низводили дождь с неба, а я хотел бы научиться только смирению и любви Христовой, чтобы никого не обидеть, но молиться за всех, как за самого себя».

«Многие годы жизнь старца Силуана была молитвою за мир, — пишет о. Софроний, — и неведомым для нас образом благодать Божия извещала его, что, доколе в мире есть такая любовь и молитва, мир будет храним Богом...» И в этом извещении старец Силуан почерпал новые силы для продолжения молитвенного подвига. «Монах — это молитвенник за весь мир; он плачет за весь мир, и в этом его главное дело», — читаем мы в записках старца, который хотя и оставил мирскую жизнь, но в своем монастырском уединении продолжал жить страданиями мира, непрестанно пламенея к Богу молитвой о том, чтобы все люди спаслись.

На первый взгляд эта молитва старца Силуана за мир может показаться противоречащей его уходу из мира и вызвать вопрос: зачем нужно покидать мир, если хочешь избавления его от страданий? Но в действительности здесь нет никакого противоречия. Старец Силуан, подобно многим христианским подвижникам-аскетам, удалился только от суеты и греховности мира, от искажения природы в низших страстях, противодействующих духу, удалился для того, чтобы подвигом борьбы с этими страстями в самом себе послужить обновлению и преобразению мира в духе того всеединства, в каком создал его Бог. И своим подвигом послушания и смирения старец Силуан стяжал такую любовь к людям и к миру, как творению Божью, что в своей скорби о грехах людей, этом источнике всеобщих страданий, уже не хотел спастись один, а только со всеми вместе.

И для верующего разума это понятно. Божественная сила любви Христовой созидает и содержит мир. Она, по выражению о. Софрония, «как дар Духа Святаго, Единого, действующего во всех, онтологически связывает воедино; любовь усваивает жизнь любимого. Любящий Бога включается в жизнь Божества; любящий брата включает в свое ипостасное бытие жизнь брата; любящий весь мир духом объемлет весь мир...» Поэтому милующее, сострадающее, любящее сердце старца Силуана вместе с такими же сердцами многих других, часто неведомых миру, молитвенников мы должны рассматривать как залог восстановления добра в мире, как залог его спасения. И верно свидетельствует о. Софроний, что в лице старца Силуана «Промысл Божий дал миру новый пример и новое свидетельство о безмерности любви Божией, чтобы через него, Силуана, воспрянули люди, парализованные отчаянием...», ибо своим победоносным усилием приблизиться к указанной Христом цели нашего бытия он своей нравственной чистотой и святостью вселяет в нас надежду на преодоление зла уже здесь, на земле, ради вечной жизни в Боге.

Житие старца Силуана и особенно его записки свидетельствуют, что в своем духовном восхождении он достиг той лучезарной высоты, с которой ясно увидел не только страдания мира, но и причину их — грех, отлучающий людей от Бога. Поэтому каждое свидетельство стар-

ца «чрезвычайно действенно, как слово, исходящее из глубокого опыта бытия, как слово подлинного носителя Духа Жизни». Духовный опыт старца Силуана, раскрытый отчасти в его житии, отчасти в его записках, поражает нас глубокими откровениями и напоминаниями, неожиданность которых только подтверждает их своевременность. Самым главным из них является напоминание о необходимости для каждого христианина стяжания Святого Духа, как цели христианской жизни. На каждой странице своих записок он говорит о Духе Святом и Его действии на человека: «Душа моя познала Господа Духом Святым»; «Христово смирение познается Духом Святым»; «Церкви Духом Святым дано разуместь тайны Божии»; «Любовь Божия познается Духом Святым»; словом, все, что совершается в человеке и человеком истинно доброго, мудрого, прекрасного, святого, совершается Духом Святым — такова главная мысль записок старца.

Постигая в меру сознания своей немощи эту мысль, можно понять, хотя бы отчасти, почему старец Силуан так боится потерять благодать Божию. «Без благодати человек — грешная земля, а с благодатью Божией человек по уму подобен ангелам», — пишет он в своих записках, свидетельствуя о том, что, предоставленные самим себе, мы не имеем полноты бытия, то есть постоянно оскудеваем духом и страждем рабством греху, лишаясь блаженства, мудрости, мира. Поэтому когда восполняющая нашу скудость благодать оставляет старца, он беспрестанно жаждет ее возвращения: «О, как душа умоляет тогда Господа, чтобы снова дал Свою благодать!» — восклицает старец Силуан и снова молится: «Боже милостивый, Ты видишь, как печальна душа моя и как скучаю я по Тебе!»

Когда же, после усиленных трудов по очищению сердца от помыслов, благодать Святого Духа снова возвращается, старец Силуан от безмерного блаженства и радости молится уже о том, чтобы Господь дал всем людям земли познать Свою любовь и сладость Духа Святого, «да разумеем славу Твою и будем жить на земле в мире и любви, да не будет ни злобы, ни войн, ни врагов, но одна любовь да царствует», напоминая нам этой молитвой о том, что только в любви Божией, усвояемой нам Духом Святым, заключается полнота нашего бытия, или та вечная жизнь, о которой в Евангелии сказано: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Иоан. 17, 3).

Таким образом, вечная жизнь есть не что иное, как Богопознание, но не теоретическое познание, бессильное проникнуть в сущность предмета, а познание опытное, состоящее в переживании присутствия Божия. Приобщая человека к Божественной жизни, такое познание Бога является сущностью вечного блаженства и ведет человека к Богоуподоблению. Об этом старец Силуан говорит в своих записках: «Так возлюбил Господь человека, что дал ему Духа Святого, и в Духе Святом человек стал подобен Богу».

Напоминая о необходимости стяжания благодати Святого Духа, старец Силуан указывает и путь, каким достигается эта цель христианской жизни. В тех же записках он пишет в назидание верным: «Вот самый короткий и легкий путь ко спасению: будь послушен, воздержан, не осуждай и храни ум и сердце от плохих помыслов, а помышляй, что все люди добрые и их любит Господь. За эти смиренные мысли благодать Святого Духа будет жить в тебе, и ты скажешь: «Милостив Господь». Если же ты осуждаешь, ропотлив, любишь творить волю свою, то хотя бы ты и много молился, душа твоя оскудеет и ты скажешь: «Забыл меня Господь». Но не Господь тебя забыл, а ты забыл, что тебе нужно смиряться, и потому благодать Божия не живет в душе твоей; в смиренную же душу она легко входит и дает ей мир и покой в Боге. Божия Матерь была смиренна более всех и потому прослав-

ляется и небом и землею; и всякий, кто смиряется, будет прославлен Богом и будет видеть славу Господню».

Глубиной и силой достоверности поражают нас размышления старца Силуана о любви к Богу и ближнему. Облагодатствованный Духом Святым, он познал, как благ Господь к Своему творению, и от великой любви, поселившейся в его сердце, стал молитвенником за весь мир. «Кто любит Бога Духом Святым, тот любит и все творение Божие и, прежде всего, человека», — пишет старец, свидетельствуя, что в этой любви христианин уподобляется Самому Господу Иисусу Христу. А любовь Христова безмерна: она удерживает апостолов Иакова и Иоанна от намерения низвести огонь с неба на самарян, отвергнувших Господа (Лк. 9, 54—56), и Она же, будучи распята на кресте, молится о прощении распинающих. «Так и мы милостиво должны поступать с теми, кто заблуждается, и тогда спасемся милосердием Божиим», — пишет старец Силуан. И далее утверждает: «Блаженна душа, любящая брата своего, ибо брат наш есть наша жизнь». Но если «кто говорит, что любит Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец, и нет в нем истины».

Эту высшую степень любви к ближнему, которой достиг Духом Святым старец Силуан, о. Софроний называет «полнотой человечности и совершенством богоподобия», и не подлежит сомнению вывод, вытекающий из писаний старца, что в оценке истинности пути, по которому идут в жизни христиане и христианские церкви, не может быть более надежного критерия, чем такая любовь. Она «есть единственный достоверный критерий истины», потому что «дает возможность безошибочно обнаружить» как в догматическом, так и в нравственном строе личной и церковной жизни «наличие воли, чуждой Богу, Который хочет, чтобы все спаслось» (1 Тим. 2, 1—6). Если, например, с этим критерием подойти к методам церковной борьбы с заблуждениями и ересями в период средневековья, будь то на Западе или на Востоке, то нельзя объяснить их иначе, как оскудением и даже полным отсутствием любви Христовой у тех, кто в защите истины пользовался принуждением и физическим насилием. То же самое можно сказать о разделениях между христианами: они возникали в результате слишком узкого понимания заповеди о любви к ближним, порожденного противлением воле Божией о спасении всех людей.

Прилагая таким образом критерий любви Христовой к жизни христиан и христианских обществ, можно легко убедиться в соответствии или несоответствии этой жизни требованиям евангельского учения. Тот же критерий дает возможность обнаруживать в учениях различных христианских исповеданий те чуждые духу Христову примеси и искажения, которые являются причиной отделения их от Церкви. И, наконец, только наличие любви Христовой в христианском обществе может служить признаком его истинной церковности.

Сам старец Силуан, удостоенный Духом Святым дара великой любви ко всем людям, верующим и неверующим, любящим и ненавидящим нас, весьма чутко воспринимал способность христиан любить Христа и, следовательно, иметь любовь Христову к каждому человеку. И если в ком-либо не находил такой любви, то стремился расположить к ней. Так, одному монаху-пустыннику, который с удовлетворением говорил о том, что все грешники будут гореть в вечном огне, старец Силуан с видимым душевным волнением сказал: «Ну скажи мне, пожалуйста, если посадят тебя в рай и ты будешь оттуда видеть, как кто-то горит в адском огне, будешь ли ты покоен?» «А что поделаешь, сами виноваты», — говорит тот. Тогда старец со скорбным лицом ответил: «Любовь не может этого понести... Нужно молиться за всех», выразив этим ответом непоколебимую уверенность в безмерности милосердия Божия,

в сравнении с которым «требование Божественного Правосудия, по воззрениям святых отцов, не выдерживает равновесия подобно тому, как песчинка не выдерживает равновесия с большим весом золота».

В другом случае старец Силуан дал одному архимандриту-миссионеру урок об отношении к инославным христианам. На вопрос старца, как он проповедует, архимандрит возбужденно отвечал: «Я им говорю: ваша вера — блуд; у вас все извращено, все неверно, и нет вам спасения, если не покаетесь». Старец выслушал это и спросил: «А скажите, о. архимандрит, веруют ли они в Господа Иисуса Христа, что Он истинный Бог?» — «Это-то они веруют». — «А Божию мать чтут они?» — «Чтут, но они неправильно учат о Ней». — «И святых почитают?» — «Да, почитают, но с тех пор, как они отпали от Церкви, какие же могут быть у них святые?» — «Совершают ли они богослужения в храмах, читают ли слово Божие?» — «Да, есть у них и церкви и службы, но посмотрели бы вы, что это за службы после наших, какой холод и бездушие!» Тогда старец Силуан сказал: «Так вот, о. архимандрит, душа их знает, что они хорошо делают, что веруют во Иисуса Христа, что чтут Божию Матерь и святых, что призывают их в молитвах, так что когда вы говорите им, что их вера — блуд, то они вас не послушают... Но вот, если вы будете говорить, что они хорошо делают, веруя в Бога; хорошо делают, почитая Божию Матерь и святых; хорошо делают, что ходят в церковь на богослужения и дома молятся, что читают слово Божие и прочее, но в том-то у них есть ошибка, и что ее надо исправить и тогда все будет хорошо; и Господь будет радоваться о них; и так все мы спасемся милостию Божией... Бог есть любовь, а потому и проповедь всегда должна исходить от любви; тогда будет польза и тому, кто проповедует, и тому, кто слушает...»

Так кратко и неопровержимо обличил старец Силуан нетерпимость православного миссионера к инославию, обличил своим истинно христианским отношением к нему. В его ответах архимандриту можно почерпнуть весьма важный урок и для участников современного экуменического движения. Этот урок состоит в том, что в поисках христианского единства необходимо руководствоваться прежде всего и главным образом критерием любви Христовой, живущей в истинной Церкви.

Как бы прозревая в сущность современных экуменических исканий, о которых старец Силуан вряд ли был осведомлен, он пишет: «Некоторые спорят о вере, и конца нет этим спорам, а ведь спорить не надо, а только молиться Богу и Божией Матери, и Господь без спора просветит и скоро просветит», — повторяет старец, зная по собственному опыту, что просвещенные Духом Святым христиане усовершенствуются и в любви Христовой, и лишь тогда эта любовь объединит их в Церкви во исполнение слов Спасителя: «Когда Я буду вознесен от земли (т. е. распят на кресте), то всех привлеку к Себе» (Иоан. 12, 32).

Эту статью, посвященную 25-летию со дня кончины старца Силуана, нам хочется закончить его собственными словами, призывающими к познанию любви Христовой, которую он сам стяжал Духом Святым.

«О, люди, творение Божие, познайте Творца! Он любит нас. Познайте любовь Христову и живите в мире, и обрадуйте этим Господа! Он милостиво ждет к Себе всех. Обратитесь к Нему, все народы земли, и вознесите молитвы свои к Богу! И молитва всей земли пойдет к Небу, как прекрасное тихое облако, освещенное солнцем, и тогда возрадуются все небеса, и воспоют песнь величания Господу за Его страдания, которыми Он нас спас».

А. Ведерников

ПРАВОСЛАВНЫЙ СИМВОЛ ВЕРЫ

(ИСТОРИЯ И ЗНАЧЕНИЕ)

Эпоха Вселенских Соборов представляет собой одну из ярких страниц в жизни христианской Церкви. Именно в этот период выкристаллизовались те формулы христианского вероучения, которые оказались настолько совершенными, что остались без изменения на всем протяжении бытия Христианской Церкви. В них в кратких, четких выражениях изложены вечные истины христианского учения. В частности, на Первом и Втором Вселенских Соборах был окончательно сформулирован христианский Символ веры в том виде, в каком мы знаем его и на нынешний день. Нам известно, что с самых ранних времен в апостольских церквях — Римской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Кипрской, Кесарийской уже существовали символы веры, мало отличавшиеся друг от друга.

Мы не знаем, как возникли эти первые символы: сложились ли они, так сказать, стихийно в апостольской среде или же были какие-то авторы этих символов, сумевшие изложить в кратких словах апостольскую веру? Сейчас важен лишь тот факт, что символы эти существовали в Церкви уже с древнейших времен и, немного различаясь в выражениях, были едины по своему духу.

Символы эти создавались не сразу. Юная Христианская Церковь представляла собой прежде всего общину людей, увидевших свет и познавших радость жизни во Христе. Это радостное чувство было самодовлеющим и не исходило из каких-либо формул, а само создавало их. Однако естественно, что христианская религия, как и всякое новое движение, должна была создать и определенные твердые формулы, в которых бы языком разума излагалось содержание ее веры.

Древние символы веры были несовершенны или по неполноте своей или потому, что не совпадали в выражениях. Эта недостаточность открывала двери субъективизму, давала возможность строить ложные системы в зависимости от индивидуальных воззрений. Естественно, что с распространением христианства и централизацией церковного управления нужно было создать твердую систему богословских формул, авторизированную Церковью, создать такой символ, который с предельной ясностью выражал бы основные христианские истины.

*

* *

Церковь всегда жила верой во Христа, как Господа и Спасителя, жила верой в Его учение. Эта вера во всей своей непосредственности дошла неизменной и до наших дней. Наша вера сейчас ничем не отличается от веры первых христиан.

Евангельское учение — это прежде всего учение о жизни, — о жизни в Боге и о жизни человека среди других людей. Это евангельское учение о жизни ясно не только мудрецам, но и младенцам. Никакие трудные метафизические вопросы не стоят преградой перед человеком на пути к Богу. И несомненно, что среди массы простых христиан всегда было и есть много таких, которые не сумели бы философским языком изложить, напр., учение о соотношении двух природ в Едином Христе, хотя с самых древних времен всем было известно, что христиане воздают Христу хвалу как Богу (письмо Плиния Траяну).

Апостол Иоанн писал, что учение о Христе Спасителе — это учение «о том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, — ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам... наше обще-

ние с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом... Христос есть умило-
стивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего
мира» (1 Иоан, 1, 3; 2, 2).

Все эти выражения, данные в контексте живой речи, были всегда по-
няты всем верующим во Христа.

Однако если человеку-христианину в простоте сердца достаточно
мыслить о Христе как о Боге, то при всяком чисто теоретическом изло-
жении христианского учения необходимо знать основные богословские
истины.

В Евангелии мы находим ряд речений Господа Иисуса Христа о
Боге Отце и о Нем Самом, как Сыне Божиим, о сущности совершенного
Им дела спасения и о Его грядущем славном пришествии. Из Еван-
гелия мы знаем обетования Господа о Духе Святом, а из книги Деяний
Апостольских — о том, как совершилось сошествие Святого Духа в
огненных языках. Евангельские повествования сохранили нам слова
Господа о Его Церкви, Его заповеди о крещении и Его провозвестие о
воскресении мертвых и жизни будущего века.

Сущность веры должна была облечься в точные формулы, сама по
себе оставаясь неизменной подобно тому, как то или иное вещество,
слагаясь в красивые кристаллы, остается неизменным по своей при-
роде.

*
* *
*

Вера сама по себе есть внутренний психологический акт, а не фор-
мула. Вера — это осуществление ожидаемого и уверенность в невиди-
мом (Евр. 11, 1). Иными словами, вера — это прозрение в грядущие
тайны, прозрение в невидимую сущность бытия.

Вера христианская прежде всего есть переживание. Аргументация
веры есть нечто внешнее, от чего сама вера не зависит. В повседневной
жизни не каждый человек сумеет философски аргументировать свое
мировоззрение, хотя бы и очень твердое. Однако в жизни целого
общества единообразная аргументация необходима. Вот почему
Церковь не могла, в особенности в ту бурную для мысли эпоху, оста-
вить людей без твердого и унифицированного символа веры, санкциони-
рованного соборным сознанием всей Церкви.

В каждом человеке живет потребность разумно изложить свое ми-
ровоззрение. Естественно, что и у каждого христианина есть потреб-
ность разумно изложить свою веру, сказать себе самому и другому,
в чем заключается сущность его веры. «Будьте готовы, — учил
ап. Петр, — всякому требующему у вас отчета о вашем уповании, дать
ответ с кротостию и благоговением» (1 Петр. 3, 15).

Но как выразить веру в категориях разума? Как содержание веры
уложить в формы философских понятий? Человеческая мысль имеет
свои законы. На что бы ни была она направлена, она должна обла-
дать своими неотъемлемыми свойствами — определенностью, последо-
вательностью, непротиворечивостью, четкостью, ясностью. Мысль чело-
веческая, будучи направлена на любой объект, как бы оглядывает его
со всех сторон, и первое, к чему она стремится, — это понять сущность
объекта и установить его пределы, определить его.

Перед отцами Церкви с первых же времен стояла задача определить
содержание христианской веры, определить самый объект этой веры,
дать ответ, как христианское сознание представляет себе Бога в Самом
Себе и в Его отношении к миру. Нужно было в простых человеческих
словах, но вместе с тем в категориях разума, дать ответ, как христиане
веруют во Единого Бога, как веруют во Христа, как представляют себе
Лицо Сына Божия. Нужно было сказать, для чего Сын Божий

пришел в мир и в чем состояла сущность совершенного Им спасения и для чего придет Он снова. Надо было дать ответ о вере Церкви в Духа Святого, Животворящего, о сущности и природе самой Церкви и об упованиях христиан на жизнь в грядущие времена.

Трудность заключалась главным образом в том, что предстояло давать определения в области, относящейся к Богу, Который беспределен по Своей сущности.

Нужно было дать формулу, которая излагала бы христианское учение о Боге Отце и о Логосе, как о Божественной Премудрости, творящей мир, учение о Сыне Божиим, воплотившемся в Сыне Человеческом. Если просвещенное язычество начиная с Гераклита выдвинуло своеобразное учение о Логосе, то христианские мыслители должны были выразить также в философских категориях апостольское учение о Христе — извечном Логосе, про Которого евангелист Иоанн писал, что «все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Иоан. 1, 3), о Логосе, извечно сущем в Лоне Отчем и во времени воплотившемся для спасения людей: «Христос есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари, — писал ап. Павел. — Он есть прежде всего и все Им стоит» (Колос. 1, 15, 17). Он есть сияние славы Божией и образ ипостаси Его (Евр. 1, 3).

Неудивительно, что процесс становления богословской мысли был труден. Свет евангельского учения ярко сиял для всех верующих во Христа, простые люди питались животельною силою Божественного света, в то время как пред отцами Церкви стояла трудная задача — изъяснить природу этого Света.

Здесь прежде всего мы должны отметить работу христианских философов-апологетов первых веков — Иустина, Тациана и других. Апологеты много писали о Божественном Логосе, но не ставили себе задачу создать твердые формулы, которые могли бы сохраниться навсегда. Они были прежде всего апологеты, т. е. защитники христианской веры перед римскими властями и воинствующим язычеством. Их слово было направлено главным образом к людям, стоящим вне ограды Церкви. Апологеты брали учение о Святой Троице не во всем его объеме, а лишь в той части, где христианское учение о Сыне Божиим соприкасалось с языческим философским учением о Логосе.

Сделав идею Логоса центральным пунктом христианского богословия апологеты первые стали на тот путь, по которому пошло дальнейшее развитие богословской мысли в области выявления учения о Св. Троице, и это облегчило задачу отцов Церкви последующих веков.

Наряду с апологетами в первые три века был ряд писателей, хотя считавших себя христианами, но ложно мысливших о тайнах веры и не сумевших правильно сформулировать церковное учение. Появились ложные богословские системы, чуждые евангельскому учению.

Нужно сказать, что построить правильную богословскую систему никогда не удавалось тем, кто, пренебрегая общецерковным преданием, впадал или в бездоказательную фантастику или же, наоборот, в плоский рационализм. Некоторые, не изжившие в себе склонность к языческой мифологии и получившие название гностиков (от греческого «гносис» — знание), строили всякие путанные и сбивчивые теории о природе Божества, сейчас кажущиеся нам порождением необузданной фантазии. С другой стороны, рационалисты, на которых сказывалось влияние эллинских софистов, пытались уложить учение о Божестве в рамки плоского рационализма, в рамки обычной формальной логики.

И фантастика и примитивная логика одинаково не были пригодны там, где речь шла о Боге и Его отношении к душе человека, находящейся всегда в процессе становления. Если у гностиков их фантастические концепции отличались необычайной сложностью, то у

рационалистов все сводилось к примитивизму. У них получалось, что или Сам Бог Отец принимает Лицо Христа (монархиане-модалисты) или же, что Христос есть просто человек, в Котором лишь действует Божественная сила (монархиане-динамисты).

Первым церковным писателем, у которого мы находим систематическое учение о Святой Троице, был св. Ириней Лионский (умер в 202 году). В учении св. Ириней отразилась истинная вера христиан, однако он не дал исчерпывающей формулировки, и в его творениях еще не раскрыто с полной четкостью соотношение между собою Божественных Лиц.

*
* *

Вселенские Соборы, на которых был сформулирован Символ веры — Никейский 325 года и Константинопольский 381 года, можно смело назвать Соборами торжества христианской мысли над языческой.

Эпоха, в которую происходили эти Соборы, наложила известный отпечаток на текст символов.

Если до этого времени философские проблемы мало затрагивались в жизни христиан, в основном людей простых и некнижных, и еретические мудрствования гностиков и монархиан фактически никак не сказывались на жизни Церкви и оставались вне ее, а богословские теории Оригена или Тертуллиана не шли далее узкого круга лиц из числа высокообразованных христиан, то теперь, когда после Миланского эдикта 312 года и явного покровительства Христианской Церкви со стороны императора Константина ряды христиан сразу пополнились людьми широко образованными, но еще недавно ничего не знавшими об учении Христа, рассуждения о Едином Боге и Его Божественном Логосе стали злободневными. В Церковь хлынули толпы язычников, еще вчера поклонявшихся многим богам или мысливших о Боге лишь по Платону и Аристотелю, и им трудно было уяснить, как христиане, веря в Единого Бога, различают в Нем Отца и Сына и Духа Святого. Не есть ли это учение о трех богах?

Пред христианскую Церковь, таким образом, встала неотложная задача — явить миру формулу своей веры в Бога. Нужно было дать в учении о Боге формулу ясную, краткую, четкую, понятную одинаково и для философов и для простолюдинов. В этой формуле не должно было оставаться места ни для каких туманных рассуждений, ни для каких слов или понятий, допускающих кривотолки. Никакой фантастики и никакого плоского рационализма! Вместе с тем формула должна была быть всеохватывающей так, чтобы из этих кратких, но четких слов можно было потом, без риска заблуждения, выводить стройные богословские системы.

*
* *

Язычество даже в лице лучших своих представителей — философов — лишь частично постигало истину.

Если говорить о каком-то приближении язычества к христианству, то это надо искать только в языческих философских школах, главным образом у стоиков и неоплатоников.

Стоическая философия стремилась преодолеть народный политеизм. Стоики учили о едином Боге и Логосе, зиждущем мир. Это учение о Логосе входило в их «физику», вернее, в метафизику. И здесь мы наблюдаем своеобразный диалог между стоиками и христианскими апологетами. Еще Иустин мученик и Тертуллиан указывали на близость

стоицизма к христианству и говорили, что Христос есть воплощенный Логос, о котором учили стоики, и что лучшие из философов были поэтому христианами до Христа.

Однако между богословской концепцией стоиков и богословской концепцией христианских апологетов лежала пропасть. Стремясь преодолеть грубый антропоморфический политеизм, стоики не могли высказаться дальше рационалистического пантеистического монизма. Но от этого еще далеко было до христианского монотеизма. Их «физика» не вмещала в себя идею личного Бога Отца, о Котором проповедовал Христос, а этика оставалась пессимистической и не могла совпадать с христианской жизнерадостностью.

Стоическая философия всегда оставалась философией и не перерождалась в религию. Христианство же — это прежде всего жизнь в Боге, религия, подлежащая затем философскому осознанию.

Другая ветвь языческой философии — неоплатонизм, приобретший довольно стройную систему в произведениях Плотина (204—270), Порфирия (233—304) и других философов, представлял собой попытку построения языческого богословия, в некоторых чертах сближающегося с христианским.

Неоплатонизм подобно стоицизму обладал частью истины. В известной мере его учение приближалось к христианскому. Но к Божеству, по Плотину, неприменимы никакие психические признаки, и оно не может быть выражено ни в каких логических понятиях. «Единое», как называл Божество Плотин, выше того, что можно назвать личностью. «Единое» у Плотина остается чем-то стихийным, неопределенным и неизреченным. По христианским же понятиям Бог, будучи неопределим и неизречен, вместе с тем мыслится как личность в самом глубоком смысле этого слова. Бог христианский — это Бог живой, имя Которому Любовь.

Неоплатонический термин «Единое» не мог дать истинного понятия о Боге. По сравнению с христианскими понятиями о Боге неоплатоническое понятие является слабым и неопределенным. Достаточно сравнить христианский Символ веры с творениями Плотина, чтобы стало ясно, насколько христианское определение, дающееся в первом члене Символа веры, полнее неоплатонического: «Веруем во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца...» Вместо неопределенного термина «Единое» здесь, как и во всех древних христианских символах, говорится о Едином Боге. Тем самым Бог — логическое подлежащее, и Единый — логическое сказуемое. Природа Единого Бога раскрывается прежде всего как Отца, затем дается статическое определение — Вседержитель и динамическое — Творец.

По Плотину, «Единое» производит из себя «Ум» (Нус), как свое созерцание. «Ум» порождает «Душу». Вся эта, если можно так выразиться, структура идет по ниспадающей линии. «Ум» неравночестен «Единому».

Идея богочеловечества была чужда для скептически настроенных мудрецов. Бог воплощается в человеке, страждет. Не будет ли это казаться «безумием» для эллинского философа? Бог воскресает и дает людям возможность воскресения. Не будет ли это чем-то явно недопустимым, о чем члены Афинского ареопага могут поговорить лишь в следующий раз? (Деян. 17, 32).

Людам, принявшим крещение, но воспитанным в традициях стоической философии, трудно было усвоить идею боговоплощения, а в представлении вчерашних неоплатоников евангельский Логос, о котором писал Иоанн, связывался с неоплатоническим «Умом». В силу влияния этих двух языческих течений в христианской Церкви возникло так называемое «арианство» — учение о том, что Сын Божий — Спаситель мира был не истинный Бог, а некое посредствующее творение, которое

могло, однако, в силу своего превосходства называться Богом. По арианским представлениям, Сын Божий — Божественный Логос — не равночестен Отцу и не совечен Ему, а сотворен Отцом во времени, как первое и лучшее Его творение.

На первый взгляд могло показаться, что учение ариан касалось только метафизических проблем и не затрагивало моральных норм, данных в Евангелии, и не вносило в жизнь Церкви никаких новшеств в части учения о достижении святости и совершенства.

На деле арианская философия не только была ложна в своей метафизической основе, но не соответствовала всему духу Евангелия.

Вся сущность спасения человеческой души, писал Афанасий Великий, в том, что в ней происходит «обожение». Сын Божий, воплотившись в человеческой природе, обожествил ее. Бог становится человеком, чтобы человек стал богом. Сын Божий соделался Сыном Человеческим, чтобы сыны человеческие соделались сынами Божиими. Облекшись в плоть, подобную нашей, Христос соделал нас храмом живущего в нас Духа Святого. В лице Иисуса Христа Бог соединился с человечеством и существенно и лично. Во Христе обитает полнота Божества, а в верующих — начаток Божества. Итак, вся сила логики Православия была именно в том, что оно могло сформулировать самый процесс спасения души человеческой.

Выражаясь современным языком, можно утверждать, что арианская теория, отрицавшая истинное боговоплощение, не соответствовала интимному опыту христианской жизни и была не в состоянии оправдать ее. Арианское богословие становилось в противоречие с подлинным религиозным чувством христианина и тем самым было губительно для жизни Церкви. Вводя в мир какое-то посредствующее существо, арианство тем самым представляло себе Христа только обожествленным Учителем и Подвижником, т. е. лишь примером для Своих последователей. Учением о Христе, как тварном Логосе, арианство принижало и человечество, полагая между людьми и Богом преграду. Православие же, наоборот, возносило человечество на исключительную высоту. Бог Сам непосредственно соединяется с человеком, «обожествляет» его. Человечество входит в органическое единение с Божеством, возносится на небеса, становится мистическим телом Божества.

Итак, борьба между Православием и арианством была борьбой двух противоположных воззрений на отношение Бога к человеку и человека к Богу.

Из этого краткого сопоставления двух концепций о Божестве и спасении человека становится ясно, насколько было необходимо в этот период явить миру твердую и безупречную формулу веры, дать такой «символ» веры, который бы мог дать полный «ответ о нашем уповании».

Надо было найти такие слова, которые бы наиболее ясно, отчетливо и вместе с тем кратко отражали бы истинное понятие, чтобы вместо неопределенных форм придать символу форму законченную, строго догматическую.

В дни деяний Первого Вселенского Собора в самый разгар спора православных с арианами, когда все внимание отцов сосредоточилось на вопросе о единстве Отца и Сына, истинное понятие, как в оптическом фокусе, выразилось в одном слове *μονοθεός* — единосущный. Сын Божий единосущен Отцу. Этим сразу отменялись все ложные теории об отношении Отца и Сына и выражалось истинное природное соотношение двух Божественных Лиц.

Православный символ, как он был составлен отцами Никейского Собора, читался так: «Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всех видимых и невидимых».

И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного,

рожденного от Отца, то есть из сущности Бога Отца, Бога от Бога, света от света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша, яже на небеси и на земли.

Нас ради человек и нашего ради спасения шедшаго, и воплотившася и вочеловечшася; страдавша и воскресшаго в третий день и восшедшаго на небеса, и сидяща одесную Отца, и паки грядущаго судити живым и мертвым.

И во Святаго Духа».

Далее шли указания об отношении Церкви ко всем, не согласным с этим символом.

*
* *
*

Никейский символ был прекрасным отражением исконной веры Христианской Церкви и отчетливо подчеркивал единосущие Сына со Отцом. Однако он не был в полной мере исчерпывающим и не представлял собой еще ту универсальную формулу, которая требовалась для выражения всей полноты христианского учения.

Историческая ситуация того периода была довольно сложна. Еще при жизни Константина арианская партия путем разных придворных интриг снова оказалась в полной силе, а после его смерти ариане сумели захватить все высшие посты. Казалось, что труды отцов Никейского Собора пропали даром.

Чем объясняется эта реакция после Никейского Собора?

Причин к этому было много. Можно полагать, что основная причина состоит в том, что людям, воспитанным в язычестве и вошедшим в Церковь без достаточных духовных побуждений, было слишком трудно сразу воспринять разумом глубину христианского учения. Арианство же представляло собой как бы некоторый компромисс, или, лучше сказать, большую и серьезную уступку язычеству в богопознании. Благодаря этому оно было популярно среди аристократической придворной прослойки. Здесь надо искать и корни того явления, что оно пользовалось покровительством императоров. Арианские епископы чувствовали себя в привилегированном положении и умели ловко использовать свое влияние. Близость к императорскому двору и вся придворная среда налагали неизгладимый отпечаток на все их деяния и на приемы в борьбе с православными епископами — людьми большей частью простыми и искренними, хранителями народной веры и чуждыми всяких интриг.

Однако если арианство было сильно внешней силой, то это же делало его слабым в части подлинно религиозной. Основная масса членов Церкви оставалась, так сказать, стихийно православной. Если простые люди не могли философски изложить свои верования и строго разобраться в различных сложных богословских формулировках о соотношении Сына со Отцом, то несомненно, что в глубине души они верили во Христа по-православному и представляли Его себе именно так, как учили отцы Никейского Собора, т. е. верили во Христа как Истинного Бога, воплотившегося ради спасения людей. Поэтому господство ариан, по сути дела, было призрачным и могло продолжаться лишь до известного времени, пока большинству мыслящих людей не стало ясным, насколько арианская доктрина не соответствует сущности христианской религии. Арианство фактически оказывалось течением, бытовавшим в ограниченной среде придворных клириков и не затрагивавшим глубинные слои верующих.

Несколько десятилетий после Никейского Собора прошло в тяжелой обстановке трудной борьбы за чистоту Православия, в трудной и напряженной борьбе с попытками искажения древнего учения Церкви.

Не имея подлинных корней в церковной жизни, арианство постепенно уходило с исторической сцены, несмотря на явное покровительство ему со стороны императоров и местных правителей.

Сама природа Христианской Церкви была такова, что ею, так сказать, обеспечивался успех в решении поставленных проблем.

Если в период Никейского Собора богословская мысль в основном была направлена на тему о соотношении Сына со Отцом, то после крушения арианства она обратилась к вопросу о соотношении трех Божественных Лиц.

Трудная задача дальнейшего раскрытия истин христианского учения в философском плане и философским языком выпала на долю великих отцов Церкви «каппадокийцев», получивших это название по месту их рождения и деятельности. Василий Великий, его брат Григорий Нисский и их ближайший друг и сподвижник Григорий Богослов — эти три имени навсегда вошли в историю Церкви. Труды их стали, так сказать, классическими и были приняты Вселенской Церковью как подлинное выражение церковной веры. Эти три имени одинаково почитаются и по сей день в Церкви Восточной, равно и Западной.

Все внимание отцов-каппадокийцев было направлено к тому, чтобы, показав всю несостоятельность арианства, далее пройти «царским путем» между ложным учением «монархиан», приводившим к слиянию Божественных Лиц и тем самым фактически к упразднению учения о Святой Троице, и другим ложным учением — плоскими рассуждениями о разобщенности Божественных Лиц, ведущими к какому-то чисто языческому трибожию.

Если в период Никейского Собора вся православная доктрина, как в фокусе, выразилась в одном слове «омоусиос», то теперь таким ключевым термином стало слово «ипостасис». Это слово, чрезвычайно трудно переводимое с греческого на другие языки, близкое к понятию «сущность» и к понятию «лицо», но означающее все же нечто иное и, может быть, несколько близкое к нашему современному слову «индивидуум», было избрано каппадокийскими учителями для разъяснения учения о Троичности Божества.

«Ипостасис» не совпадало ни со словом «усия» — сущность, ни со словом «просопон» — лицо. Если «усия» можно было брать как понятие родовое, то по отношению к нему «ипостасис» звучало как нечто частное, индивидуальное. Если «просопон» означало внешнее обнаружение внутренней сущности и было близко к русскому слову «лицо», то «ипостасис» выражало не внешнее, а внутреннее и в переводе, например, на русский язык было бы ближе к слову «личность», нежели «лицо». Однако «личность» звучит как что-то общее, тогда как «ипостасис» звучит как нечто особенное, указывающее на обладание индивидуальными свойствами.

Трудность заключалась еще в том, что в ту эпоху не было четко отработанной терминологии и у многих церковных писателей «ипостасис» иногда употреблялась вместо слова «сущность» и наоборот.

При помощи термина «ипостасис» каппадокийцам удалось построить стройную систему о Божестве, едином по существу и троичном по ипостасям. Благодаря этому слову им удалось избежать как обвинения в трибожии, так и обвинения в монархианстве, когда личность Сына Божия как бы исчезла в Едином Божестве.

Впоследствии, как мы знаем, слово «ипостасис» не вошло в Символ веры. В Символе оно было бы излишне, усложняя его простоту, как крещального исповедания, содержание которого естественно должно быть облечено в выражения, понятные для каждого простого человека.

В церковную же догматику оно вошло навечно, так же, как и слово «омоуснос». Все это подтверждает ту истину, что христианство есть учение не о словах, а о сущностях.

Три «ипостаси», но одна Троица. Эта формула, произнесенная еще Оригеном, получила у отцов-каппадокийцев полное завершение.

Учение отцов-каппадокийцев о Святой Троице можно назвать классическим церковным учением, вошедшим в сокровищницу христианского богословия на все последующие времена. Здесь было сказано о Троичности Божества, кажется, все, что могла бы выразить человеческая мысль, и возможно, что и во все грядущие времена никто из богословов не сможет выразить учение о Троице более успешно, более ясно и доступно, нежели великие каппадокийские учителя.

Классическое учение каппадокийцев о Святой Троице, естественно, должно было быть авторизованным Церковью на все времена, а Символ веры должен был находиться в неразрывной связи с этим учением.

После ряда неудачных Соборов, созываемых в пятидесятые и шестидесятые годы IV века, после упорной проповеди Православия Григория Богослова в маленькой церковке, единственно уцелевшей у православных в столице империи, и, наконец, после того, как засилье ариан было упразднено, в 381 году в Константинополе собрался Собор, которому суждено было войти в историю Церкви под именем Второго Вселенского Собора.

Этот Собор был, по сути дела, продолжением Никейского Собора. Он провозгласил, что вера отцов, собравшихся в Никее в 325 году, есть истинная вера, подтвердил Символ веры, составленный на этом Соборе, и дополнил его, отчего Символ получил название Никео-Цареградского.

Подтвердив слово «Единосущный» в своем символе, отцы Константинопольского Собора заявили перед лицом всего христианского мира, что они согласны в вере с отцами Никейского Собора. Это главное.

Здесь интересно отметить следующее. Если взять из Никейского и Константинопольского Символа совпадающие части, то оказывается, что из 131 слова (включая члены и частицы) Константинопольского символа 80 слов заимствовано из Никейского, а так как в Никейском всего 99 слов, то, значит, в новый Символ не вошло из Никейского всего только 19 слов.

Извлеки из Никейского Символа все лучшие определения, отцы дополнили его необходимыми поправками для устранения возникших лжеучений. Кроме того, они внесли в символ многое из обычных крещальных вероизложений, дабы символ мог бы служить и крещальным вероисповеданием, каким он в действительности и стал с тех пор и по сие время.

По сравнению с Никейским Символом Символ Константинопольский был более полным и совершенным изложением веры, составленным в прекрасной художественной форме.

Какие же изменения мы находим по сравнению с первым, т. е. Никейским Символом?

Слова о творении «Неба и земли» отнесены теперь к Богу Отцу. Логическое ударение переносится именно на слово «Творца». Отец, Единый Бог, есть Творец всего в подлинном смысле этого слова. Но значение Сына не умаляется, ибо более во втором члене о Нем говорится, что «Имже вся быша» и тем самым исключается возможность какого-либо понимания Сына лишь как Демииурга, Мирообразователя. как это можно было найти у Платона или Филона, отчасти у Оригена.

Во втором члене о Сыне Божием внесен ряд изменений. Никейское выражение «из сущности Отца» при наличии «омоусиос» было излишним, а выражение «прежде всех век» теперь устраняло возможность внесения какого-либо чисто хронологического различия между Отцом и Сыном и гарантировало правильность и неприкосновенность церковного учения о вневременном и вечном рождении Сына.

Выражение «Бога истинного от Бога истинного» усиливает Божественность Сына Божия. Определения Его свойств идут в порядке возрастающего значения: рожденного, несотворенного, единосущного Отцу.

Начиная с третьего члена в Никейском Символе излагалось дело спасения, совершенное Христом.

Если внимание отцов Никейского Собора сосредоточивалось на том, чтобы подчеркнуть Божественную природу Христа Спасителя, то Собор Константинопольский должен был теперь подчеркнуть и другую сторону — указать на подлинность человеческой природы Спасителя.

Собор дополнил третий член Символа, в котором говорилось о рождении Сына Божия по человечеству, указанием, что это совершилось «от Духа Святого и Марии Девы». Здесь — указание на человеческую природу Его Матери. Родившийся от женщины был истинный человек.

Четвертый член Никейского Символа состоял из одного только слова: «страдавшего». Теперь Собор дал пространную формулу веры во Христа, «распятого же за нас при Понтийском Пилате, и страдавшего и погребенного». Здесь прежде всего важно указание, что евангельские события имеют исторические координаты. Кроме того, указываются факты распятия и погребения. Все это было направлено против еретических измышлений докетов о призрачности человеческой природы Богочеловека.

В следующем члене о воскресении Христовом добавлено: «по писаниям». Это подчеркивает и уважение Церкви к Священному Писанию, говорит об авторитете священных книг. В IV веке, как мы знаем, Церковью был окончательно утвержден кодекс Священного Писания. Известное пасхальное послание Афанасия Великого перечисляет книги Священного Писания именно в том составе, как это дошло и до нас. Теперь Церковь устами Собора провозглашает наличие органической связи между обоими Заветами, рассматривая Ветхий Завет как предысторию Нового.

Исконная вера Церкви в искупительную силу страданий Христа Спасителя, в Его преславное воскресение, вознесение завершалась надеждой на Его славное и страшное второе пришествие. Шестой член Никейского Символа, в котором говорилось лишь о факте вознесения Господа, оставлен без изменения, но следующий за ним, говорящий о втором пришествии, теперь был дополнен. Здесь как бы расширяются границы христианской эсхатологии. Константинопольский Собор, опираясь на прямые слова Господа, излагает извечную веру Церкви в то, что второе пришествие будет «со славою» и Царству Христову «не будет конца».

Итак, не говоря уже о ряде необходимых уточнений, Символ теперь пополнился основными богословскими определениями. Символ оттеняет человеческую природу Христа, указывая на его не только Божественное, но и человеческое происхождение и на Его действительное человеческое страдание. Сын Божий, восприняв от Девы Марии человеческое естество, стал истинным человеком, — воочеловечился, страдал плотию Своею, был погребен как плотию умерший. Воскресши, Он пребывает вечно одесную Отца и снова явится на землю, но уже со славой, дабы судить живых и умерших. И Царству Его не будет конца... Все эти выражения порознь находились в древних символах (в армянском, кап-

падокийском, антиохийском). Теперь отцы Второго Собора собрали их в одну систему, в одну полную картину христианской веры.

Учение Церкви о Боге Отце и Его Сыне раскрывается в Символе в кристально-прозрачных, геометрически стройных формулах, имеющих характер религиозно-аксиоматический.

*
* *

Никейский Символ, как мы знаем, кончался кратким исповеданием веры Церкви во Святого Духа.

Самым крупным оригинальным определением Константинопольского Собора является, конечно, формула о вере во Святого Духа.

Мы уже говорили, что языческое мировоззрение теми или иными путями стремилось проникнуть в Церковь. Если на Первом Вселенском Соборе шла борьба с языческим влиянием на христианское учение о Сыне Божием, то на Втором Соборе шла борьба с влиянием неоплатонизма на христианские учения о Духе Святом.

Однако если крупные христианские мыслители, как Василий Великий и Григорий Богослов, умели извлечь из неоплатонического учения все, что могло служить христианской богословской науке, отбрасывая все ложное, то на других, более слабых христианских мыслителей неоплатонизм оказывал свое влияние настолько сильно, что они поддавались его влиянию. В период между I и II Соборами сложилась партия епископов, на учении которых о Святом Духе явно сказывалось влияние неоплатонизма.

По Плотину, «Душа» отделена от «Единого» процессом деградации силы бытия, и уже во всяком случае не приходится говорить о какой-либо равночестности «Души» с «Единым». «Душа» является лишь внешним проявлением Божества, чем Божество соприкасается с миром. И если ей можно было приписать личное бытие, то только по мере приближения ее к чувственному миру. Высшее же Божество оставалось безличным. Необходимо также отметить, что в учении неоплатоников всюду сквозило презрение к материи. Тело — темница души человека. Идеальный тип человека — это аскет, презирающий свое тело. Это роднило неоплатонизм и с гностицизмом и с пессимизмом стоиков. Таким образом, и здесь, в нравственном плане, неоплатонизм представлял собой нечто, противоположное оптимистическому христианскому мировоззрению, нечто, совершенно противоположное учению Христа и апостолов о радости, как основной черте христианского мироощущения и мировоззрения и об обожении человека.

Бессознательная метафизическая триада неоплатоников, построенная по убывающей степени, резко отличалась от живой Троицы христианской, личной и равночестной.

Своим учением об «Уме» и «Душе», как о производных и низших по достоинству видах бытия, неоплатонизм не мог соответствовать духу христианского учения о Сыне Божием и о Духе Святом, как Утешителе, Которого Сын Божий посылает в мир от Отца вместо Себя, а своим презрением к телу неоплатонизм резко противоречил христианскому учению о теле, как о храме Святого Духа. Христианский же догмат о Святом Духе тесно связывался с идеей одухотворения и обожествления человека.

Константинопольскому Собору предстояло отмежеваться от этого скрытого язычества и дать формулу исконной веры Церкви во Святого Духа, как равночестного Отцу и Сыну, исходя из ясных слов Христа о крещении во имя Отца и Сына и Святого Духа, в которых нельзя найти даже и намека на неравенство Божественных Лиц.

Константинопольский Собор дал пространную формулу, в которой утверждалось, что Церковь верует в Духа Святого Господа, Животворящего, от Отца исходящего, со Отцем и Сыном спокланяемого и славимого, провозвещающего через пророков.

Собор не употребил слова «омоуснос» в отношении Святого Духа для подтверждения Его равночестности со Отцем. Возможно, что этот термин не нравился многим участникам Собора. Возможно, что он не был введен во избежание смешения личных свойств, дабы не было сближения «рождения» Сына и «исхождения» Святого Духа. Собор применил другие термины. Если по отношению к Сыну было подтверждено «омоуснос», то в отношении Святого Духа было употреблено два слова: «спокланяемый и славимый», в которых рельефно выражалась мысль о равночестности Духа со Отцем и Сыном. «Природа прославляемых одинакова», — писал Василий Великий. Эти слова, сказанные до Собора, получили теперь на Соборе признание и вошли в соборную формулу.

Все учение о спасении, пространно изложенное в Символе веры, впоследствии было сжато изложено в «отпусте» (заключительных словах богослужения) вечерни в день Святой Троицы, очевидно, принадлежащих Василию Великому, которые в переводе на русский язык звучат так: «Христос истинный Бог наш, — Он от Отчих и Божественных недр истощил Себя и на землю сошел, и наше человеческое естество воспринял и обожил (обожествил) его, и снова на небеса восшел и воссел одесную Бога и от Отца ниспослал нам Божественного, и Святого, и Единосущного, и единосильного, и единославного, и соприносущного Духа». Здесь нет и намека на какую-либо субординацию. Достоинно примечания и то, что в отношении Духа Святого здесь употреблено слово «Единосущный».

Изложив ясную и четкую формулу о Триипостасном Боге, Собор дал, если можно так выразиться, и классическое определение Церкви: «Веруем во Едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь». Трудно было бы дать что-либо более четкое и вместе с тем содержательное, чем эти четыре слова. Сейчас, когда весь христианский мир охвачен стремлением к единству, эти четыре слова стали знаменем, под которое хотят сойтись все христианские исповедания.

Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь... Эта формула настолько совершенна, что против нее не может возразить ни одна из конфессий. Кто из христиан не желает от всей души, чтобы все христиане соединились в лоне Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви? Это то, к чему в равной мере стремятся и православные, и католики, и протестанты. И если между христианами идут споры о вере, то каждый должен представлять себе ту Церковь, к которой он принадлежит, наделенной именно этими четырьмя качествами.

Собор включил в Символ член о крещении во оставление грехов, подтвердив тем самым древнюю веру Церкви в благодатную силу крещения во исполнение прямого заповеди Спасителя.

Вместе с тем Собор определил, что крещение должно быть единым. Совершенное, согласно заповеди Спасителя, оно не может повторяться, если даже человек, впав в грех, исключаяющий его из Церкви, после покаяния снова возвращается в ее лоно. Крещение есть новое, духовное рождение. Как нельзя дважды родиться физически, так нельзя дважды родиться духовно.

Крещение едино. Это чрезвычайно важно для христиан, особенно в наши дни, так как сейчас, при наличии конфессиональной разрозненности, это служит одним из главных факторов христианского единства. Католики, православные, протестанты, разрозненные в ряде догматических вопросов, остаются, однако, едиными и по сей день именно благодаря единству крещения. Крещение, совершенное согласно прямой

заповеди Спасителя, является той основой, благодаря которой мы и сейчас можем говорить о фактическом единстве христианского мира. Если крещение едино для всех христиан, то можно сказать, что христианский мир, несмотря на существующие разделения, тем не менее, един.

Наконец, в Символе включено христианское чаяние воскресения мертвых и жизни будущего века.

Если Христос не воскрес, суетна вера наша. Суетна и проповедь наша. С самых первых времен бытия Церкви крещаемый перед святою купелью исповедовал свою веру в воскресение и в жизнь вечную. Теперь, после того, как исповедание веры и надежда на воскресение и жизнь будущего века было внесено в Символ, он становился тем самым уже и крещальным Символом, становился исповеданием, которое каждый, желающий войти в Церковь, должен был произнести вслух. Тем самым Символ становился и жизненно необходимым и общеизвестным.

Включив в Символ веры эти краткие слова о воскресении и жизни вечной, отцы Второго Собора сделали Символ кратким изложением **всей полноты** христианской веры.

Ко всему сказанному остается добавить, что, помимо чисто догматических и исторических добавлений, отцы Собора внесли улучшения и в самый стиль изложения. Тон символа остается торжественным и более величественным, нежели в Никейском.

Так, например, внеся слова, говорящие об унижении Сына Божиего по плоти, Символ тут же дает звучную антитезу этому в словах «сседающего одесную Отца и паки грядущего со славою».

Подытоживая все сказанное, можно видеть, что на нынешний день Символ веры, получивший вследствие своего чисто исторического происхождения наименование Никео-Цареградского, служит подлинной и неложной основой единства всего христианского мира.

Все христиане верят в Бога Отца, Вседержителя, точно так же одинаково верят и в Сына Его Единородного, Бога истинного, рожденного, несотворенного, Единосущного Отцу, рожденного от Отца прежде всех век. Все христиане одинаково исповедуют Сына Божия таким, каким знают Его из слов Святого Евангелия,—рожденным от Духа Святого и Марии Девы, т. е. истинного Бога и истинного человека, нас ради сшедшего с небес, страдавшего и воскресшего и ожидаемого, грядущему Царству Которого не будет конца. Все веруют и в Духа Святого, спокланяемого и сславимого Отцу и Сыну. Всех христиан объединяет вера во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь, все признают единство крещения, и все одинаково верят в воскресение мертвых и жизнь будущего века.

Н. Иванов,
кандидат богословия

«STUDII TEOLOGICE» («БОГОСЛОВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»),

1962, №№ 5—6 и 7—8

(Журнал богословских институтов Румынской Патриархии)

На первом месте в № 5—6 журнала помещена статья проф. Иоанна Г. Савина «Домостроительство и плоды Воскресения Господня». Среди событий земной жизни Спасителя, говорит автор, четыре имеют особенное значение: Рождество, Крещение, Распятие и Воскресение. Каждое из этих событий составляет важный момент в деле искупления человека: Рождество — начало искупления; Крещение — приход в среду людей для возведения и осуществления дела искупления; Распятие — цена крови, принесенная человеческой природой Богочеловека во имя искупления; Воскресение — полнота торжества искупительного милосердия и благоволения к человеку. Однако Воскресение превосходит все первые события, ибо только в нем они получают полное раскрытие своего сoterиологического значения. Воскресение открыло их тайный смысл, их неизмеримую важность: до Воскресения они не могли быть в достаточной мере поняты, их значение еще не было верно оценено человеком. Воскресение Господа вновь напомнило о них, осветило их полным светом истины. Господь воскрес, ознаменовав и подтвердив этим будущее воскресение человека. «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша... и умершие во Христе погибли и... мы несчастнее всех человеков», — писал ап. Павел к коринфянам. Воскресение Христова — знак и ручательство нашего воскресения. Весть о телесном воскресении нашем сделала христианство непобедимой силой, изменившей весь древний мир и заставившей отступить и буддизм с его нирваной, лишенной всякого движения и формы, и греко-римлян с их мрачным царством теней умерших, и иудеев, которые либо не признавали воскресения (саддукеи) либо умалили и искажали идею его (фарисеи и книжники). Религиям древнего мира была настолько чужда идея воскресения, что даже апостолам мысль о Воскресении Спасителя казалась непостижимой, и после Воскресения Его вера в совершившееся с трудом пролагала путь в их сознание.

Но, говорит автор, вера в воскресение оказалась с течением времени у христиан окруженной прискорбными крайностями: это прежде всего пассивность и пренебрежение к земной жизни (тоже дарованной Господом!), к более справедливым и человеческим условиям существования, и это вело к упрочению социальных зол и неравенства. Более того, идея, что земные страдания получают награду в жизни после воскресения, приняла преувеличенные формы, страдания стали казаться необходимым условием радости будущей жизни, люди даже думали, что следует умышленно создавать себе страдания и лишения на земле, обязательно идти на мученичество ради новой религии, чтобы достичь особо высокого блаженства по воскресении; все понятия о счастье, о светлой жизни человека переносились на будущую жизнь. Так вторглась в христианство струя мрачного уныния. Забыто было то, что ясным светом светилось из поучений Евангелия и кротким сиянием изливалось из многих событий земной жизни Спасителя. Подобные уклонения извращали дух христианства. Церковь не раз восставала против этих преувеличений, «уничтожения» земного бытия, самоистязания, излишнего аскетизма; она говорила, что человек должен постепенно очищать душу и тело от зла и разумно пользоваться ими, а не причинять им нарочитых страданий, не умерщвлять в себе земного начала, а вести его к гармоничному существованию с высшим духовным началом, не оскорблять создания Божьего — земной природы человека. Радость вечной жизни наследует тот, кто полностью осуществил и раскрыл все добрые возможности своего существа, прожил свою земную жизнь с пользой для других. Христианство призывает к всестороннему развитию природы человека, в которой духовная сторона неразрывно и плодотворно расцветает и действует вместе с физической, — развитию, ведущему к духовному обогащению человеческого существа на земле, чтобы принести эту обогащенность с собой в вечную жизнь. Поэтому христианство, говорит автор, не запрещает никаких осмысленных радостей земной жизни — этических, эстетических, интеллектуальных и т. д. «Если, — замечает он, — в истоках своих христианская религия запрещала христианам извест

ные развлечения, участие в театральных представлениях и общественных увеселениях, то это делалось вследствие мифологического, языческого, часто аморального их содержания (театральные зрелища) или по причине жестокого и бесчеловечного их характера (поединки гладиаторов, битвы с хищными зверями на аренах и т. д.). В этих случаях христианский ригоризм был, скорее, реакцией на моральную распушенность, чем евангельским законом христианской жизни. За полноту, радость, святость земной жизни человек отвечает перед Богом, даровавшим ему воскресение. В этом заключаются величие и трудность христианской жизни. Развивать себя, вести себя к совершенствованию, обуздывать в себе зло — трудная задача для человека, а не «легкое и приятное скольжение по удовольствиям жизни». Надо быть достойными великих благ, принесенных Воскресением человеку, и в первую очередь свято соблюдать два дара Спасителя — заповеди о любви друг к другу и о мире.

В магистерской диссертации «Личность св. Василия Великого» магистрант **Василе Прескуре** развивает следующие идеи. Осуществление религиозно-нравственного совершенства личности, т. е. достижение святости, означает постоянное стремление к жизни во Христе и со Христом, каждодневную борьбу за рост в добродетели, в любви, в двойном ее аспекте: любви к Богу и к людям. Святость означает труд, служение, жертвенность. Всем этим был украшен нравственный облик св. Василия. Его историческая роль в христианстве велика. Христианская жизнь в IV веке нуждалась в известном обновлении, ибо многие верующие исказили ее смысл и забыли, что они «сыны любви». Св. Василий влил в современное ему христианство могучую струю жизни, показав в истинном свете суть христианства, в том числе и нравственное его учение. Моральная сила и несокрушимость веры св. Василия ярко проявились в борьбе с арианами, а моральная чистота — в безграничной любви к ближнему, к людям в их страданиях и нужде. Высокие моральные качества св. Василия сказались и в его деятельности по созданию общежительной монашеской жизни, благоприятствовавшей возрастанию монашествующих в добродетели. Образец веры и жизни во Христе, св. Василий получил от Церкви как заслуженное воздаяние имя Великого.

Ч. Ион помещает статью «Институт хорепископов в древней Церкви». Хорепископы были сельскими епископами в древней Церкви, в отличие от епископов городских, которым они подчинялись. Институт хорепископов появился, говорит автор, до второго десятилетия IV века (ибо с этого времени хорепископы становятся объектом различных соборных постановлений) и существовал до XII—XIII вв. (в некоторых церквях — Маронитской, Яковитской, Кипрской Православной Церкви — он существует и до сих пор). Как в Восточной, так и в Западной Церкви появление института хорепископов было вызвано тем, что с возрастанием числа христианских общин за пределами городов городские епископы были уже не в состоянии всеми ими руководить. Хиротонию хорепископы получали от городских епископов. Сами они не рукополагали во иерея или диакона, но имели право хиротесии в низшие степени — иподиаконов, чтецов. Хорепископы совершали все таинства, могли совершать богослужения в епископском храме города, в присутствии епископа, имели право участия в Поместных и Вселенских Соборах. Хорепископы назначали или утверждали священников в своей области; особой их функцией была забота о нуждающихся. Большинство хорепископов, несмотря на то, что в принципе были подчинены городским епископам, имели фактически самостоятельное епископское положение на руководимой ими территории и сыграли большую роль в организации и упрочении ранней христианской Церкви. В дальнейшем, в результате злоупотреблений, появившихся со стороны хорепископов, соперничавших с городскими епископами, были изданы каноны, направленные к ограничению прав хорепископов и к сокращению их числа. Это постепенно привело к исчезновению института хорепископов. Место их со временем заняли помощники городских епископов. Однако, по существу, институт хорепископов никогда не был отменен Церковью.

В статье «Христианская иконография, как научно-исследовательская дисциплина» **свящ.-проф. Ене Браниште** указывает прежде всего, что иконография является сравнительно новой отраслью среди богословских наук. Исследования, ставившие себе целью, прямо или косвенно, изучение церковной живописи различных эпох и стран, появлялись еще с XVII века, главным образом в связи с развитием изучения житий святых. Но лишь в XIX веке иконография стала самостоятельной дисциплиной в истории искусств, имеющей оригинальное содержание и методы исследования. По ходу работы автор рассматривает развитие иконографии в XIX и XX вв. во Франции («колыбели иконографии»), Италии, Германии, Австрии, Швейцарии, Англии, США, СССР, Болгарии, Сербии и Югославии, Греции и Румынии.

Магистерская диссертация **Михая-Габриэля Попеску** посвящена теме «Богослужбные книги, как источник материала для проповеди». Автор указывает, что в круг ее рассмотрения не включены Евангелие и Апостол, служащие обычно источником для проповедей, тексты св. литургий и Типикон. Предметом диссертации являются прочие богослужбные книги. Диссертация разделяется на три главы: 1) Богослужбные книги, как догматический источник проповеди. 2) Богослужбные книги, как этический источник проповеди. 3) Значение богослужбных книг для формы проповеди. Заключение, к которым приходит автор, таковы. Богослужбные книги весьма ценны по обилию в них элементов христианского догматического и нравственного учения. Священнослужитель не должен проходить мимо этих книг при составлении проповедей. Материал в богослужбных книгах расположен по датам церковного года,

в результате чего и содержание проповеди может тесно сочетаться с содержанием празднуемого события. Великие проповедники Церкви постоянно пользовались при составлении проповедей богослужебными книгами, говорит автор, и часто делали отправной точкой проповеди тот или иной стих богослужебных песнопений. Октоих, Триодь Постная и Цветная заключают в себе целые собрания поучений. Использование богослужебных книг в деле христианского проповедничества может чрезвычайно помочь проповеднику и возвысить ценность церковного слова. Только через проповедь дидактическое содержание богослужения, широко отображенное в богослужебных книгах, может найти свое полное раскрытие для верующих.

Номер заключается продолжением библиографической работы свящ. Д. Фечору «Каталог рукописей библиотеки Румынской Патриархии» и разделом «Библиографические заметки».

Богословский институт в Бухаресте носит имя свв. Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Статья проф. Кицеску в № 7—8 «Аспекты экклезиологии в учении трех святых иерархов» представляет собой слово, произнесенное в институте по случаю празднования памяти трех святителей. Глава об экклезиологических концепциях трех святителей, указывает автор, обычно отсутствует в руководствах, если не считать немногих страниц, посвященных св. Иоанну Златоусту. Утверждение, что в богословии этих свв. иерархов почти не отведено места экклезиологии, не вполне точно. В их писаниях рассеяны многие экклезиологические идеи, которые в совокупности своей образуют подлинное богатство православной экклезиологии. Автор внимательно рассматривает экклезиологические концепции трех иерархов. Начало Церкви, по учению их, восходит к дням сотворения мира. Еще до создания вещественного мира, одновременно с созданием мира духовного, была сотворена — в ее духовном образе — Церковь Царства Небесного, уготованного праведным от создания мира (Мф. 25, 34). Началом Церкви в земной истории является смерть Господа на Кресте или излияние благодати Духа Святаго в день Пятидесятницы. Вслед за ап. Павлом свв. иерархи называют Церковь таинственным Телом Христовым, Главою Которого является Он Сам. В жизни верующих таинственно повторяются главные события земной жизни Спасителя. Принимая свв. таинства, даруемые Церковью, верующий повторяет воплощение Господа: действием Евхаристии и других таинств мы воплощаемся в Тело Церкви, Тело Господне. Св. Григорий Богослов говорит, что в крещении мы умираем для древнего Адама, а в Божественной Евхаристии воплощаемся в Нового Адама, становимся одно с Телом и Кровью Господа. То же утверждает св. Иоанн Златоуст: «Чем становятся причащающиеся? Телом Христовым. И нет больше среди них многих тел, но есть одно тело. Как хлеб сделан из многих зерен, настолько слитых воедино, что ты их больше не можешь различить (хотя они и существуют в хлебе, но так, что тебе уже не видно их по отдельности, — так тесно соединены они между собою), точно так соединены и мы друг с другом в Евхаристии».

Долг всех членов Церкви — отстаивать чистоту и целостность ее. Особенно этот долг ложится на иерархов, ответственных за души порученной им паствы. Сами три святителя были неустанными борцами за высоту наставнической деятельности Церкви, за полноту проявлений ее любви к людям. Мы понимаем, говорит автор о св. Иоанне, постоянное волнение духа иерарха, пекущегося о преображении душ тех христиан, за которые будет с него спрошено. Мы понимаем непрестанное его горение, самоотверженную заботу о других и попечение о духовном росте тех душ, которые ему поручены, той общины, руководить которой он поставлен; мы видим напряженность, с которой он следит за действием своих речей на слушающих его; видим радость его убежденности, что они вступили на добрый путь. Иерарх искал ясных, четких слов и толкований во всех обстоятельствах и положениях, готов был на все, чтобы помочь униженным и несчастным вокруг себя. Ибо по дороге к храму, где он молился, святитель бывал свидетелем жестокой нищеты, господствовавшей в рабовладельческом обществе, и всюду видел страшное хозяйничанье тех, кто одержим «проклятой жадной золотом». Святой все видел, все чувствовал, страдал вместе со всеми. Свв. иерархи говорят о Церкви, как руководители ее, и в то же время — как дети о матери, от которой они приняли жизнь. Они действительно стремятся охранить мистическое Тело Христово (по выражению св. Василия Великого) от ран, т. е. от ересей и расколов, соборности вселенской Церкви, прилагают большие усилия чтобы единство Церкви не пострадало от причин случайных и личных. Как главной причиной расколов и отпадений в Церкви является любовь к суетной власти и славе, говорит св. Василий Великий, так главным средством сохранения кафоличности Церкви служит единство веры, мир и взаимная любовь внутри ее. Святители напоминают, что Церковь состоит из Церкви земной и Церкви торжествующей, образуемой праведными и святыми, во главе с Матерью Божией, и силами ангельскими. Та и другая Церковь составляют одно богочеловеческое целое, одновременно небесное и земное, одухотворяемое одним и тем же Духом Святым (св. Иоанн Златоуст). В своем земном аспекте Церковь состоит из духовенства и верующих, образующих единую христианскую семью с органической общностью служения и верования. Здесь не может

быть речи, говорят святители, о каком-либо существенном разделении на две категории, ибо таинственное Тело Христово нераздельно. Этим три святителя наперед осудили, в полном согласии с общепатристическими концепциями, как клирикократию, так и laikократию (т. е. преобладание в управлении церковной жизнью иерархического или мирского элемента). Члены духовенства, в понимании святителей, являются в известной мере высшими членами Церкви, но они никак не стоят над нею, выше нее (и тем самым вне ее). Верховным Главою Церкви является Христос. В ясных словах высказывали великие иерархи свои мысли о различных практических сторонах деятельности Церкви.

Церковь в ее истинном значении, в ее жизни и развитии представлялась для свв. иерархов единой, неделимой, полной духовного света общиной — невидимой и видимой в одно и то же время, утверждающейся на заповедях Христовых, и прежде всего на любви. Любовь призывает устами Церкви устранить в мире всякую несправедливость, зло, вражду, войны и эксплуатацию человека человеком. Пока это существует, страдает вся Церковь в целом, ибо единство Христа, Главы Церкви, и всех ее членов в одном таинственном Телѣ нераздельно, и в этом единстве страдание одного из членов передается всему телу, как и высшие, одухотворенные радости переживаются совокупно всеми его членами. Но жизнь бывает исполнена страданий и прегрешений, и Сам Христос. Глава Церкви, страдает беспрерывно и не может пить вина радости (ср. Лк. 22, 18), пока все верующие не будут соединены с Ним. Говоря о страданиях и неурядицах в жизни, свв. иерархи причину человеческих бедствий и социальных зол в современном им мире усматривали в разделении общества на пресыщенных богатых и погибающих от голода нищих и рабов. Самого Христа они часто представляли в своих поучениях, как бедняка, ходящего по земле и просящего у людей добра и справедливости, милости для бедных. Святители говорили даже, что ты украшаешь престол Христов, если Он умирает с голода? Насыть сначала Его, если Он алчет, а потом увидишь, следует ли тебе украшать престол тем, что останется у тебя. Скажи мне, если бы ты увидел кого-нибудь, полностью лишенного самой насущной пищи, и оставил бы его, чтобы пойти и украсить престол золотым сосудом, был ли бы Он благодарен тебе? И если бы ты увидел Его одетым в лохмотья и дрожащим от холода, но, вместо того, чтобы подумать об одежде Его, воздвиг Ему колонну из золота, говоря, что поступаешь так в знак чествования Его, не подумал ли бы Он, что ты издеваешься над Ним? Не украшай храмов, если этим ты обделяешь брата твоего в страдании. Храм милосердия твоего ценнее, чем тот храм» (св. Василий Великий). Много душевных слов и мудрых решений находили свв. иерархи, восставая против современного им социального зла. И если они не смогли привести своими призывами, своей деятельностью к каким-либо значительным переменам в жизни общества, пишет автор, то все же оказали глубокое влияние на христианское сознание последующих времен.

Так великие три иерарха, говорится в заключение статьи, живя в Церкви и Церковью, сумели выразить все, что есть божественного в жизни и сознании христианской Церкви всех времен, как вечного Откровения. Ради этого их и почитают как вселенских учителей — *doctores Ecclesiae*.

Свящ.-проф. Вл. Прелипчан публикует в номере статью «Сожжение мертвых и православное богословие». Автор подробно рассматривает аргументы за и против кремации.

Археологические исследования показывают, что и погребение и сожжение трупов существуют с глубокой древности; однако если погребение совершалось еще в палеолитическую эпоху, то сожжение появилось, по-видимому, только в эпоху неолита; помимо того, погребение тел всегда было более распространено, чем сожжение. Во времена нашей эры, по мере христианизации народов Востока и Запада, обычай сожжения усопших стал исчезать, всюду уступая место погребению, которое, под влиянием христианских стран, постепенно получило всеобщее распространение даже у нехристианских народов. Сожжение вновь возрождается во времена Французской революции 1789 года. В XIX веке итальянские гигиенисты горячо проповедают кремацию, считая ее более правильной с медицинской точки зрения. В 1874 году в Милане сооружается первый крематорий. В 1905 году в Европе и США существуют уже 93 крематория.

Приверженцы кремации утверждают, что кладбища могут быть источниками инфекции. Однако исследования гигиенистов показывают, что при соблюдении определенных санитарных норм кладбища не представляют никакой опасности. С юридической точки зрения погребение предпочтительнее, ибо дает возможность проводить судебно-медицинскую экспертизу, спасая не одну человеческую жизнь от незаслуженных обвинений в отравлении, убийстве и т. д., или, наоборот, доказывая совершение тяжких преступлений (предлагаемое сторонниками кремации обязательное судебно-медицинское вскрытие всех трупов перед кремацией едва ли осуществимо на практике).

В христианской Церкви, от ее начала и до наших дней, общим для всего христианства видом погребения о телах усопших является их погребение. Христиане заимствовали этот ритуал от древних иудеев. Из Ветхого Завета видно, что мертвых подобает погребать (Быт. 2, 7; 15, 15; 50, 26; 2 Царств. 21, 14; 3 Царств. 2 34 и т. д.), что погребение есть долг (2 Царств. 21, 14; Иезек. 39, 14), выражение любви (Быт.

35, 29) и благоговейного отношения к умершему (2 Царств 2, 5). По библейскому обычаю иудеев был погребен после крестной смерти и Господь Иисус Христос. В законодательстве Церкви нет предпочтительных указаний на погребение или сожжение умерших, в то время как обычай погребения неуклонно жил в Церкви и никогда никто не подвергал его сомнению.

Значение ритуала погребения в жизни и сознании христианина, бесспорно, велико. Однако ритуал этот не может быть отнесен к догматам Церкви и, в частности, не может считаться частью догмата о воскресении мертвых. Правда, некоторые богословы утверждают, что погребение есть древнее установление, данное Самим Богом (и выражено оно в Бытии 3, 19): «...Доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты, и в прах возвратишься». Но эти слова Писания правильнее всего понимать в том смысле, что материальные элементы, из которых строится тело человека, после его смерти вновь соединяются с окружающей материей, так что под словами «земля», «прах» здесь разумеется вообще материя; при этом здесь не указывается способа, по которому тело должно превратиться в элементы, из которых оно взято, не говорится, что это возвращение в лоно природы должно совершаться путем разложения в земле или путем сожжения, которое, по сути, есть лишь ускоренное разложение.

Ритуал погребения имеет для верующего особое символическое значение, ибо представляет собой символ некоторых высоких идей догматического и этического порядка. Именно, погребение символизирует смирение христианина и одновременно его величие и бессмертие. Как Христос был погребен, так погребается и верующий во Христа. Но тело умершего заслуживает почести не только потому, что оно воскреснет к славе во Христе — Первенце умерших, но и тем, что в земной жизни оно уже приняло в себя отчасти эту славу Христову, будучи освящено таинствами Крещения, Евхаристии и другими и став храмом Духа Святого. И даже если из этих высоких мыслей и не следует прямо, что погребение является единственным способом подобающего отношения к телу умершего, если Св. Писание нигде не запрещает и не осуждает сожжения, все же погребение по духу своему, символизмом своим более сообразно со смыслом успеха христианина, чем сожжение.

Некоторые богословы полагают, что догмат о воскресении телесном несовместим с сожжением, так как считают, что только при погребении тело человека, подобно плодородному зерну, может, сгнив в земле, сторицею дать плод свой «во время свое». Но Св. Писание нигде не обуславливает воскресение тела погребением его в земле, а, напротив, говорит, что воскреснут все тела — и сожженные, и утонувшие, и растерзанные дикими зверями и т. д. Погребение есть лишь символ воскресения, но не условие его. Св. Предание, как и Св. Писание, нигде не высказывается против сожжения тела христианина.

В дальнейшем изложении автор касается положения вопроса в Румынии.

Так как кремация все больше входит в практику похорон в крупных городах, где остро ощущается недостаток земли для кладбищ, Православная Церковь, как говорит автор, не может оставаться безразличной к этому. Вопрос о кремации был включен в повестку дня Всеправославного Совещания на Родосе в 1961 году. Тогда было решено, что вопрос является актуальным и должен быть обсужден на Всеправославном Просиноде. Автор считает, что еще до Просинода каждая из автокефальных православных церквей может высказать свое мнение и отношение к данной проблеме.

Далее в журнале следует четыре магистерских диссертации. Одна из них — диссертация **Иоанна Ф. Станкулеску** «Каноническое послушание» — говорит о послушании и повиновении членов Церкви определенным каноническим нормам и установлениям, существующим в Церкви. Диссертация **Думитру Абрудана** посвящена теме «Празднества евреев в эпоху послепленную». Диссертация **Александру-Армана Мунтяну**, озаглавленная «Архиепископство города Юстинианы Первой и его юрисдикция», говорит о городе, основанном императором Юстинианом на Балканском полуострове, в средиземноморской Дакии, и носившем название Юстиниана Первая, а позднее — Охрида. Одновременно с городом было создано и епископство Юстинианы Первой. Создание города и епископства было вызвано тем, что к тому времени Фессалоники уже не обеспечивали должного административного и церковного управления провинцией Иллирией. Епископство существовало до XVII века и оказало большое влияние на жизнь Церкви на территории нынешней Румынии. Диссертация **Сильвиу Ануики** написана на специальную тему «Патриархия Пеская (Ипекская) в годы 1557—1766».

Номер журнала, как и предыдущие номера, заключается продолжением большой библиографической работы **свящ. Д. Фечору** «Каталог рукописей библиотеки Румынской Патриархии» и разделом «Библиографические заметки».

В. Владимиров

